

ВИТРАЖИ
литературный альманах

“Лукоморье”
2023

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

МЕЛЬБУРН

2023

© Copyright 2023 by authors.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without permission in writing from the authors.

ISBN 978-0-9946108-8-1

Design and Artwork:

Graphics:

Naum Vinarsky

Cover design:

Joseph Edelman

Zalman Shmeylin

Literary Creative Association

“LUKOMORIE” Inc.

Printed in Australia

Melbourne

2023

ПОЭЗИЯ
ЯИЗЭОП

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор 23 поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих международных литературных премий. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Болгария). Указом Президента Беларуси награжден орденом Франциска Скорины. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почетный член Союза писателей Беларуси и

Союза русскоязычных писателей Болгарии, член Союза писателей России. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

ПТИЦА РУССКОГО СЛОВА...

1

Лампа коптит... Тень из угла...

Мамина ласка...

В гемоглобин с детства вошла

Русская сказка.

Как от неё сердцу тепло

Ночью суровой!..

Сказка... А с ней в сердце вошло

Русское слово.

Слово поёт... С ним по утрам

Встать интересней.

Включишь с утра радио... Там

Русская песня.

Чуть подпоёшь... Выпьешь вина ...

Вот и не люто.
Только б не знать, как же страшна
Русская смута!

Не виноват? – Казнь без вины,
Бой до победы...
Боже ты мой, как же страшны
Русские беды!

Бой отгремит, боль отойдёт...
Вновь, без опаски,
Чей-то малец на ночь прочтёт
Русскую сказку...

2

Вновь пламень и пепел... Не выйти из сечи,
Где вражий клинок тебе целит в живот.
Но отзвуки русской спасительной речи
Доходят до сердца с загробных высот.

Напрасное время... Тоска и усталость,
И некому нас от беды уберечь.
Почти ничего-то у нас не осталось –
Одна лишь великая русская речь.

По-русски хрипящие, снова и снова
Встают, чтобы с Пушкиным рядом стоять.
И тупятся сабли о русское слово,
И враг по своим начинает стрелять.

Пусть вороны гибель им злобно пророчат! --
По-русски умея сносить неуют,
По-русски рыдают, по-русски хохочут,
По-русски победные песни поют...

Потомки опричнины и Пугачёва
Взошли из земли, чтобы в землю и лечь.
Лишь только бы слышалось русское слово!
А дальше?.. А дальше хоть голову с плеч...

3

Всем ведомо – в начале было слово,
И лишь потом вселенский гул возник.
Но слово то – всему первооснова:
И замыслу, что дерзок и велик,
И царскому высокому указу,
И записям немого чернеца,
Что начертал единственную фразу,
Не описав сраженья до конца...
В том слове русском, слове исполинском,
Смешалось всё – молитвы горький ком,
Истошный стон на поле Бородинском,
Истошный вой на озере Чудском...
То слово и казнило, и прощало,
С ним лёд под крестonosцами трещал.
И было в слове – Родины начало,
А Родина – начало всех начал.
Вобрало слово первое признание,
Последний гвоздь из смертного креста...
«Не укради!..» – начертано в «Писанье...»
И «Не убий!..» -- отвечают уста...
Всё молвлено... И всё вокруг не ново.
Как в чёрный омут канули века.
Но если есть и Родина, и Слово,
То есть и дом... И память... И строка...

4

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось – Батьи
Всех чёрных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово – основа, за слово --- под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу... Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
И жить – тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснолицый...

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал... Знал – нету другого.
И молился, и Бога просил – ограда
Птицу русского слова...

Горизонт непонятым
Свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие языки...

5
Не умею сказать по-французски
Ни «природа», ни «блузка», ни «лес»...
У французенок яркие блузки,
Видел всяких – и в блузках, и без...

Всё блуждается в том, полудетском
Восприятье... Что Бог триедин
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь... Не знаешь... Не видишь...
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Всё на русском... Конечно же, плохо
Помнить лишь «камарад» и «капут»!
Но, когда озверела эпоха,
Только крикни: «Ура!» ... И поймут...

6

Все ничейно... Поля? – Вот те на...
А по-русски выходит «поляна».
И высокое слово «страна»
На две трети читается «рана».

Сердце Родины. Ширь да подзол.
Хоть в «подзоле» всё чудится злое.
Это кто к нам с небес снизошёл?
«Снизу шёл» ... Остальное пустое...

Всё рыдали княжны в теремах,
Расшивали рубакам рубаху.
Ох, Владимир ты свет Мономах,
Что ж преемники дали-то маху?

Сколько взгляд ни мечи из-под век –
Лишь устанут набрякшие веки,
А тут всё не поймешь – «человек»:
О челе или, может, о веке?

Так вот, мучась, уйдём навсегда
В мир, где больше ни боли, ни бреда.
Помня – русское слово «беда»
Всё ж две трети от слова «победа».

7

Сын русского слова, внук русской словесности,
Мне русская мука – молочная мать...
Зубами скриплю, угасая в безвестности,
Словами давлюсь, не умея смолчать.

Где нету моста, прошагаю по жёрдочке,
Где птицы умолкнут, там я запою...
Словцо нацарапав на треснувшей форточке,
Гвоздём начинаю поэму свою.

По-русски сомненьями тягостно мучиться,
От русской печали хватив «первача».
... И кто там бредёт, будто хворая утица,
Крыло, что сломали, едва волоча?

А кто там поёт, как свирель одинокая,
По-русски тоску вознося в небеса,
То «акая», то умилительно «окая»,
Немного по-скифски прищурив глаза?

А это Отчизною мучиться велено
Тому, кто по-русски поёт о Руси.
И русская музыка, русским навеяна,
Всё стонет, веля – ни о чём не проси!

И я не прошу... Ничего, что попрошено,
Ни счастья не даст, ни спасёт в свой черёд.
В сугроб упаду... И пусть русской порошею
Безвестный мой след навсегда заметёт...

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

Дмитрий Бобышев (1936, Мариуполь) — поэт и переводчик, эссеист, литературовед. Его мать, Зинаида Ивановна Павлова учёный химик, жила в Ленинграде и уехала к родным перед родами первого ребёнка, после чего вернулась в Ленинград. Отец, Вячеслав Мецержаков, архитектор. Вырос в Ленинграде. Во время блокады родители оставались в городе, отец Дмитрия умер. После войны мать вторично вышла замуж, и Дмитрия усыновил

отчим, Василий Константинович Бобышев. В 1959 г. окончил Ленинградский технологический институт, 10 лет работал инженером по химическому оборудованию, затем редактором на Учебной программе телевидения. Занимается стихотворным творчеством с середины 1950-х, активный участник ленинградского андерграундного литературного процесса 60-х и 70-х годов. Публиковался в самиздате (в том числе в журнале Александра Гинзбурга «Синтаксис»). В 1979 году в Париже вышла первая книга стихов Бобышева — «Зияния». В том же году он эмигрировал в Америку. В настоящее время живёт и работает в городе Урбана-Шампейн (штат Иллинойс). Профессор Иллинойского университета, преподаёт русский язык и литературу. С 1983 г. — гражданин США. Автор двенадцати сборников стихов, ряда поэтических переводов (современная американская поэзия), а также четырёх томов мемуарной прозы «Я здесь (человекотекст)» (2003), «Автопортрет в лицах (человекотекст, кн. 2)» (2008), «Я в нетях» (2014) и «ЗЫ, или Post Scriptum» (2020). Автор-составитель раздела «Третья волна» в «Словаре поэтов русского зарубежья» (Санкт-Петербург, 1999). Входит в редколлегию журналов «Эмигрантская лира» (Бельгия) и «Слово/Word» (Нью-Йорк).

Посылаю в альманахе «Витражи» подборку своих ранних стихов из книги «Февраль на Таврической улице», изданной совсем недавно в Санкт-Петербурге. Это моя последняя, двенадцатая книга стихов, которая

Кому согласно головой киваешь,
отломленную веточку кусая?

Твоя совсем заброшенная комната,
она живёт, она грустит о ком-то.
Чужие люди ходят, курят.
Позвякивают стёкла по ночам.

Где ты вчера была?
Какую
ты песню пела поначалу?

И плакала, кусая веточку,
и проходила мокрым парком.
И кто-то знающий и сведущий
тебя утешил летним Парголовом.

Твоя оставленная комната,
она живёт, она грустит о ком-то.
Стучат сухие доски по ночам.

Где я найду тебя, такую,
какую знал я поначалу?
Где, из провалов, рёбер, ям
та лестница
кошачья, окаянная?

На самом подступе к дверям
я грохнусь о неё коленями.
Ведь лестница
и та под мною ластитя!

А ты идешь себе...
И только дождь
вгоняет в землю тоненькие клинья.
И в городе идет такой же ливень,
и он, не хуже и не лучше,
у рюмочных и поликлиник
похожие разводит лужи.

А ты уходишь...

Ты сама не знаешь,
куда уходишь?
Где ты забываешь?

1958

Н. К.

Со мною девочка идёт Наталья.
Ты словно туфелька, моя Натальюшка,
и словно лодочка, надо льдами
ты на ледышки, идешь, наталкиваешься.

У школьников в пеналах – марки,
в портфелях мокрые лежат тетради...
Мы школьники с тобою в марте,
на завтраки мы все потратили.

И улицы для нас проветрены,
начищены, блестят как никелевые.
И все деревья стоят приветливые,
и скоро белые наши каникулы.

О, ракушка на море летняя,
о, как укачивает глубина!
Ты – доньшко мое последнее,
откроешься – и нету дна...

И небо – звёздами и медузами,
земля – пещерами и дверями
сквозят, просвечивая донизу,
и кажутся совсем дырявыми.

И девочка над миром тающим,
проветренная и сквозная –
ветрами теплыми, налетающими,
и ты просвечиваешь, я знаю!

март 1958

МАДРИГАЛ

Г. Н.

Тебя, красавица, не запретить,
когда тебе самой запретом быть,
и в комнате когда до потолка
строжайшая решётка – два замка.

Но значит дозволильницей слыть,
когда запретом быть, запретом быть.

Ты знаешь, так фонарь среди ветвей
безлиственных гнездо себе свивает,
как белые вокруг темноты твоей
рассветы белый свет располагает.

И так же точно, чёрный свет ля,
небесный мрак блистает отовсюду.
И странно улыбается моя
белесая душа ночному чуду.

И странное тогда заходит в грудь
словесное такое утешенье:
всю ночь прощаться с ночью – ночи суть,
а сердце сути всё-таки прощенье.

А гром цеповный, а запретов лес!
Но сколько б ты меня ни отсылала,
в прощальном поцелуе, наконец,
простительная страсть была начало.

Ты ночь сама. Ты свой сама запрет –
повсюду, но не рядом появляться.
Ох, милая, тебя бы мне... Ах, нет.
Тебя, красавица, хоть голосом касаться.

1962

ЕЩЁ БОЛЕЕ, ЧЕМ РАНЬШЕ

Г. Н.

Километров редкий лес,
проводов железных трасса
растворяют твой отъезд
по всему меж нас пространству.

Каждый куст и каждый час,
звук отдельный в перестуке
растворяют — каждый — часть
соразмерно, часть разлуки.

С этим свойством не знаком,
создан силами влечения,
входит в сердце целиком
только образ твой вечерний.

Только ты, отдалена,
узнаёшь по праву страсти,
что и вправду страсть одна
нераздельная в пространстве.
И ещё узнаешь ты:
кто распробовал однажды,
до чего ж беды, беды,
потрясённый, снова жаждет...

Но пока твой путь таков,
что заполнена разлука
шевеленьем облаков,
бездной воздуха и звука.

июнь 1962

СВИДАНИЕ

Я буду прятать,
а ты проверь,
что скрыло сердце,
а что портфель:

два узких следа
и узкий смех,
и два билета
к заливу в снег...

Дух можжевельный,
в нём ты да я,
и эти жерла
желания.

Я стану путать,
но ты не верь –
в наш узкий номер
я помню дверь,

испуг и шопот,
и, сгоряча,
в два оборота
прокрут ключа...

И вдруг метелью
валило дом
с окном, с постелью
и сверху дном.

Была бы впору
нам эта связь
и до отъезда,
и возвратясь

двумя огнями
двух узких фар,
и – снег навстречу
на этот жар,

на свет, на скорость
и сквозь стекло.
Тебе натаяло,
мне натекло.

Меж двух каналов,
двух площадей
мы снова канули
среди людей,

людского леса
житья, жилья,
и неизвестно,
кто ты, кто я.

дек. 1962

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Родился в городе Среднеуральске. Окончил УПИ. Увлекался театром, нетрадиционной медициной, поэзией, занимался боевыми искусствами. Издано три сборника стихотворений – "Сотворение", "Дыхание дней", "Прекрасная Елена". Недавно вышло избранное в двух томах: первый – "Стихотворения и поэмы" - многое из написанного за более чем тридцать лет; второй – роман- дневник в сонетах – "Тезей".

Из цикла Екатеринбург

Где храм за Домом Пионеров,
Там, как скульптуры красных кхмеров,
Застыли статуи. Фонтан
Торчит, как сказано Эзопом,
Как будто здесь любили скопом,
Но вовремя прикрыли кран.

И скудный парк припал к театру, –
Так осень красит Клеопатру,
Коль больше нечему – сравни –
Дагерротип начала века,
И то, как жалок парк-калека
В советские и наши дни.

Хотя внутри – оранжерея,
А через улицу еврея –
Ещё один огромный храм,
Каких не видывали в бурге –
Его воссоздавали турки
На зависть русским топорам.

Но мы за опиумом следом
Вернёмся к дружеским беседам
О том, что в городе ценю
Помимо серого гранита
И вездесущего ринита,
Что всеуе десять раз на дню

Я поминаю – о погоде –
Она здесь, в некотором роде,
Неповторима, – всякий год
Чудит в одно и то же время –
То дождь, то снег, то градом в темя, –
И, будь я истинный Фагот, –

Соткал бы плащ из этих красок,
Но по натуре я – подпасок,
И, вспоминая дряхлый парк,
Его решётки и тропинки,
Ищу себя на старом снимке,
Как в эволюции – Ламарк.

И как в провинции – повеса,
Не вызывают интереса
Ни пруд, ни церковь, ни фронтон,
Ни забегаловка на случай,
Одна звезда сойдёт в падучей,
И город сбросит страшный сон.

«Чайки сходят с ума»

Мерелана

Птицы сходят с ума – мельтешат, мельтешат,
Точно глотки орущих в лицо кукушат,
Или яд испарений акрила,
Не дыши на ладонь – разрушается свод,
Или это кадрили переходит в гавот,
Как святой Филарет в Феофила,

Что за женское имя? – монахи – бабё! –
Птицам тоже хотелось бы что-то своё,
Но куда ни кричишь – всё чужое,
То ли точки во всю переходят в тире,
То ли не разобрать письма на коре,
Но как будто прощаюсь с душою, –

Беспорядочны связи и так коротки,
Словно птиц или белок не кормят с руки,
И на пугало ставят трещотку,
Перед домом засижены все провода,
Ветер дует в трубу, как в лихие года,
И не спутать прямую наводку

С декорацией, копией, чёрным пятном,
Словно белое с розовым на вороном,
Ненормально и бьет по живому,
Никому никуда улетать не с руки,
Это я сочиняю плохие стихи,
И хожу по притихшему дому.

Рапсодии неспешен вольный бег,
Меняется, струится прихотливо,
Так волны хлынут и оставят брег,
И так склоняет ветви к водам ива,
Дыхание свободно, музыкант
Слоновой кости трогает пластины,
Как некогда слова чеканил Дант,
Как отцветала ветка Палестины,
До додекафонических вершин,
Симфоний хаоса, несущего спасенье,
Разжатых или лопнувших пружин,
Падение, как символ воскресенья,
Но мне милее лёгкий вольный взмах,
То первая, то пятая октава,
Которой нет ни в жизни, ни в умах,
А если есть – как мост и переправа.
Чем выше, тем неслышней, позади
Рапсодия, безделка промежутка,
Не колокол – по ней идут дожди,
Все прочее – не более, чем шутка.

«Значит – нету разлук?»

И.Б.

Мы веруем рассудку вопреки,
Не поголовно – дети, старики
И женщины, лишённые заботы,
Мир полон больше чудищ, чем чудес,
И, как считал герой Эллады Крез –
Иллюзия не стоит позолоты.

Игра не стоит свеч, а вера – нас,
Задумавший плохое Опанас
По Эдуарду – просто неврастеник,
И все мечты – без веры, от сохи,
И Пруст – Левшою в поисках блохи,
И недоверье – от нехватки денег,

А не эмоций (бедная спина,
Ей в зеркале не угадать окна,
И не упасть, как в пропасть, в имя бога),
Доверие – высокий атрибут,
И нас неоднократно на^бут,
Но я апологет иного слога –

Мы ищем доказательства? – отнюдь! –
Какой-нибудь любви, чего-нибудь,
И факты, что корова в бомболуке,
И за плечом, за левым – пустота,
Какое-нибудь снятие с креста,
И вера – отрицание разлуки.

Сегодня ночью мой рассудок спит. –
Младенец, в ожидании харит,
И старец, забывающий о жизни.
И век мигнул, как гоголевский Вий,
И я любил во власти всех стихий,
Но не готов к забвению и тризне.

И разуму и вере вопреки
Я вижу оба берега реки.

Я не сумел сказать, что не сумел
В раю остановиться, оглянуться –
Кедровый лес мне кронами шумел,
И яблочко укатывало блюдце,
Казалось – всё застыло на века,
И сказка не имеет продолженья,
Как в камень уходящая река,
Но бесконечность требует движенья,
И блюдечко, раскатанное вдрызг,
Не то что бы синоним непокоя,
Как детский или (и) девичий взвизг,
Но что-то непотребное такое –
Как логика, фрейдизм, не то – марксизм,
Любое отрицанье отрицанья,
Не яблоко, но шишка – как трюизм,
Как будущего сумрака мерцанье. –
Что есть сейчас? – (о прошлом помолчи,
О будущем – фантазии – ни слова) –
Кастальские и мёртвые ключи,
Крапива, подорожник и полова. –

И это всё? – а разве у других
Есть большее – ещё одна синица? –
Уже не рай, но всё же воздух тих,
И хочется на миг остановиться.

И кажется – все время за стеной,
И плачет там, и жалуется веку,
И тени умирают по одной,
Входя за мной в одну и ту же реку.

Мальчики уходят на войну -
Значит, мир опять идёт ко дну,
Тонет под ногами Атлантида,

Времени неважно – кто кого,
После войн не будет ничего,
Мертвая туманность неевклида,

Что мне с многомерности потерь?
Наши звери выломали дверь,
Но людьми не стали – опечатка,
Мальчики вернутся по домам,
Кладбищам, курганам и холмам,
Так и не сменив миропорядка –

Волки пожирают обезьян,
Это не единственный изъян,
Выживают крысы, тараканы, –
Что же этот мир не прокляну? –
Мальчики уходят на войну,
Открывая города и страны.

Заповедь мужчине – защити,
Камень в окровавленной горсти,
Смотришь – и горят метеориты,
И летят, пронзая небосвод
До впадавших в Лету мертвых вод,
Мальчики, сошедшие с орбиты.

ЮРИЙ ВАЙСМАН

Родился в городе Калинковичи, что на Белорусском полесье. Окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1994 года живёт в городе Мельбурне.

Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). Стихи публиковались в «Литературной газете», альманахе «Витражи», газете «Интеллигент», в поэтическом альманахе «45-я Параллель», в журналах «Новая Немига

Литературная», «Крещатик», «Белый ворон», на порталах «Русская литература Австралии» и др.

Утро, иней, седина,
Дым – прогоркл и мир – порочен,
Продолжается война,
Город снова обесточен.

Льдом забило водосток,
Люди греются в котельной,
Дым уходит на восток,
Наступает понедельник.

Год две тыщи двадцать треть...
Прошлым февралем оплакан,
Кто-то должен умереть,
Ты или твоя собака.

То набат или звонок
В вязкой тишине прихожей?
Кто там на пороге – Бог,
Или только образ Божий?

Правда, он рыжеволос,
Запах ладана и мирры?
Отчего так лает пес
В панцире пустой квартиры...

Все кончается трухой,
Из трухи проистекая,
Потому что мир такой,
Потому что жизнь такая.

НАУМ ВИНАРСКИЙ

Родом из Украины, кандидат технических наук и изобретатель. Писать стихи, басни, рассказы, воспоминания и песни начал с предпенсионного возраста. В Харькове вышло семь сборников литературных произведений. В Австралии, куда переехал в 1912 году в г. Аделаида, продолжил заниматься художественным творчеством. Издал сказку для детей и взрослых "Гава" на украинском языке и сборник стихов и репродукций своих картин.

Рассказы и эссе периодически публиковались в Альманахе «Витражи», в журнале "Менора" (г. Мельбурн), "Австралийская мозаика" (г. Сидней) и газете "Горизонт".

Тают друзья

Тают друзья, ну а время по кругу
Мчит, ускоряя свой быстрый разбег,
Мало осталось, с кем можно под руку
Тихо пройтись, взяв в киоске «Казбек»,
Тот, что курили, скрываясь в подъезде,
Грязный «бычок» зажимая в кулак.
Вспомнить других, потерявшихся в бездне,
Словно по ним прокатился Гулаг.
Тают друзья, исчезают навеки,
Миру сему предпочтя мир иной.
Иль убегают, как горные реки,
Мучаясь долго своею виной,
Тем, что оставили близких могилы:
Кто же за ними присмотрит теперь?
Где, подскажите, набраться мне силы,
В чью постучаться забытую дверь?
Тают друзья, не с кем молвить и слово,
Как же ценимы должны быть они...
Кадры мелькают из фильма немого:
Игры в Тимура, неона огни.

Годы прошли, а из памяти детства
Рвётся наружу душевная боль.
Видно, судьба, от которой не деться,
Сыплет на раны открытые соль.
Тают друзья...

Время не лекарь, время – палач
Сердце свернулось в чёрствый калач,
Время не лекарь, время – палач.

Время стирает память во мне,
Видится реже детство во сне,
Двор голоштаный, шум поутру,
Жёлтых акаций дрожь на ветру,
Лёд белоснежный, мостик худой –
Брёвна из сосен, шаткий устой.

Сердце гудит, как медью трубач,
Время не лекарь, время – палач.

Время вогнало в землю родных,
Судьбы меняя, бьёт нас под дых.
С кем повстречаться, сблизить сердца,
Разве бывает жизнь без конца?
Годы мелькают, лица в тени,
Ночи уносят лучшие дни.

Сердце трепещет, словно кумач,
Время не лекарь, время – палач.

Время виски мои серебрит,
Из-за склероза снова не брит,
Избороздило кожу у глаз,
Веру крадёт и силы подчас,
Реже приходит радостной весть,
Время, за что нам горькая месть?

Сердце все ноет, ноет, хоть плачь...
Время не лекарь, время – палач.

Цвета радуги

В той тишине, как в злой ночи,
Где Демон Врубеля молчит,
Мне фиолетовый ответ
Тревожит душу много лет.

Ультрамарин – прекрасный друг,
С ним вижу тёмный звёздный луг,
Матисса синие тона,
Ему лишь сила в них дана.

Волнует нежно-голубой –
В нём музыки звучит прибой.
Не зря Дега с ним так дружил,
Мазками танца закружил.

В зелёный светлый небосвод
Переселил с земли свой род
Крылатой мистикой Шагал.
Ему я верил, с ним летал!

Оранжевый и жёлтый цвет –
В них места злобе, грусти нет.
Их на подсолнухи Ван Гог
Истратил больше, чем сам Бог.

Итак, дошёл до красного.
В нём столько страха властного.
Вы догадались, в чём ответ –
Пугал собою белый свет.

Мой идиш

Ребёнком стыдился звучащего идиш,
Казалось в семье подрастает подкидыш.
Теперь, как увижу программу «Мишпуха»,
К экрану я липну. Бальзамом мне в ухо
Вливаются речи, до титров включая,
Еврейский язык, по тебе я скучаю.

Нередко тоскою ночами болею,
О маме «майн таере» память лелею.
Как звонко смеялась и фрейлекс плясала,
А пела не хуже поющих в «Ла Скала».
Забылись на идиш её поговорки,
Что знали в местечках, на старых задворках.
Отца вспоминаю, ходил с ним на рынок.
Торг с бабками вёл он легко, без запинок.
«Их вил ах бацулын» – кричит он хозяйке
И, тыкая в куры: «Почём ваши чайки?»
– Да, что вы, мужчина, шута не валяйте,
Пятерку вам сброшу.
– Тогда отдавайте.

Хочу я сказать, но совсем не уверен,
Поймут ли меня: «а фарбрент зол зи верен»
По-русски, примерно, «она чтоб сгорела»
Та жизнь, что евреев добром не согрела.
Полжизни отдал бы, чтоб встретиться снова
С родными моими, услышать их слово.

Не часто собратьев по крови увидишь,
Не слышится больше на улицах идиш.

Я жизнь свою рифмую

Склоняюсь часто над стихами
По вечерам и по утрам.
Ко мне они приходят сами,
Как отзвуки житейских драм.

Возможно, лирики в них мало
И не украсил мишурой,
Считаю, брать мне не пристало
Весенней юности настрой.

Не восемнадцать, чтоб лукавить:
«Куда беднягу занесло?»
И бесконечно звёзды славить –
То их, поэтов, ремесло.

А если скажут, что блефую
И не подняться до высот,
С тем соглашусь, но жизнь рифмую,
И пусть горчит, как мёд из сот.

Технарь я был и им останусь,
Мне не взобраться на Олимп.
Не от того ночами маюсь,
А тем, что я к строфам прилип.

И если кто-то за поэта
Меня приняв, споёт: «Талант!» –
Не бейте вы его за это,
Он, как и я, лишь дилетант.

Каждому своё

Кому-то ветер дует в паруса,
Овеянные сказкой или былью,
А я ослеп на миг: он мне глаза
Засыпал мелкой придорожной пылью.

Не зря воздушные шары даны,
И свежий воздух катится с вершины,
А я запачкал руки и штаны,
Пытаясь воздухом наполнить шины.

Сияет солнце в небесах с утра,
С ним виноград, взрослея, входит в силу,
А я под солнцем (не было б утрат)
Беру на джем раздавленную сливу.

Луна собрала под собой влюблённых,
Там поцелуям нет конца и края,
А я лежу пластом и, утомлённый,
Воображением своим играю.

Распахните все окна

Ультрамарин небесных далей
Прошит искристой нитью звёзд,

На нём луна висит медалью,
Накинув шаль из дымки грёз.

Пока смотрел, как этот праздник
Сияний звёздами сорил,
Гуляка ветер и проказник
Замёл осколки от зари.

От суеты дневной качает
Волною бед и неудач,
Лишь выручает ночь молчаньем
И, прилетевший с юга, грач.

Так распахните окна настежь
Навстречу музыке и снам,
Уйдут в забвение напасти,
Нас освежит стихов бальзам!

ГЕРМАН ВЛАСОВ

Поэт, переводчик, эссеист. Родился в 1966 году в Москве, окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор семи поэтических книг, лауреат литературной премии имени Фазля Искандера (2021) и ряда других премий. Живет в Москве.

* * *

математик артист

и в пальто окрыляющем плечи
как любой эскапист

не выносит имперские речи
без окна человек

пешеход божедомки и лестниц
он задумал побег

как монаду придумывал лейбниц
а куда он бежит

и жена по порядку не знает
всюду клейкую жизнь

будто пролитый чай оставляет
в новый свет в тадангыл

за чернильной сизою тучей
только нежный распыл

только ветки в зелёнке пахучей

без вас обоих как без верных слов
всё остальное слишком непонятно
где ткань а где канва уток и шов
белила сурик масляные пятна
и наконец апреля благодать
наружный блеск зов дудочки лукавой
и я рискую весело блуждать

как по холсту ван гога куросава
а с вами и секунды небыстры

то под руку то порознь сестры-рыбы
трава деревья звезды и костры

в одну ладонь устроиться могли бы
и улица чья башенка остра

и лестница не якова витая
храни тебя от вымыслов
сестра серебряная рыба золотая

бабушка под веткою сирени
в летнем сарафане и платке
перешла в другое измеренье
стала с тишиной накоротке
ты беглянка в глянце черно-белом
словно льдом охваченный ручей
не шумишь ни голосом ни телом
но блестяшь из глубины вещей
а вокруг всё также без умолку
жизнь без промедленья и числа
ты однажды тёплой иголкой

в речью мою как заговор вошла
и прошила крестиком лиловым
этот лепет сонный горловой
если я к тебе иду за словом

бабочку увижу над травой
неприметный и неуловимый
танец твой свободы естество
мимо грядок мать-и-мачех мимо
и не обрывается родство
яблоня сирени куст и выше
бросив взгляд июньским и живым
ты уже над цинковой крышей

с облаком сливаясь кучевым

* * *

со мной это было я шёл у подъезда курить
на длинной скамейке спиной к стене прислонился
и близилась полночь и куст начинал говорить

и голос черёмухи ветром больным обрывался
и вышла луна как наверно выходит на пруд
соседка-подросток и были шаги её наги

и воздух звенел в продолжении долгих минут
я видел такое чего не сказать на бумаге
и то хорошо что чудесному имени нет

что ночь безоглядна и в тёмном таится живое

и сорванный лист это чья-нибудь жизнь на просвет
и светится в малом значенье её грозное
откуда не знаю начало такой красоты
наверное в том что она умолкание шума
что нету страшней и прекрасней её наготы
когда она смотрит в упор словно кто-нибудь умер
я вижу и слышу и я не могу рассказать

а только вхожу как чужой в пелену грозную
глядят испытующе карие эти глаза
той вечной и первой которую не назову я
светилась черёмуха ночью когда при луне

она появилась сначала взглянувшая мельком
потом будто вспомнив меня обернулась ко мне
со мной это было я вышел курить на скамейку

Я приходил за нею много раз,

я в дверь стучал, заглядывал на окна –
там свет горел; там, видимо, был газ;
из форточки на кухне пахло свёклой

и яблоками; реже табаком

и кофе (да, тот самый, растворимый);
я, будто зверь – из темноты, тайком
глядел на кровлю и порог любимый.

Ещё я знал – там были книги, где
между страниц посеянная память
всходила, как рассада при дожде

(она страницы трогала руками);

там были вещи комнаты, их жизнь:
торшер, комод; там жили постояльцы:
стаканы, блюдца, вилки и ножи;
любимые вещей касались пальцы.

И я стоял и ждал, когда ко мне

дверь скрипнет и откроется фрамуга,
и выйдет на внимательной волне мелодия
(я думал, будет fuga).

Дождю открытый и под небом гол,

я ждал её (я так себе измыслил) –
когда она обнимет тёплый ствол
и мы уйдём до облаков по листьям.

Листва упала, зреньє изменя,
и белизна приманивала стужу,

та женщина смотрела сквозь меня
и в трубку выговаривала мужу.
Летали хлопья снега, как в кино,
не слушая земного притяженья,

а я стоял, как дерево одно, –
в окне я видел все её движенья.

Есть улица и область есть двора.
Мужчина с зеркалом овальным
идёт с добычей метр на полтора,
день делая зеркальным.
Вот он раскинул руки, семена,

по сторонам глядит он и под ноги;
а то стоит – июньская земля
отобразилась в нем в итоге;
пристроит поудобней, понесёт,

и – спичкой по коробке – позолота

по окнам серым – зайчиком мелькнёт.

Не просыпайся. Нет. Суббота.

Багаж любви – не смять, не умалить,
не выронить и не поставить в угол.

Нести, держать умение любить, похожее на купол.

Он обошёл стоянку для машин,
асфальт и облако соединяя,

неся пространства лишнего аршин,
зачем – и сам не зная.

И чем оно мужчину привлекло,
ответить могут лип соцветья, –
нести, держать забытое стекло
из прошлого тысячелетья.

Край облака обвил
ночной луны овал.
Я слово уловил,
его поцеловал.

Пока оно живет
крылато на плече -
открытый слуху вход
в немую суть вещей.

Луч проникает в дом,
найдет в аптечке йод.
Растерянность кругом,
а музыка живет.

И ходишь босиком
по доскам, бормоча,
листая черный том:
Советника, врача...

Растущую луной
она включает в круг
порядок земляной
и яблони вокруг.

Идти за ней готов
уже на раз-два-три
вкус яблони плодов
и косточка внутри.

И оттого их сок
твердеет по ночам,
что есть июльский сон
и матовость плеча.

Бог нас нашел на Выходной.
Я был один. Ты мне приснилась.
И время за большой стеной
натужно собирало милость.
Тому, кто жаром метит льды,
отдали мы глоток воды.

В апреле било и текло,
но по сырой траве, на свете
ты проходила сквозь стекло,
слепя и утешая. Третьим
был виноградник золотой
от лужи пойманный стеной.

Так в землю усыхает пруд
и наполняется посуда
росинками небесных круп,
и понимаешь сам, откуда
ты полн, как парус травяной.
К закату обращен спиной,

сплошной натянутою тканью
ты твердый принимаешь вид,
что кажется, ни сталь, ни камень
тебе уже не повредит
и если смерть сожмет тебя -
ты просто выйдешь из себя.

Так дымный вспыхивает порох
и появляются на свет -
и крик, и боль, и кровь, и шорох;
так ночью у подъезда снег
одним качается массивом.
и - опускается красиво.

ГАЛИНА ВОРОН

Родилась в России, в США с 1994 года. Образование высшее, техническое, закончила Университет в Санкт Петербурге, Россия, бакалавриат. Финалист международного поэтического фестиваля «Пушкин в Британии» («Pushkin in Britain») 2010 и 2017 года, Лондон, Великобритания. Финалист международного поэтического фестиваля «Эмигрантская Лира» 2011, 2012, 2013 года, Льеж, Бельгия. Лауреат «Эмигрантской Лиры» 2.015 года. Финалист и лауреат международного поэтического фестиваля «Арфа Давида», Назарет, Израиль, 2015, 2016, 2017 года.

В 2011 году издана книга стихотворений Галины, том шестой в серии «Русские поэты Колорадо», Денвер, Колорадо.

В 2010 году стихи Галины вошли в сборник «Ключи от твоих дверей», изданный в России, Санкт Петербург; 2012 год – сборник «Рассказы под зонтом», Россия, Санкт Петербург

В 2017 году издана книга стихотворений Галины «Эта странная осень», стихи в сборнике на русском и английском языках, Денвер, Колорадо.

ИГЛЫ

Терять небесам тепло не хочется и не к лицу,
но закончилось лето. Сентябрь едва живой.
Телега осенняя шелестит за околицу,
раскачав сиротливое небо над головой.

На иглы дождя нанизывая листву,
разлетается ветер! Крадётся по чьи-то души
коварный туман. И кажется, что плывут
корабельные сосны в зеркальных глубинах стужи.

Капель нанизав на иглы, продрогший ёж
превращает себя в световодную лампу. Бледно
мерцают над миром иглы холодных звёзд,
и кольшется дождь – серебристый хребет вселенной.

Теряет небо тепло и линяет, как дикий зверь.
...Спотыкаясь о хаос игл и колючий прогноз,
оставит золото осень в казне бережливых сфер
и отступит, пока жива.

И придёт мороз.

На иглах дождя листва застынет, навек уснёт.
Ноябрь завершит последний, сумрачный эпизод.

И тихо погасит свет уснувший ёж-световод.

ТАНГО

В переулках танцуют чёрно-белые тени -
словно рыбы всплывают в зной оранжевых бликов
фонарей и рекламы.

Хлеб вином запивая, мы хмелеем от лени,
полагая наивно, что далёкое - близко.

Наполняясь ветрами,
воробьиная стая прорастает рассветом,
расправляются крылья напряженьем пера...

Мы летим! А за нами
знойный обморок тени станцевавшего лета
и кипящая юность в перспективе двора.

Мимолётные связи мы срезаем, как розы,
и любовная драма не становится главной.

Концентрация знаний
раздвигает просторы романтической прозы,
по шкале Фаренгейта неприступно-прохладной.

Мы спешим. А за нами
беззаботные скачки, неудачные роли,
сумасшедшее счастье на другом берегу!

И бушует цунами
чувств, до дна одиноких! День стремительно пролит,
и текущее время в такт часы берегут.

Обрывает ромашки ветер "любит-не-любит",
белым вихрем пронзает тени двух половин.

И считает секунды оглушительный бубен

облетевшего сердца: Как. Дожить. До любви.
Вновь рисует сюжеты мой оранжевый ангел -
блики нервных фантазий, небо бледной рекой.

Утомлённое солнце погружается в танго,
словно солнечный ёжик в океан золотой...

ЧТО ОСТАЛОСЬ НА СНИМКЕ...

Столбовые вороны о кромку заката бьются.
Над землёй цепенеет весенний прозрачный дым.
Солнце катит на запад своё золотое блюдце...
Это всё, что осталось на снимке. А мы сидим
На горе Фудзияма, а может, на плато Верде,
продуваемы ветром, забыв застегнуть пальто.
Слева – птицы поют, как волшебные флейты Верди,
Справа – вихри гудят напряжённым, густым альтом.

Застывая на снимках, вмержая в объём картины,
от границ и пределов ты сходишь слегка с ума...
...В эфемерности заката плывут мои бригантины –
паруса нараспашку! И лунный манжет измят
бестолковой кометой. Движению верен спутник.
Рассыпаются звёзды горохом на Млечный Путь...
Остаются на снимке распятые солнцем будни,
и гуляет по крышам дождя проливная ртуть.

И плывут облака, словно цапли из детской сказки,
распускают по небу серебряные хвосты.

...переполнены небом, мы делимся им по-царски,
оставляя на снимке несбывшиеся мечты...

АНГЕЛ МОЙ

Ты простужен? А грелку хочешь? Смотри, какая глухая ночь.
Нет, не нужно? Ну, я за почтой. Включи какое-нибудь кино.
(...) Что за люди живут за стенкой – и день, и ночь, как последний бой!
...Я пойду, приготовлю гренки. Да, да, потом посижу с тобой.

Вот журналы. Тебе получше? Согрею чаю...лимон и мёд.
Что-то мало ты пьёшь, голубчик, температура опять растёт.

Кто стучится? Соседи справа? Хотите дочь научить летать?
Я – не птица, не знаю, право, и ангел болен, не может встать.

...Ангел болен. Приходят люди. У всех ненастье в глухую ночь.
Вьюга полем гуляет, крутит, стучится в ангельское окно,
в трубы воет: «Крылатый, слушай! Слетаем вместе куда-не-лень?»
...Я закрою окно, голубчик, не станем больше дразнить болезнь.

...Ангел болен. Закрыты двери, чердак и ставни.
Кто-то молит прощенья в келье, а кто-то в стае.
Ангел молча теряет перья и облетает.

КРИСТАЛЛОГРАФИЯ

Мой пейзаж позвонками хрустит, примеряет стужу,
начинает чихать и кашлять, теряет листву;
замерзает дыханье дождя, цепенеют лужи,
застывает неслышно капель. Облака плывут,
вулканическим выдохом. Дремлет озноб дороги,
утончённую изморозь ткёт ледяной паук.
...И созревших снежинок магический иероглиф
замыкает круг.

Круговерть наливается ветром, несётся стаей
перевёртышей диких, отчаянно бьётся в дверь,
завывает, шаманит, шипит, горизонт глотает,
как голодный зверь!

Из таинственной снежности, из колдовства Иного,
на застывшие сущности бросив прохладный взгляд,
равнодушная пустошь безмолвия ледяного
вышивает позёмкой единственный свой наряд.
И кривляется белая стынь, и рисует мелом
кристаллических связей загадочную игру!
Белоснежные символы холодно и умело
замыкают круг.

Я стою на пороге зимы, примеряю холод,
предо мной раскрывается мир, как японский зонт!
Бледный локон небес иероглифами исколот –
это снег идёт!

НАУАТЛЬ (Nahuatl)*

Обнимает ветрами Мексика,
вулканический камень прячет
в закромах. Мозаичной лексикой
покоряет. А как иначе
рассказать об отважных воинах,
о Кортеса стальном обличье?
О земле, что навек присвоена,
королеве рабынь – Малинче?

Рассказать, как шаман камланием
врачевал. Как сгорала вера
в смертоносном, нездешнем пламени!
Не об этом ли боль Риверы?
Не об этом ли стонут площади
у надгробия Пирамиды?
И «нога судьбы» в стремя лошади
попадает! Скачи, amigo!

Доскачи, и коснись хоть сполохом
тех, кто ожил в смятенье Фриды,
тех, чья жизнь на холсты наколота,
тех, кто символом лёг на плиты.
Нашепчи науатлем притчи нам,
развяжи узелок гротеска.
И поведай, где скрыта истина
об Империи, об ацтеках.

... Тайны стаями в камень заперты.
И марьячи бренчат. На паперти.

*Nahuatl – древний язык ацтеков

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия. В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных Австралийских сборниках поэзии и в Интернет-журналах, в частности в «45-й параллели», «Белый ворон», «Крещатик». В 2006 году был удостоен высшей награды

международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

-1-

С детства отношусь с предубеждением
К этносам религиям и нациям.
Это выдается при рождении,
И потом никак не поменяться нам.

То же с принадлежностью к народу,
Мы сейчас в себе еврейство будим.
С этим у нас полная свобода –
Если хочешь быть евреем, будь им.

Я не верю в чистоту породы.
Всякое деление условно.
Богоизбранность не есть черта народа –
Это штучно, а не поголовно.

-2-

Еврейство мое. А в чем оно? И как вы его найдете?
Когда-то оно чесалось. А после пошло на спад.
Еврейского во мне было – еврейские анекдоты
Да несколько славных евреек согласных со мною спать.

Но если, как было не с нами, погонят прикладами к яме.
С раввинами и нераввинами поставят на самый край.
Буть может, успею выдохнуть синееющими губами
Признание в сопричастности: «Борух, Ата, Адонай...»

Как в музее новые витрины.
Вход свободный. Даром. Всех позвали мы.
Приходите на мои руины,
Любоваться на мои развалины.

Люди, я любил вас, осторожнее.
Там тупик, а здесь дороги скверные.
Это же не замок огороженный.
Здесь был город с парками и скверами.

Здесь влеком страстями (и гормонами),
Двух начал несбывшийся гибрид,
Я сбегал от Алгебры к Гармонии.
Больше ни Гармонии, ни Алгебры.

Здесь легко мешались были-небыли,
Все мои «почти» или «как будто».
Боже мой, чего здесь только не было!
Больше ничего уже не будет.

Помните меня, мои Марины,
Кати, Инны, Лены, Оли с Валями,
Я ж к вам приходил недоруиной,
Я ж любил вас не совсем развалиной.

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

Родилась в Риге, 25 лет живу в Мельбурне.

Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика... две рыбки.

Потру напомнить себе – не спорь,
Ни с толпой, ни с собственными детьми,
Перечитывай классиков, ешь попкорн,
Удивляйся, что изменился мир
За всего-то (с хвостиком!) тридцать лет.
(Присмотреться – трещины на стене.)
И – банально – осень за летом вслед,
В декабре столицу накроет снег.
А пока – раскачиваются зонты,
Воет ветер и дребезжит трамвай,
Открывай окно, не боясь простыть
(Говорила мама – не открывай!)
А внизу – о Боже, куда попал! –
Пропотевший город дождем умыт.
Вдоль осенних улиц плывет толпа,
В гуще запахов пиццы да шаурмы,
Мимо старой булочной на углу,
(Золотые надписи на стекле)...

Опрокинутый город глядит из луж,
Равнодушен к смене властей и лет.

Ты слышишь? Лист ложится на траву,
На множество частей дробится звук,
И снова за стеной играют Грига.

Сквозь пальцы – прорастают боль и страх,
И возникает так же, как вчера,
Бессонный и бессмертный голос скрипки.
Пылает город. Плавятся мосты.
Прислушайся – в утробе темноты
Звенят браслеты и смеётся ведьма.
Как странно – скрипка. Горстка лёгких струн –
Игра страстей на сказочном пиру,
Где каждый гость хозяину неведом,
Невидим. Над скучающей толпой –
Пой о любви, о ненависти пой,
Вплетая листья, и дожди, и звёзды.
О Боже, этих звуков серебро!

...Я медленно нащупываю трость
И выхожу из комнаты на воздух.

Уезжая
Приходишь не приглашённым,
А на посошок – до дна.

...Конструкции из бетона
Мелькают по сторонам,
Дорога – так шов распорот
Бывает на полотне.
Порой проплывает город
В огромном двойном окне.
Постель, бутерброды с сыром
(Наследство советских лет?)
На тысячи вёрст – Россия
Лесов, городов, полей...

Смотри, как случайный зритель,
Проездом от сих до сих.
Судимые – не судите,
А большего не проси.

ТАТЬЯНА ДУДНИКОВА

1968 г.р. Проживает в г. Магадане,
трудовая деятельность – государственный
служащий.

Автор стихов, рассказов, сказок.

Публиковалась в региональных газетах:
«Магаданская правда», «Вечерний Магадан»,
«Северная надбавка»; альманахах: «На
Севере дальнем», «Кольмские просторы». За
пределами региона: «Бийский
вестник»(Бийск), «Изящная словесность»
(Санкт-Петербург) «Северная Аврора»
(Санкт-Петербург), «Дальний
Восток»(Владивосток), «Литературная
газета», «Сагсагань» (Украина),
EDITA(Германия) и др.

В 2013 г. вышел сборник стихов «Такая игра».

Ссоры на реке Тахо

Какая когтистая лапа у этого лета,
И небо – в царапинах, кровоподтеках заката...
Мы жадно вкушаем волшебные виды Толедо,
И резко – на крик в невозможном, надрывном стаккато
Срываемся! А перед нами распахнутый город,
Готовый гасить наши окрики, наши печали...
Ты чувствуешь голод любви, сатанеющим горлом,
Ты помнишь, как птицы над нами истошно кричали
И нас повторяли, таких неразумно беспечных,
Таких одержимых? но Santa Maria la Blanca
Слегка приглушила пронизанный искрами вечер...
И ты, понимая, что в этом краю – чужестранка,
Утихла под белыми сводами. Легкая лента
В твоих волосах выплелалась разбуженным ветром.
Давай усмирим невозможное наше крещендо
И вето наложим на крик сумасшедшего лета.

Люблю

Люблю тебя любую
Красивую, нелепую.

Люблю тебя, люблюсь
И что творю, не ведаю.

Я позабыл о долге.
Любить-задача сложная,
Не разбираю толком,
Что жизнью мне предложено.

Да, все давно понятно –
Семья, дела и прочее,
Но этот вечер мятлый
Мне кем-то напророченный,

И этот взгляд певучий
Которым все обещано!
Я полностью измучен.
Ты ж не любовь, а трещина,

Но все-таки люблюю
Зову. И сердце выжжено.
Я без тебя бедую
Я без тебя не выживу.

Рисуя жизнь (двое у мольберта)

Предположим, что всё иначе. Совсем иначе
Всё случилось. Но нет, – не с нами.. и не в России.
Я, наверное, даже не справлюсь с такой задачей,
Чтоб представить, как это могло быть ещё красивой.
Ну, допустим, – не здесь: рисуем печальный Лондон.
Графство Hampshire, осенний парк, что от красок тесен.
Белой птицей на склоне выпорхнула ротонда –
Этот купол почти парит, ничего не весит.
Вороватый сентябрь растушёвывает границы
Между красно-зеленым, разорванным терракотой.
Безупречная ткань голубого до боли ситца
Распласталась над нами... Довольны своей работой,
Мы смущенно молчим, нам сегодня совсем не просто,
Искушая судьбу, мы рискнули. Не оправдалось.

А за парком осенним – набросками – перекресток...
Все случилось не здесь... И не с нами... Какая жалость.

Межсезонье

Когда ты вернешься, не будет ни лета, ни осени.
Когда ты вернешься, метель усмехнётся в окно.
И мы пожалеем, что так необдуманно бросили
Красивую песню. Как в старом советском кино
Все будет печально. И птицы летящие клиньями,
И эта не осень уже, но ещё не зима
Нас мягко, но холодно тронет бесцветными крыльями
И, может быть, даже сведёт потихоньку с ума.
Какая нелепость – расстаться, печаль неподкупная,
Какая досада, что все получилось «не так».
Я нами играла, как в детстве играла бы куклами.
И что же в итоге? В итоге одна маета.
Ты нами играл, как мальчишки оружием тешатся,
Легко и рискованно, не опасаясь беды,
А нынче разлука, беспечная, юная грешница,
И взгляд беспокоен, и плечи излишне худы.
Стоит между нами такая святая распутница...
Казалось бы, что там, уже отойди, не мешай.
Но эти узлы не сумеют сегодня распутаться
И каждый считает, что сделал положенный шаг.

Когда-то было молоко,
Ну, а сейчас сердцебиенье
Как от ударов молотком.
В моей груди звучат сомненья...

Гремят, звенят, грохочут, бьют,
Переворачивают душу.
И боль резка, и вывод лют,
И так простор январский душен,
Что я ладонь на грудь кладу,
Как будто просто утешаю:
«Ведь если у тебя крадут,
Потом, бывает, возвращают?»

Но в том беда и в том печаль,
Что Я украдена сегодня.
И грош цена моим речам,
Когда босую и в исподнем
Меня из дома увели,
Увы, не возвратив ко сроку.
Моих несказанных молитв
Не слышали. Судили строго
За то, что я себе сама
И звонкий приз, и плеть, и плаха –
Уйдя от одного ярма,
Я отдаюсь иному страху,
Который мною же влеком.
Все – приговор суда и росчерк.

Когда сочилось молоко,
Мне было жить гораздо проще.

Вместе

Венчаны, не венчаны – разница какая?
Перед этой вечностью все теряет лоск.
Вот и дом бревенчатый называли раем
Потому, что в каменном жить не довелось.

Где там этот каменный, целый век заброшен,
Глаза нет хозяйского, женского тепла.
И уходит каплями в землю осторожно,
И играет судьбами на особый лад

Время безупречное, дни в секунды сжаты.
Понимаешь в августе – шаг до декабря.
Венчаны, не венчаны, даже не женаты –
А какая разница, честно говоря.

Апрельская маета

Мне решенье загадки неведомо,
Оттого-то и муку терплю.
Так, в течение дня отобедаю,
А под вечер, в киоске, куплю

Саперави, бутылку не бросаю.
И напивно пузатый бокал.
Попытаюсь штудировать Бродского,
Обивая о рифмы бока.

За окном суета предвоскресная
И надежда на солнечный рай.

Объясняю глаголами пресными
Бестолковое наше вчера.
Как там было, любовно ли, сладко ли?
Уловить бы неявную суть...
Ночь ложится неровными складками,
Не давая подолгу уснуть.
Мысли нервные, острые, плотские.
И, надеясь на то, что прощён,
Я цепляюсь за вечного Бродского.
Ну, а что остается ещё?

Слушая Бетховена

Я провожу вас, недалеко –
К берегу сна.
Там где медведица и Алькор,
Звуки сонат.
Где оседает земная пыль
И суета.
Я провожу вас до той тропы,
Края холста.
Вот под ногами не твердь уже –
Марево лун.
Нужно ль земное, когда блажен?
Взяв по крылу,
Мы поднялись бы, где купола.
Вместе! Дотла!

Только Джульетта не поняла.
Молча ушла.

АЛЕКСАНДР ЗАКУРЕНКО

Поэт, филолог, преподаватель, родился в 1962 году во Львове. Учился на механико-математическом факультете Киевского Государственного Университета, в Литературном институте имени Горького, закончив его в 1987 году. В этом же году поступил в аспирантуру на кафедру русской

литературы XX века. Через год был исключён за отказ сдавать кандидатский минимум по диалектическому материализму. В 1989—1990 гг. жил в США. Преподавал в аспирантуре БринМар колледжа (штат Пенсильвания) на семинаре по Андрею Платонову. Был приглашён в докторантуру Колумбийского Университета по специальности «Русская литература Серебряного века». После США восстановился в аспирантуру и закончил ее в Москве. Читал лекции по русской литературе и религиозной философии в Югославии, Дании, США, Православном университете имени апостола Иоанна Богослова. Стихи и проза Александра Закуренко выходили в журналах «Грани», «Знамя». "Урал" и других изданиях. Автор шести поэтических книг, более сорока статей по вопросам русской и европейской литературы, философии, богословия, переводов с английского, болгарского, украинского. Перевел с сербского книги «Трагедия и Литургия» Жарко Видовича и «Религиозное и психологическое бытие» Владеты Йеротича. Вышла книга стихов "Прошлый век" (1994), книга эссе и статей "Возвращение к смыслам" (2014). Лауреат ряда премий в области литературы, образования. С 1992 года преподает в средних школах Москвы русскую литературу.

* * *

Молчи, слухач беды, почувствуют в атаке
Подземный полк воды – из Трои, из Итаки.
Гляди, предатель дна, упырь и кровопийца,
Как по сирени сна кровавый ток ветвится.
Из черепной земли, из чернозема злого
Восходит на крови воспитанное слово.
И тяжкий колос от избытка сока клонит
И чёрных кошек флот в мышинной луже тонет

И скорая луна в разрывах от шрапнели
В осколках из окна где три сестры сидели
А нынче в коридор - спасительней улики
Теней твоих эскорт плывет в застывшем крике
Смывая по пути и сор земли, и сырых
Услышь, истец, статью – за состраданье к миру
Где плачет даже град стуча по дранной кровле
Пока идет парад врагов по общей крови
По трупам среди дня, по тропам – среди ночи
Безумная родня сжигает дом свой отчий.

* * *

Что мы делаем в той стране, где лёд?
Что мы делаем в той стране, где влёт
бьют своих и чужих кромсают.
О любви ничего не знают.
Что мы делаем в той стране, где мор?
И когда из избы выметают сор,
вместе с ним избу выметают,
о любви ничего не знают.
В той стране времён неисчислим хор,
в мире том глубина превыше гор,
мертвецы живых принимают,
ничего о смерти не знают.
А у нас всегда благодать да тишь,
если мыслишь, молчишь, словно крот имышь,
а всплакнешь, в нору тебя запирают,
и о выходе ничего не знают.

В стране снегов, где места нет любви
И бьют под дых любого инородца,
Осталось только лечь и уколоться
В стране снегов, где не найти любви.
Я помню, как в квартире номер шесть
Шерстил метаметафорист нетрезвый
Слова, и словно в небе выстрел резвый
Разбужен был в квартире номер шесть.
Потом гутарили, цедили то да сё

Сквозь сито слов в напиток багроватый,
И мнилось, что ни в чем не виноватый
В конце времен ответишь вдруг за всё.
И я спросил почти как у менялы –
Скажи, пиит, зачем писать стихи
В стране снегов, в миру голов лихих?
И напивались мы мало-помалу.
Я пью опять, и проклиная стужу,
Здесь умирать, что спиртом раны жечь,
Чтобы сполна не сечь, а ладить речь,
И вырваться из хосписа наружу.
Чтоб позабыть палату номер семь,
Перескочив сей жизни единицу,
Стать на лету вдруг невесомей птицы
И с песнею замерзнуть насовсем.
И жжёт глагол у бездны на краю.
Я замечаю, сколько я не пью.
Встаёт страна от края и до края,
И снег из букв – Отечества язык -
Пронзает сердце и вовнутрь проник,
И шепчет о любви, любви не зная.

Разве можно сейчас любить?
Ведь война и могут убить.
Снайпер выстрелит сквозь окно.
Не преграда для пуль оно.
Темнота ли, закат, заря -
Пробивает крышу снаряд.
И в объятья мои тогда
Ты заходишь, как в рот вода
У солдата на дне реки.
Он погиб от моей руки.

Я бы выпил с тобой, но тебе нельзя,
Потому что УК РФ,
Потому что любовь означает – взять,
А возьмешь – аутодафе.

Я бы ночью гулял вдоль Днепра с тобой,
Где осока и влажный песок,
И горячая ночь, как травы настой,
Или пуля в спящий висок.
Я читал бы стихи и глотал слезу,
И плевать, что в РФ - УК,
И губами ловил на лету стрекозу,
И в руке бы дрожала рука.
Но к зиме стрекоза оставляет мир,
Днепр уже не в РФ давно,
И похоже сердце на в дырах сыр,
И трещит, что плёнка в кино.
И УК не страшит, и нагорный глагол
Вверх зовёт, но силы ушли.
Я любил бы тебя – но горчит рассол,
Да и он отрезвляет ли?

* * *

Жизнь закончена – так на стекле
Пишет Гёте согласно легенде
В белой лилии тела стоит
Увяданье Венеции ломкой
Так ли лепет любви? Так ли клять
Не дают воплотить наши бредни?
Бренди капля на коже блестит
Капля крови за вечною кромкой
Не могу, не хочу, а в глазах
Два птенца, две надежды на вечность
У стекла нету дна, только страх
Вверх взлетая, упасть в бесконечность

Выпускной

Она стояла в огоньке -
В потоке света
Не кукла
А в длинной темной улице
Просвет
Пространства
Захваченного зраком

Вывески
Как будто
Тут рай сгустился – светлая головка
Склоненная к невинному
Наличью
Себя самой в себе
Я обернулся, заходя за угол:
Ночь, выхваченный светом
Силуэт
Японская миниатюра
Рамка
И зреющее будущее
В светящейся тиши
Склоненного к плечу сознания
Куда мне
входа нет

Маме

Два таджика в оранжевом разгребают дорожку, -
Из окна хрущёвки зимний пейзаж.
Человек существует, как снег, прошлым:
Мамой, папой, родиной; белый коллаж
Из осколков империи, боли, спермы,
Из обрывков молитв, признаний, слов.
Человек умирает, как снег, первым, -
Раньше трав и листьев в стране снегов.
Кто пройдёт по этой дорожке? – соседка,
Сталинист ли пламенный, либерал?
Человек остаётся, как снег, - веткой
Отпружиненный в небо – синий овал.
С двух сторон стекла – снег и жар плиты, я
Потушил огонь в груди и гуляш.
Человек забыт и забит, как литые
Пули, плоть пронзающие сквозь блиндаж.
Вот таджик зачехливает лопату.
Вот дорожки снова покрывает снежок.
И глядит сквозь окно – во всём виноватый
Человек, испытывающий от мира шок.

31 декабря 2021

Заходишь в комнату. Все вещи, как при ней,
И тот же воздух, но слегка осипший,
И тени те же на полу лежат,
У ног хозяина в клубки свернувшись.
И слышно иногда из-за дверей:
Родимый смех и голос, милый сердцу,
И кухня та же, как была при ней,
И тот же скрип, когда откроешь дверцу.
Ночь за окном и ночи тень в окне,
И голос твой: «Сынок, проголодался?»
И стылые мурашки по спине
Бегут, как будто ты не расставался
ни с детским временем, ни с мамой никогда,

и смерть – не смерть, а тень, что за порогом.
И если в кране вдруг вздохнет вода,
то станет страшно, как при встрече с Богом.
В миру теней, где входа смертным нет,
Теперь она, но здесь,
здесь всё не изменилось даже,
И стены те же, и протёрт паркет,
И зеркало стоит как бы на страже
Пространства черного, и ты его жилец,
Провала гладкого без слов и вне движенья.
А комната – из тех краёв гонец,
Приносит шёпот, шорох, дуновенье.
Как будто в горле острый волосок,
И ты повис на грани тьмы и света,
И тихо капает из вены красный сок,
Но капли не касаются паркета.

ФАИНА ЗИЛЬП

Англи и Бельгии.

Родилась в Украине в один день с Анной Ахматовой (но не в Одессе, а в Виннице и, конечно, на 85 лет позже!) Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала. В Австралии живу с декабря 1997 года. После окончания университета работаю по специальности Social Worker/Case Manager/Care Advisor. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке,

* * *

Там жизнь висит на волоске,
Но вся страна в борьбе едина.
Пишу на русском языке
Про нашу рідну Україну.

Но в том язык не виноват,
Что оккупанты им владеют...
Весь мир кричит Стране "виват!
Ваш дух никто не одолеет!"

Но гибнут люди. Боль и стыд,
И в гнев вливается страданье.
За этот страшный геноцид
России нету оправданья,

Но повторяет, словно гимн:
"Весь глобус мы переиначим",
"Мы за ценой не постоим!"
А мы – о каждой жизни плачем.

Цена растёт... Ещё чуть-чуть –
И не расплатитесь вы с нами!
Да, повторив фашистов жуть,
Вы за ценой не постояли,

Но скоро – сядете! Найти
Хотя и трудно наказание
Избравшим гибельность пути.
Нас не разжалобить слезами:

Мол, "нас погнали на войну",
"Не ведали мы, что творили"...
Придётся осознать вину,
Нести её, как будто гирию.

Германия – вот ваш пример:
Раскаетесь... чтоб не простили.
И примете всю сумму мер,
Чтоб – никогда не повторили.

20 марта 2022 г.

Butchers* в Буче

Я земной шар чуть не весь обошел, –
И жизнь хороша, и жить хорошо.
А в нашей буче*, боевой, кипучей, –
и того лучше.

В. Маяковский

Примеры устрашения – морок, хтонь,
Болотных испарений ненавистность;
Подземные глубины только тронь...
– Отходим. Всех свидетелей – зачистить.

Приказы выполняли без затей:
Давно у них нет смысла в идеалах.
Насиловать и женщин, и детей,
И даже стариков; пытать в подвалах,

Похабно гоготать и убивать:
"Давай им руки свяжем напоследок –

Потом стрельнём в затылок, так их, мать,
Нацистов и кацапских жён-наседок."

– Да разве вы солдаты? Мясники!
– Ты против? То постигнет та же участь.
Ещё одну черту пересеки,
Страна, чужим страданием не мучась;

Ещё один барьер – и новый круг
Ты к дантовому аду приплюсуешь.
Их главный не марает тонких рук –
Так снова за него проголосуешь?..

Насиловать сынишку на глазах
У матери – и впрямь, армейский подвиг.
Находят наслаждение в слезах
И криках жертв посланцы преисподних.

Седает от увиденного мать
(С ребёнком и её застрелят, после...)
Стиральные машины посылать
Семье своей – забота о потомстве.

Серёжки вырвать с мясом. Волоски
Жена из них брезгливо вынимает...
Стыда нет, нет раскаянья, тоски.
Садистов всех почётно награждают:

За зверства и палаческую прыть,
За удаль мародёрства в деле важном.
Им нечем перед Богом будет крыть!
Пусть суд земной Судом предстанет Страшным.

Гвардейцы! Не прикрыт ничем цинизм.
Не морок – мор умов и нет мороки
У совести. Их путь один лишь – вниз:
В болотный ад и в новые пороки.

С 12-го на 13-е мая 2022 г.

Butcher (англ.) – мясник, палач, убийца.

Буча (разг.) – скандал, переполох, шумная драка.

Армия Мёртвых

Наши мёртвые нас не оставят в беде...

В. Высоцкий

Защитившие от немцев СССР,
Как вы можете глядеть на этот сквер –
Эту скверну, подворотню из блатных:
Бьют с оттяжкой, по рёбрам и под дых,
Ниже пояса, колени прострелив.
...Как вы смотрите на правнуков своих? –

Продолженье вашей крови, но в крови –
Украина, а не в "братстве" и любви.
Всем нездешним возмущением сердец
Станьте Армиею Мёртвых из "Колец"!
Ваше семя помогите истребить:
Только зверство вам и могут предъявить.

Помогите современникам моим –
Повторившим "за ценой не постоим!"
Отомстите всем, воды набравшим в рот,
Тем, кто предал опустившийся народ,
Зиговавшим, прославляющим царя.
...А уехавших – простите – за моря:

Выжить там, где можно выразить протест
И собой не заполнять тюремных мест...
Защитившие от немцев белый свет,
Помогите нам свести врагов на нет,
Украину от нацистов защитить,
Ваших внуков, как фашистов, не простить.
6 августа 2022 г.

"Русский мир"

Сон. Кошмар. Сейчас проснусь –
Будет вспомнить странно.

Наваждение сгинет пусть,
Нам – погибнуть рано.

Одолею сон я вплавь!
Жалких сил избыток...
– Нет, реальность это, явь.
– Да не может быть так!

Длится ужас день за днём.
Смерти – злу в угоду.
Скоро мы врага добъём!
Сон. Прошло полгода...

Что придёт, когда пойму?
Взрывы, рвутся мины...
"Русский мир" принёс войну
В нашу Украину.
13 августа 2022 г.

В братской могиле

На братских могилах не ставят крестов...

В. Высоцкий

Тук-тук-тук, кто лежит здесь со мною во рву?
И о ком мы кричали "зубами порву" –
Не о тех ли, кто нас застрелили?
Мой сосед на коленях... И, поражена,
В окровавленном, задранным платье жена...
Ну и кашу они заварили!

Но залиют им её, словно олово, в рот –
Раскалённую лаву из гиблых пород –
Пусть навечно, как мы, задохнутся.
Попадает в глаза, засыпает земля...
Мы заснули в ней, только об этом моля:
Об отмщении злему распутству:

Сорвались, как с цепи, – алчно бешенство псов.
Не спасли нас ни дверь, ни надверный засов,
Ни прощальная Богу молитва.

Безмянные всё ещё, как в янтаре,
Мы застыли во рву, те – в саду, на дворе,
И лежим тут пока монолитно.
Нас найдут, откопают, на свет извлекут,
Поимённо оплачут и вслух назовут –
Чёрно-белый отрывок из хроник.
Разделили могилу единую мы;
Ненадолго подняли нас из этой тьмы...
Как людей, наконец, захоронят

И поставят кресты... Вот, мой холмик не пуст!
Мы погибли не зря, как тогда Иисус, –
Только что искупили собой мы?!
За чужие грехи. За садистов, убийц.
За чужие ухмылки в прицелах бойниц...
Нас убрав, продолжается бойня.
...Не иконы ли все фотографии лиц
Наших скорбных?.. Нам больше не больно.

20 апреля 2022 г.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Родился и жил в г. Таганроге Ростовской обл. Работал в Таганрогском радиотехническом университете зав. кафедрой, профессором кафедры высшей математики. Первое стихотворение опубликовано более чем полвека назад в университетской многотиражке; в 1998 г. вышел сборник «Нить любви», который переиздавался несколько раз. Живет, в Мельбурне, Австралия

СКУПАЯ СТАРОСТЬ

Уходят лучшие друзья
в загробный морок,
Кого любил, кого жалел,
кому был дорог.
Еще мы встретимся во снах
бредовой ночью,
И сердцу рваться на куски –
им не помочь мне.
Уже там более, чем здесь,
друзей осталось,
И вряд ли новых мне сулит
скупая старость –
Лишь мимо сыплется зола
постылых будней,
И молодые тополя
все бесприютней...
Земля вам пухом, милые друзья,
в дороге вечной,
Как жаль, что нет на небесах
тропинки встречной...

ШЕСТЬСОТ МЕСЯЦЕВ

Вере, жене и другу

Пятьдесят сиреневых апрелей
Нежностью своею нас согрели,
А за ними жаркие июли
В прошлое навеки упорхнули.

Подарили счастье январь –
И Алжир, и Прагу, и Париж,
Первая дочурка, первый внук,
Новая работа, новый друг.

Одолели вьюги февралей,
Улыбнулись ласке сентябрей,
Не теряли жизни мы азарт –
Каждый год нас ждал затейник-март.

Нам, похоже, вечно по пути
И другой дороги не найти –
Будем жить — спокойней и добрей,
Ждать еще десяток ноябрей...
июль 1972 – июль 2022

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЫПУСКНОМ ВЕЧЕРЕ

Нет любви у старого поэта,
Не смотри лукавыми глазами:
Помнит он – проходит быстро лето,
Осень все опять зальет слезами.

Время есть у старого поэта –
Он святой душой опять воспрянет,
Прелесть тонкую молодого силуэта
В чистых строках бережно помянет.

Нет чудес у старого поэта,
Каждый раз на кон он сердце ставит,
Знает все нехитрые секреты,
Только нежность девы не обманет.

Мудрость есть у старого поэта,
Скажет ей – ищи судьбу иную,
Скоро, после теплого рассвета,
Ты поверь хмельному поцелую...

Что поэту вечно сердце ранит?
Голову ему годами кружит –

От весны с цветочными коврами
До порога бесконечной стужи?

Нет любви у старого поэта,
Он уходит, не поранив душу
 девочке с газельими глазами,
К женщине, которой он не нужен.

1993-2023

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Прости мою неуютленность,
За откровенность чувств прости,
Прости за сердца обнаженность,
Что мне другую — не найти.

Прости меня за неумелость,
Что каждый раз — как первый раз,
Дари мне все — огонь и смелость,
Улыбку удивленных глаз.

А я отдам тебе за это
Свою любовь, свою мечту,
Стихи случайного поэта,
Цветов весенних чистоту...

Те окна все горели ярко,
Не то, что звезды
 над высокой крышей,
Чуть слышно где-то ворон каркал,
Слова твои звенели —
 тише, тише...

И вот — погасли. Покачнулось небо.
Все стало пусто, тихо и темно...
Давно у тех я окон не был,
Тебя забыл —
 уже давным-давно.

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

Украинский поэт, редактор, общественный деятель, пишущий на русском и украинском языке. Родился в г. Херсоне (1968), живет и работает в Киеве.

Автор 15 книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике. Стихи переведены на украинский, английский,

немецкий, французский, итальянский, нидерландский, финский, польский, сербский, белорусский, грузинский и др. языки. Лауреат украинских и международных литературных премий: «Antologia», журнала “Interpoezia”, премии Национального союза писателей Украины им. Максимилиана Кириенко-Волошина и др. 27 октября 2022 года Александр Кabanов был награждён Главной премией 18-го Международного Фестиваля гражданской поэзии города Верчелли / Италия (проходящего под эгидой Юнеско) за личные достижения в современной литературе и за книгу «La lingua del nemico / На языке врага» (изд-во «Interlinea», г. Наваро, Италия, 2022. Директор: Roberto Cicala, перевод на итальянский: Alessandro Achilli). Александр Кabanов – соучредитель и главный редактор журнала о современной культуре «ШО», который выходил в Украине с сентября 2005-го по февраль 2022 года (проект закрыт из-за путинской агрессии) на русском и украинском языке, а также основатель и патриарх такого направления в современной литературе, как фьюжн-поэзия (fusion poetry).

* * *

Прибавляется ночь, отнимается речь,
виснет месяц дырявой калошей,
и пускай повербанки нам стоили свеч –
не страшись темноты, мой хороший.

В небесах тарахтит одинокий мопед,
заводящийся с полоборота –

это к нам прилетел из бобруйска шахед,
словно ищет в потёмках кого-то.

Это дрон-камикадзе, нелепый на вид,
бес-пилотник, рождённый войною,
и на нём – саблезубый щелкунчик сидит,
обнимаясь с персидской княжною.

И звучит колыбельная песня русни,
поминальный мотив для кокоши:
засыпай, моя радость, навеки усни,
поскорее умри, мой хороший.

И взорвётся зима, обнуляя снежок,
вспыхнет звук, не меняя окраса,
ты уснёшь, и проснёшься бессмертным, дружок,
не похожим на рыбу и мясо.

Будет всё, как хотелось тебе по уму:
бог не выдаст, свинья не осудит,
будет всё украина – в москве и в крыму,
а россии, как прежде, не будет.

* * *

Я пробирался нараспев,
меняя крылья на полозья,
сквозь рощу молодых деревьев,
сквозь женское многоголосье.

А ты, отключивая зад
в моём тик-токе и в ютубе:
смотрела молча на закат
и думала о новой шубе.

Мы поженились в общем сне,
в мечтах народа о шансоне,
в двойной по смыслу новизне,
на даче, в городе херсоне.

И ты, как смерть, при свете дня,
подобно слову, то и дело:
нещадно жалила меня,
но уверяла, что жалела.

И я признал свою вину,
звения прощальной стеклотарой,
и ты сбежала на войну,
а я лежал — больной и старый.

И думал, это всё — игра
в каком-то адском водевиле,
прошла осенняя пора,
и вот, зимой тебя убили.

В бою, в начале декабря,
и в заведении нелепом —
волхвы вернули мне тебя:
моя звезда, ты — ваза с пеплом.

Теперь, ты больше не видна
ни мне, ни грёбаному свету,
и я поставлю у окна,
на подоконник вазу эту.

Где снова зеленеет медь
весны, вращая мир вручную,
где так любила ты сидеть
и вглядываться в тьму ночную.

* * *

Дивно молвить предлагал цветков:
тишина — мучительная ноша,
на земле еврейских рыбаков —
взял и умер, до свиданья, лёша.

Над тобой песочная вода
совершает огненное бегство,

вслед за словом, люди, иногда,
молча выпадают из контекста.

И садятся ночью на кровать,
дивно молвить или бога ради,
и тебя, мой друг, не оболгать —
душегубам и московской бляди.

Время по верёвочке бежит,
скорость тьмы сменив на скорость звука,
то поёт, то плачет вечный жид,
нарушая правила фейсбука.

Дивно молвить хочет сукин сын,
да в ходу ругательные краски,
и не прекращается хамсин
переводов библии на сказки.

Очередь в районный гастроном
вьётся, заготовливая списки,
видно, как светлеет за окном,
слышно, как собака пьёт из миски.

* * *

Я привык начинать с листопада
и заканчивать снегом в окне,
но коварные боги джихада
на рассвете приплыли ко мне.

Вдоль по небу из крови и нефти,
над полями грядущих боёв,
в чёрных коконах жизни и смерти,
заострённых с обоих краёв.

Появились — судьбе на замену,
и без помпы качая права,
под воздушную в брызгах сирену —
на ходу подбирая слова:

Мы — во тьме просвещённые лица,
всяким бедам ведущие счёт,
знай, что ваша война будет длиться,
даже если диктатор падёт.

Ветер склеит подсохшие лужи,
и они — отразят фонари,
сгинет враг, побеждённый снаружи,
чтобы тут же воскреснуть внутри.

Посмотри сквозь пустыню разлуки
на иной, вероятный расклад:
вот, ещё не рождённые, внуки
на врага из окопов глядят.

Вот могучее тело джедая —
покрывает имперская слизь,
и вернулась жена молодая,
и, обняв тебя, шепчет: проснись.

Я проснулся, усыпанный снегом,
подгорающим снегом листвы,
между берегом и оберегом,
о которых не слышали вы.

Это царство моё и порфира,
и земля, что мне ближе всего,
и она — не от русского мира,
и она — не от мира сего.

* * *

Когда я сплю — я прижимаюсь к слову
и обнимаю угольный овал,
ведь то, что не подвластно гумилёву —
я съел, я выпил, я поцеловал.

И отпустил бродить по волнам нила,
смущая рыб, на вольные хлеба,

благодарю, за то, что не любила,
что от другого понесла раба.

Пускай теперь ромеи будут править,
в крошечной тьме выгадывая путь:
где запятую, где тире поставить,
куда дефис с кавычками — воткнуть?

А я проснусь, чтоб жить в краю черешен,
писать картины втайне от жены,
но в наши краски кем-то мне подмешан
флакончик масла с запахом войны.

И этот запах душу разъедает —
всем тем, кто иступлённо убеждён:
хороших римлян больше не бывает,
и греков, и примкнувших к ним племён.

Кто заключил себя в бетонный кокон,
установил на истину кашрут,
я к ним открою миллионы окон,
я соглашусь: пусть римляне умрут.

Пусть сдохнут все: с рогами и без рожек,
сгорит в аду имперская семья,
убей — плохих, а я убью — хороших,
и самым первым — я убью себя.

ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ

Родился в Москве. Вырос в Сибири. Экономический факультет и аспирантура МГУ. Давно живу в Мельбурне, Австралия. Преподаю в университете. Колумнист-комментатор по экономическим вопросам в австралийских средствах массовой информации. Автор двух сборников стихотворений и переводов. Публикации в антологии "Земляки", журнале "Крещатик", альманахах «Витражи», «Австралийская мозаика» и других периодических изданиях. Победитель конкурса поэтов-переводчиков – «Эмигрантская лира 2019».

УКРАИНА

Кто я

стал евреем

в восемь лет

когда обозвали жидёнком

в томском трамвае

стал русским

когда поселился

в Австралии -

здесь мы все

русские

стал украинцем

когда вражеские бомбы
упали на расстрельные рвы
в которых лежат
прадедушка и прабабушка
пана президента
и семья моего отца

родина там
где могилы предков

Мама и папа, у нас уже неделю война...

С украинского. Ганна Осадко – поэт и художница из Тернополя

Мама и папа, у нас уже неделю война.
Первое утро я плакала,
Но на следующий день уже сдавала кровь
И плела маскировочные сети.
На третий день не хватило ткани,
Мы с сестрой распотрошили ваш шкаф.
Все те прекрасные шарфы,
Которые ты, мама, одевала весной,
Постельное белье, купленное для внучки,
Папины майки и рубашки из льна.

А потом ткани снова не хватило –
Сеть у нас широкая,
Чтобы накрыть ею всю Украину.
Кума открыла свой магазин тканей.
И мы резали на тоненькие полосочки
Софт, ситец, хлопок:
Черные, зелёные, пастельные, коричневые, жёлтые.

Наконец, в магазине остались только
Ткани в цветах и в горошек.
Во всех магазинах, мама и папа,
Во всех магазинах по всей Украине.

Когда победим, наши женщины
Наденут платья только яркие,
Только в цветах и в горошек.

Что ещё? – спрашиваете.
Как бы это сказать, чтобы вы не так волновались?
Сашка ушёл на войну.
Да, не умеет стрелять. Да, не служил.
Но скоро научится.
Сонька координирует добровольцев.
Как на работу – с девяти до семи.
Устаёт ужасно. Не просыпается даже во время сирены.
Хлопцы подвозят, грузят, помогают.
А ещё одно – не удивляйтесь,
В вашей квартире теперь живут люди из Киева.
Женщины и дети. Они хорошие, мама и папа.
Но ведь вы это и сами видите.

Папа, твой Путивль отбили наши. И Кубер твой отбили.
В Сумах и Конотопе было очень жарко. Бомбардировки и танки.
Харьков уже несколько дней под градами. У меня там друзья.
В Чернигове ужасно. Крылатые ракеты попадают в школы.
Киев стоит насмерть. Не на свою, а на их.

Вы не беспокойтесь, мама и папа.
Снова сирена. Нет, не бегу.
Куда бежать? Теперь на этой планете нигде не безопасно.
Нет, не страшно. У нас после девяти теперь нужно выключать свет.
Во всех домах, чтобы не быть яркой мишенью.
Но и это мелочь, они же не прицельно стреляют, а велят ракетами кое-как,
Очень издалека,
Им даже страшно взглянуть в глаза жертвам.

И единственная свеча сейчас в моем доме –
У вашего портрета,
Сижу, говорю с вами, и даже думаю
(простите, мама и папа) –
Как хорошо, что вас уже нет,
Что вы умерли в мире.
(Март 2022, г. Тернополь)

Фортепианный этюд для левой руки

С украинского. Валентин Лученко – поэт и филолог из Киева

Эта музыка с шумом листьев
дубов, берёз и клёнов;
их запахов и теней от садыщегося солнца
так меня влечёт и приводит транс.

В ней нотка жалости
от переклички рельсов и колёс
самой длинной в Европе сети узкоколеек.

Я чувствую себя как швед,
что провожает последний паром с острова,
не зная встретит ли первый паром весной.

Будут ещё долгие ночи и сумеречные дни,
холодные воды не замерзающей реки,
и стая уток, что там на дне,
дай Бог, неглубоком,
ищут в зарослях и тем бедняги
живут,
не улетают.

Они живут, а мы страдаем.
Почему?

Потому что жить не умеем просто,
а хотим многое.

Зачем и для кого?

Рабы суеты,

живём, пока ещё осталось время
любить мир обнятый всеохватно.

И умножать Любовь

во всех её многообразных ипостасях и чинах.

Не искать причины.

Не видеть цели,

идти и шуршать листьями.

Лети же над небом,

душа моя пречистая.

Здесь и сейчас.

ИРИНА КАРЕНИНА

Ирина Васильевна Каренина (Овсепян) родилась в г. Нижнем Тагиле. Училась в Уральском государственном университете им. А. М. Горького на факультете искусствоведения и культурологии, окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар поэзии Владимира Фирсова), Уральскую академию государственной службы. Автор 7 книг стихов. Лауреат премии журнала «Знамя» (2011), премии им. Виктора Астафьева (2016). Работает

заведующим отделом культуры газеты «СБ – Беларусь сегодня». Живет в Минске.

Остается не то горчинка, не то перчинка,
Голубая усталость – отметка под нижним веком.
Если бы это странное сердце отдать в починку,
Если б кукла Суок была куклой – не человеком,

Если б горе и горечь с ума не сводили тихо,
И надменные плечи не гнулись в ночи устало,
Если б только ты был – и пускай поминал бы лихом,
Но живой, где угодно, – да мне б и того хватало.

Говорю: «Я люблю» – и слова пустота глотает,
Далеко-далеко все ушедшие в град небесный.
Не смотри мне в лицо – оплывает оно и тает,
Оттого что стою ночами над этой бездной.

И глазами сухими вглядываясь в разлуку,
Окликаю тебя из домашнего запустенья.
Эта смертная блажь – удержать на прощанье руку,
Припадая к тени.

Скажи мне, что со мной не так,
Мой милый друг, мой верный враг.
Бессонный нетопырь любви
Раскинул крылышки свои
И все кружит над головой
В ночи земной, пустой, живой,
Запеленгован, легкокрыл,
И мне никто не говорил,
Что это будет, как в раю, –
Все то, как трачу жизнь мою
На радости и пустяки,
Прогулки, холодок с реки,
На мельтешенье теплых снов,
На ветер, память и любовь.

Осень бьет в дождливый бубен,
Дождь из листьев по плечам.
Только ласковые губы
Ранят сердце по ночам.

Пахнет с кухни кардамоном,
Венчик мельтешит в руке,
И в пантуфельках с помпоном
Вечер входит налегке –

Безмятежный, длится, длится,
Плещут руки без перстней.
Черный сахар и корица –
Будет выпечка вкусней.

Тень ложится на ресницы,
И сияет теплотой
Отблеск вечности на лицах
Розовато-золотой.

Чтоб не видел никто, отчего у тебя болит,
Научись принимать безмятежный, надменный вид,

Говорить с холодком, улыбаться стальным божком,
Чтоб никто не узнал, как тоскуешь ты и о ком.

Ах, как жесты мои стали трепетны и нежны!
Ах, какие с недавних пор мне приходят сны!
То-то я, как трава, дрожу, как цветок, цвету,
И ловлю твой взгляд, словно молнию, налету.

То-то плечи мои вразлет и твердеет рот,
И держу удар, и ничто меня не берет,
Непутевую голову выше небес задрав,
На того, кто чужой, никаких не имея прав.

Может, и правильно – Он не дает
Этого или того,
Вся-то судьба – недолет, перелет
Гибели над головой.

Может, и правда: хромуше-любви
Нечего делать со мной –
И полуночных моих визави
Снова ведет стороной.

Поговорили – три шага назад,
Мимо бокал пронеси!
И отвожу в полумраке глаза,
И вызываю такси.

Мы с тобой подписались на это:
На Голгофу, заклатие, стыд,
Поклонились на стороны света,
Нахлебались житейских обид.

Крутанули пластинку сначала –
Наше милое сердцу старье.
Ах, чего она нам обещала,
Эта Вяльцева, нежность ее!..
Пролистали затертый письменник,
К русской речи пошли на поклон, –
Только б цвел вековечный шиповник,
Только б древний хрипел патефон.

Ты же все понимаешь – клематисы или розы:
Там Клэр Остин в кремовых юбках, тут розовеющий Иоанн Павел.
И если к жизни у нас остаются еще вопросы,
То смерть мы вряд ли исправим.

Помнишь, как у меня глухо болело сквозь ребра?
Думала – жизнь болит, оказалось – то сердце, то невралгия.
Наш картонный, карточный домик разобран,
В нем, возможно, нынче живут другие.

Мои руки врастают в почву земного сада.
Если с кем говорю – то с калужницей, медуницей,
С шелестящим дубом, вознесшимся за оградой,
С невесомой птицей.

От жасминовой сладости воздух до ночи пьяный,
А в ночи мне серебряные светят сквозь крышу звезды.
И всего прибýtка – лишь луковицы тюльпанов,
Лишь смородинный шелест, восковые винные грозди.

Дернешь подальше от этой дурной любви –
Рук этих, губ и взглядов исподтишка,
Мысленно загадаешь: «Останови!».
Будет сосать под ложечкой: в дураках
Только б не оказаться в десятый раз,
Ибо вся жизнь твоя глупость и чепуха.
Что тебе надо от этих прозрачных глаз?

Кутайся в зиму, в сутробы ее, меха,
Меньше и больше все это того, что ты
Вынести можешь, не изменяя в лице.
Тихо качнешься на краешке пустоты:
Только б, сорвавшись, не умереть в конце,
Заново крылья вырастить из спины,
Вместо сожженных выстроить корабли...
Только бы те, кого все-таки ждешь с войны,
Хоть бы к кому, но живыми с нее пришли.

Плохо, плохо и страшно до тошноты,
И кому ты расскажешь про это «больно»?
Улыбайся, молчи, поливай цветы,
Только пальцы – стакато – перед контрольной.

Биполярный, бульварный, какой уж есть,
И немного бессмертный – на краткий срок свой,
Не тебе, не благая, не жди, не весть,
Но в неровный столбец уместились строки,

Но в неровный полет сорвалась душа,
И метаться ей – дурой, летучей мышью,
То горюя, то в глупостях мельтеша,
Доверяя обиды четверостишьям:

О, вершина робких твоих побед –
Золоченое кладбище антологий!
Значит, жизнь не кончена, не допет
Ни бравурный марш, ни романс жестокий.

ГЕННАДИЙ КАЦОВ

Поэт, прозаик, эссеист. В середине 1980-х был одним из организаторов Клуба «Поэзия» (Москва) и участником литературной андерграундной группы «Эпсилон-салон». В мае 1989 г. переехал в США. Последние 34 года работает тележурналистом в Нью-Йорке. Радио- и журналистскую деятельность начал с программы Петра Вайля «Поверх барьеров» (Радио «Свобода»). Вернулся в литературу после 18-летнего перерыва в 2011 году. Автор 11 книг поэзии и прозы. Лонг-лист «Русской премии» (2014, 2015), шорт-лист «Волошинского конкурса»

(2014). Лауреат журнала «Дети Ра» за 2014 год. Стихотворения опубликованы в энциклопедической антологии «Самиздат Века» (1997). Член редколлегии литжурналов «Времена» (США) и «Эмигрантская Лира» (Бельгия). Публикации последних лет в интернет-изданиях Spob.ru, Colta.ru, «Дискурс», «Частный корреспондент», и литжурналах «Волга», «Дружба Народов», «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Литературная Америка», «Нева», «Новый Журнал», «Новый Свет», «Новое Литературное Обозрение» («НЛО»), «Октябрь», Prosodia, «Связь времен», Textura, Homo Legens, «Формаслов», «Этажи», ...; по-английски – в американских изданиях Cimarron Review, Blue Lyra Review, Tupelo Quarterly, Verse Junkies, Painters and Poets, Life and Legends, The Ekphrastic Review и других. Один из 101 авторов американской антологии «101 еврейское стихотворение Третьего тысячелетия» (101 Jewish Poems for the Third Millennium), Ashland Poetry Press, USA, 2021

«жизнь проводя на фоне общей бойни...»

всё смешалось в доме ополченцев:
закаляют сталь, кричат «ура!»
женщины, подбрасывая чепчик,
без победы ходят на парад

и отцы, и дети без причины
«буревестник» шпарят наизусть –

здесь предельно счастливы мужчины,
коль на всех хватает амбразур

за атаку не дадут награды,
с обороной также не складось:
сфера раскололась на квадраты,
колет изнутри земная ось

коротка кольчужка, давит ворот,
дайте семь холмов – построим рим:
снова альпы перейдёт суворов,
взятие берлина повторим

вспомним мать – она домост раму,
с мылом с милы соскребёт тату,
в грс введёт дорогу к храму
и спасёт от мира красоту

как писал в имейлах отстоевский
другу чехов: «дорогой антон!
в нас течёт будвайзер жигулёвский
и по-тихому впадает в дон»

а затем поляку: «шо, стакович!»
и «шо, пен!» корейцу – пей до дна
о былом прилепинскую повесть
и роман толстой «мир и война»

кто в ответе за болезни мозга,
либо против? дал бы закурить!
гул затих, я вышел на подмости –
и не знаю, с кем заговорить

* * *

попугай, из покинутых в доме, не знал о войне,
он бродил по квартире, сидел, пригорюнясь, на полке,
громко цокал и пел нараспев о неверной жене,
и томился, дурак, представляясь со щёлканьем: «попка!»

он сжимал в кулачок свою лапку и, взбив хохолок,
«есть давай!» повторял то сопрано, а то баритоном, -
комментируя («умница!», либо язвительно «лох!»),
если кратко цитировал из «государства» платона

он кричал «караул!»), мог и по-украински «привіт!»),
имитацией славя любимых соседских мальчишек:
час на час походил, из окна тот же мартовский вид...
день за днём становилось в квартире всё тише и тише

кто-то скажет: опомнись, какой попугай, ты о чём?!
столько мёртвых в домах и на улицах мёртвых прохожих,
столько раненых и покалеченных всюду, о боже!
о каком попугае? а беженцев ты не учёл?!
это – сушая правда, *но всё же, но всё же, но всё же*

* * *

я шёл по дням недели босиком,
по зеленеющим охристо отравам –
осенний воздух, свеж и насеком,
настроен был на незабвенных травмах

даль голубела стая голубей,
был связан горизонт из рыжей пряжи:
был назван первый пистолет «убей» –
он в первых жертв был сразу же разряжен

не так тиха украинская ночь,
как убеждал апостол а.с.пушкен –
нанёс удар мой перочинный нож
по танку прежде, а потом по пушке

бомбардировщик надо мной радел
и внешне походил на истребитель:
я точно знал, как не бывать беде,
ответив на вопрос: «быть иль не быть им?»

тачанкой-птицей мчится тройка-русь,
как кистью написал её ван гоголь –

в ней, в основном, лежит «двухсотый» груз
и, бога ради, «сотого» немного

до середины долететь днепра,
писал художник, ей не хватит духа!
и он, клянусь отечеством, был прав,
ведь просто так не отрезают уха

был противоречив, как всякий псих,
чему примером – две строки подробных:
«прости же, боже, неразумных сих,
но лучше их казни! и им подобных»

я загорался, вздрагивал и гас,
на площадь шёл, блаженнее святого...
как жаль всех слез, всех жаль! - помилуй нас,
хотя не все из нас к тому готовы

* * *

война, как повод для теодицеи:
короткий век не помнит ничего –
сегодня всякий, став наземной целью,
в своём лице есть средство пво

судьба – предмет, и по нему экзамен
нередко принимает генерал:
ты посылаешь на врага гекзаметр
и в позвоночник высадишь герань

жизнь проводя на фоне общей бойни,
не дуло поднесёшь к сухому рту,
а словно самородок, с колокольни,
приладив крылья, прыгаешь в мечту

встаёшь с утра – как бы чего не вышло!
ложишься спать, как в бункер, до утра –
меня без цели вылепил всевышний,
скорей всего, на риск свой и на страх

простые правила – им жёстко следуй:
съешь завтрак сам, хоть через-не-могу!
в обед скупой слезой делись с соседом,
отдай на ужин приговор врагу

нам выбегать из маминой из спальни,
чтоб отражаться в зеркалах витрин:
смерть – мрак в пустом футляре готовальни,
где бархатом обитый лабиринт

отдашь коня за дедову победу,
накажешь внукам жить-не-горевать:
в глубокой шахте спрятана ракета –
и ей известно, в чём ты виноват

* * *

вот когда приведут, и когда уведут,
и когда позже к стенке поставят –
утешайся, что это несправедный суд
и всё мерзко в их лживом уставе:
верь – их ждёт не инфаркт, так инсульт

время гласных согласных – всё крепче броня,
всё сильнее под окном вой сирены...
нас на завтрак схарчат – и тебя, и меня,
с аппетитом, конечно, отменным,
ведь никто его не отменял

время кислой капусты, гнилых новостей,
прочесоченных ломтиков бреда,
низкой жирности фарша внутри митетей –
в самый раз каннибалам к обеду,
на десерт пьющим мозг из костей

словно ты за парадно накрытым столом
оказался в компании ушлой,
где в столовых приборах – и вилы, и лом,
а на первое – мясо для пушек,
да проклятье лежит на втором

не надейся, что чаша минует сия
и прожить доведётся украдкой:
ты и кто тебя съест – это, как бы, семья
в рамках нового правопорядка,
с первых чисел внутри февраля

* * *

совсем недолго ждать – пройдёт и это,
и шелестящей чешуёй дорожной
(как жаль!) вольётся в легу бабье лето,
вплывая красно-рыжим осторожно

ножом хрустальным луч пронзит хрусталик,
пока глаголом лжёт температура:
zed-неприятель sed – и lex представит,
что он, как это нынче в моде, дура

длинней ножей ночь станет, день короче –
короче говоря, помалу майна,
по вере вира: ты свернись в комочек,
ждишь, когда с небес посыплет манна

тебе ли, олуху, не знать, чем сердце
и печень успокоятся? тебе ли
без страха и упрёка домоседу
искать то пятый угол, то свой берег

придёт зима – и отморозишь палец,
себя зачёркивая в снежной стуже, -
так солнечное масло выкипает,
под ливнем пузырясь в осенней луже

КАТЯ КАПОВИЧ

Двухязычный поэт и прозаик, живет в Бостоне. Выросла на Донбассе, где отец работал шахтером, потом семья переехала в Кишинев. В юношеские годы принимала участие в диссидентском движении, многократно арестовывалась, эмигрировала сначала в Израиль, потом в 1992 г.

переехала в США. Автор одиннадцати поэтических сборников на русском языке и двух на английском, а также автор двух книг прозы – третья готовится к печати. Участник множества интернациональных фестивалей, за мастерство в английской поэзии в 2001 году получила премию Библиотеки Американского Конгресса. В 2007 г. ей была присвоена стипендия Эмхерстского университета и позиция поэта при университете. Профессор Свободного Университета, Капович ведет классы поэтического мастерства. Стихи и проза на русском языке печатались в журналах «Воздух», «Волга», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Новый мир» и др. В 2012 году в издательстве «Аст» вышел сборник рассказов «Вдвоем веселее» (Изд-во: Редакция Елены Шубиной, Москва, 2012 г.) За эту книгу Капович удостоена Русской Премии. В 2019 г. вышел сборник рассказов «Суп гаспачо». За сборник Капович получила интернациональную премию Э. Хемингуэя. В издательстве «Эксмо» в 2021 г. вышла книга избранных стихов «Город неба».

В дверях хэллоуинская тыква,
и в доме гостей, что семян,
откуда-то Галка возникла,
с вещами таща чемодан.
Она обнимает гитару,
стакан поднимает с вином
и сладостным взглядом гетеры
обводит мужчин за столом.
С какого пришла она света?
В степях Украины село.

На босых ногах ее кеды,
из юбки колена бело.
Не тыквой ли, что превратилась
в карету, попала сюда?
В глазах расстоянья на вырост,
дни, месяцы и города.
Над всей круговою порукой,
над общим столом, чёрт возьми,
над смертью, войной и разлукой
одно до-ре-ми. До-ре-ми.

Неизданная рукопись
лежит в моём шкафу
с рассказами про юность,
про счастье наяву,
гаданье по ромашкам,
любви горячий ток,
а также по рюмашкам
разлитый коньячок.
В неизданном рассвете
наш дом из котельца,
там мать на табурете
сидит и ждёт отца.
Меня саму там, кстати,
однажды вывел в нём
неизданный создатель,
черкнув карандашом.

С. Гандлевскому

От тех домов, где в семь железных струн
с утра бельё вывешивали тётки,
чтобы оно качалось в колотун,
хрустело на морозе в околотке.
Сквозь марты в небе солнце высоко,
внезапный ветер с узелком на память
возьмётся разворачивать его,
чтоб крылья простыней в глазах расправить –

и до новоанглийских пустырей
в оттаявшем Манчестере-на-море
смотри такой же вид и фонарей –
с обратной стороны земли в лазури

белеют паруса в конце грозы,
кончается зима, и, как знаменье,
на башне переводят нам часы
на новое, на солнечное время.

Где арестовали? – Да во Внуково,
на контроле прямо. – Во дают,
надо ж быть такими на фиг суками...
Что теперь? – Конечно, дело шьют.
Шьют тюремную рубашку с вырезом,
шьют с резинкой серые штаны
те, что на все стороны равны,
из которых целый век не вылезем.
Адвокат звонит по телефону:
трое в шлемах выломали дверь.
Значит, вновь колонии и зоны –
вот в такой стране живём теперь.
Это рожи у клопов Генштаба,
это речи с нотою стальной.
И уходят люди по этапу,
проклятые нищей страной.

Нас ночью подняли с постели,
и полетели мы на звук
за журавлиною свирелью
вдоль огородов и лачуг.
Мотив подобен был приказу,
семи отверстиям над судьбой
для птиц предутреннего часа
благословенною весной.

Взойдёт пейзаж: стены четыре,
окно в узорах зимних стрел,
и те, с которыми мы пили,
их лица светлые, как мел.
Мы миражу не верим толком,
на ощупь пробуем его,
но жидок воздух ненароком,
откроешь дверь – там никого.

Ах, эти горькие жилища
нас проворонили в тот мир,
в котором с юности Радищев
нам душу пронизал до дыр.
К чему нам памяти уколы
и репетиции ума?
Мы только птицы без укора,
оставившие закрома.

Это – бескрайнее море,
с чайками солнечный мыс,
детство на фуникулёре,
плаванье, первый круиз.

Это в саду, где повисли
спелые вишни в соку,
к жизни любовь в высшем смысле,
облако там к облаку.

Это у дачной ограды
юная мама стоит,
горсти полны винограда,
и что-то мне говорит.

Это зимою долина,
дом наш в донецком селе.
Это моя Украина,
взорванная в феврале.

Ночь и фонарь по центру круга,
где синевой снег глубок,
уснула жизнь, свернулась мука
котёнком в шёлковый клубок.

В ночи твой номер набираю,
чтоб поболтать, как жизнь назад,
когда был мир, и шли трамваи,
и в мире дети шли в детсад.

Теперь я набираю номер,
с мобильником рука дрожит.
– Алло, ты жив? – Ещё не помер, –
знакомый голос говорит.

Мы одноклассниками были,
потом ты в – Киев, я – в Тагил,
писали письма и звонили:
– Алло, жива? Острил, смешил.

Что приключится, друг, со мною?
Пройдёт любовь, придут слова.
А у тебя вся с сединою,
вся с сединою голова.

Через зимы, лета, дней чересполосье,
что твоя копейка в медном купоросе,
то же солнце в небе освещает ельник,
закипает чайник, трусится наперник.

Мы живем, как жили, среди книжных полок,
то ли век и вправду оказался долог,
то ли смерть свою мы пережили вкратце,
но стучит в мозгу отсутствий чёрный кальций.

Где стояла ёлка, там в ковре иголка,
на земле война, а у нас уборка,
но стучит беда под черепною крышкой,
и спросить нельзя тут: «Почему так вышло?»

Можно я попрошу, чтобы там, куда тихо иду,
был бы лес на ветру, чтобы ивы стояли в пруду,
чтобы гуси, как гусли, гудели,
чтобы звук неустанно летел далеко и держал на лету
то, что в жизни возвышенно пели.

Можно дать мне по сторону ту простодушный пейзаж
леса, крыш, камышей, как простой карандаш,
дачных домиков из необструганной дранки.
Не кончается время, продолжается, чтобы на глаз
узнавание было, опять приводил бы в экстаз
мир, который я видела раньше с изнанки.

Можно мне там со всеми своими огонь развести,
посидеть у огня, чтобы яблоко света в горсти,
перегуды гусей вдалеке, звёзд цветные отточья,
приснопамятный дым – всё, что было при жизни в чести,
ну, а ежели нет, то позволь мне долиной брести,
и спасибо за всё, и спокойной всем ночи.

ЕЛЕНА КОГАН

Родилась и выросла в Гомеле, что в Белоруссии. Много лет прожила в Израиле, там же стала программистом и обрела друзей, разбросанных сейчас по всему миру, и которых мне, безусловно, не хватает.. Сейчас живу и работаю в Австралии.

Мне бы хотелось посвятить свой печатный дебют моему безвременно ушедшему мужу, который многие годы вдохновлял меня к публикации. Я же сама никогда об этом и не помышляла, ибо для меня стихи – это просто неотъемлемая часть жизни, с тех пор, как себя помню.

Научи меня жить без тебя

Научи меня летать высоко под облаками;
Научи меня мечтать, словно не было беды;
Научи полотна ткать чуть дрожащими руками;
Коромыслом научи натаскать в лохань воды,
Научи спокойно жить, не колеблясь, не робея
И превратности судьбы просто молча принимать,
Научи меня скорбеть так, как раньше не скорбели,
Научи природы звукам так восторженно внимать
Словно это голос тихий, твой, запомненный навеки,
Научи меня уметь быть счастливым человеком.

Научи меня летать высоко над облаками...

О Запахах во/и времени

Утро томное... чуть слышно
Просыпается, как будто,
Лучик солнца; пахнет вишней...
Пьяной вишней и уютом...

День в разгаре, чай горячий,
Лёгкость силится убраться,
Контур дел лишь обозначив,
Пахнет смолами и шансом...

Вечер медленный и хмурый...
Опускается на плечи
Сумерек озноб... Чем пахнет? –
Острым перцем и картечью..

Ночь накатывает плавно
Астеничный свой покров...
Пахнет чем? Открытой раной...
И истлевшей связкой дров...

...Итого: минуты суток
Исчисляются остатком...
Пахнет... горечью, как будто? –
Морем, ветром и осадком...

Перепутье

Шагать или идти?
Тащить или нести?
Влачить или цвести?
Снискать ли? Обрести!
Достать ли? Дорасти!
Дожить ли? Был бы стих...
Рожден легко ли тихо
Иль в муках родовых?..
Болезненно возникший,
Тебя перекромсав
И заново создав
Из крошек и росы...
Волнующий и тихий
И трогающий стих..!
Дай Б-г писать, расти..!

Восстать из пепла

Рисуешь контур филигранно,
Он узнаваемый вполне...
Так осязаемо касанье,
Как будто по моей спине
Ты медленно рукой проводишь,
Я растворяюсь в тишине,

И только тихий стон, я вроде
На тёплой бархатной волне...
И наша общая нирвана,
И всплеск эмоции притих,
Скажи мне, кто ты? Гость ли, странник?
Вновь о тебе родился стих!

Тебя я вовсе не искала,
Я не старалась, не ждала,
Я в страшном кадре
Между жизнью
И между смертью замерла...
...Я к ночи, добредя до дома,
И маску радости срывая,
Всё растворялась в своём горе,
Его с трудом осознавая...
Я вновь и вновь листала сказку,
В которой столько лет жила,
Не постигая как?! Так страшно –
Зачем?! она оборвалась?!
День ото дня, дела закончив,
Сквозь зубы воя на Луну,
Я тщетно вход найти пыталась
В свою волшебную страну;
И руки вознося в молитве
Всем в мире признанным Богам,
Я вопрошала: "как так вышло?!"
И окуналась в свой бедлам,
Поток рыданий низвергая,
Я погружалась в полусон
Где я ещё всё та, другая,
И тот другой в меня влюблён...
Чтобы на завтра на рассвете
С лучами солнца встретить ад...
Такую вот меня ты встретил
Четыре месяца назад.

Пока я траур не снимаю
Ты знаешь, я ещё скорблю...
Я ничего не обещаю,
И я почти не говорю,
Я не хочу терзать сомнением,
Не дай-то Б-г не выжечь в дым,
И точно не хочу обидеть
Тебя сравнением с другим...
А дальше что? Пока не знаю,
Но мне уже с тобой тепло,
И я о боли забываю,
Когда ты рядом – мне светло...
И да, я знаю, что терпенья
Тебе отнюдь не занимать,
И да, я знаю, ты мне скажешь:
«Я буду терпеливо ждать»...

Я никто без тебя..

Я никто без тебя, я – никто...
Я трава в бесконечном поле...
Я на вешалке старой пальто,
Беспощадно побитое молью...
В клетке будней, почти без души,
Крыльев культи шевелятся странно,
Я себя убеждаю: «дыши»
Вопреки, несмотря, неустанно...
А подспудно: «Зачем, почему?» –
Ровно тикает маятник мысли...
Так по жизни безвольно бреду –
На плечах тяжкий груз коромысла:
Тихо плещутся в ведрах года,
Расплескать их мне боле не жалко...
И бреду, как в бреду, в никуда,
Чьей-то тенью, прискорбной и жалкой...
Я никто без тебя – трафарет –
Сотни раз обведенный капризно...
Сгусток памяти, тоненький след
Угасающей маленькой жизни...

Спасение

Мне хочется спасения искать
У каждого, мне внемлющего, уха;
Мне страх свой не постичь и не унять,
Мне боли не простить и не понять;
И та соломинка, что страждется поднять,
Вне поля зрения... Вне поля слуха
Слов диапазон, звучащий в духе:
«будет все в порядке», –
Мной движет ужас ... Словно страшный сон,
В который поневоле окунулась,
И без конца, да и без края он..
Что ожидает нас, что будет с этим всем?
Надежда уж не теплится совсем...
И словно целый мир перевернулся
С ног на голову... Боже мой! Зачем?
Быть может это все же сон?
Тогда опять зачем?..
Зачем же я проснулась?!

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году – первая публикация в газете «Литературная Россия». В 1991 – иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого». В 2002 году – иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы «В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году сборник повестей и рассказов также включает в себя тексты

песен и романсов, положенных на музыку. Живет в Австралии.

Под покровом осеннего свода
Скрипка пела, скрываясь в ночи.
То ли радуясь лета уходу,
То ли плача о нас без причин.

В пенье скрипки подмешивал ливень
Громовые раскаты небес,
Ветра шум был порой агрессивен,
И пугал все живое окрест.

Скрипка пела, судьбе не сдаваясь.
Ветер стих и проглянула синь.
Прекратился пугающий хаос,
Обнажив пирамиды руин.

– Правда хороша, но неуместна, –
Нас учили с детства старики, –
– Будь со всеми ласкова, любезна
Собственному мнению вопреки.

Время шло и слово заменили
На политкорректность – в чем же суть?
Подыграть, как в старом водевиле,
Промолчать, а дальше как-нибудь.

Мы не лжём, мы лишь политкорректны.
Лицемерье, как ни назови,
Остаётся, как и встарь, эффектно,
Символ нашей дружбы и любви.

Куда уходят годы? Безвозвратны
Часы, минуты, месяцы, века.
Вселенная темна и необъятна
И нами не изведанна, пока.

Возможно, в том, закрытом, странном мире
Нас ожидают встречи, и карт-бланш
За то, что на прижизненном турнире
Никто не предоставил нам реванш.

И в том другом, потустороннем мире
За все, что удалось сейчас скопить –
Есть касса, и кассир в плаще-порфире
Потребуется оплату предъявить.

Невыносима лёгкость бытия...
Хоть бабочкой порхать по жизни проще.
По вечерам под пенье соловья
Гулять, вдыхая ароматы рощи.

Любить, не пряча чувственный порыв,
Свободным быть от пересудов, злости,
И нравственным аспектам вопреки
Играть с судьбою собственной в кости.

Невыносима лёгкость бытия...
Но, если верить Данте, в круг девятый
Выводит нас кривая колея,
Где по счетам просроченным мы платим.

Успеть запрыгнуть в уходящий поезд,
Забыв о возрасте, наличии примет,
Не прекращая половинки поиск,
И позабыв вам сколько зим и лет.

Успеть удачи ускользнувшей отблеск
Увидеть в отражении зеркал,
И оценить достоинство и доблесть,
И страсти ускользающей накал.

Не умереть душе, пока мы живы,
Не растерять задор, и веру, честь,
Вдруг позабыть, насколько прозорливы,
И правде ложь любую предпочесть.

Спит усталая старушка
В старом кресле у окна.
Под ногами на подушке
Кошка дремлет. Снег, зима.

Отказались слышать уши,
Затуманились глаза,
А во сне приходят души.
Только к ним пока нельзя.

Дети живы, внуки рядом –
Полной чашей дом и стол!
Но как жить ей в мире сжатом
Средств никто не изобрёл.

Не увидеть лица внуков,
Не услышать детский смех.
И за что ей эта мука,
И каким быть должен грех?

И уставшая, больная,
Молится, от всех тая:

«Пусть закончится земная
Жизнь никчёмная моя».

Под зонтиком одним, по лужам, прелым листьям,
Прижавшись от дождя к надёжному плечу
Шагали две судьбы, рисованные кистью –
Дай Бог Вам долгих лет, вдогонку им шепчу.

Всю жизнь рука в руке, одна судьба, дорога,
И соль, и хлеб, и боль делили пополам.
Вот внуки подросли, теперь о них тревога –
Дай Бог им в мире жить на радость старикам.

Какое счастье знать, что есть плечо родное,
Что рядом человек не предал, не предаст,
Что есть с кем вспоминать все то, пережитое,
Родной надёжный друг, а не простой балласт.

Телефонная книга пестрит от чернил:
Адресат недоступен и номер зачеркнут.
Он, наверное, в жизни, кого-то любил,
Человек, что забвением нынче подёрнут.

Он стремился и верил, что все впереди,
Что успеет пожить, может, что-то исправить,
Он смеялся и пел, и до самых седин
Он поверить не мог, что расстанется с нами.

Я листаю страницы: вот этого нет,
А вон тот на звонки до сих пор отвечает.
Я прошу об одном – пусть останется след
Обо мне в телефоне, хоть строчкой печали.

ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар В.А. Кострова) и получила кинодраматургическое образование во ВГИКе им. С.А. Герасимова (мастерская А.Я. Инина). Автор четырёх книг стихов – «Белые крылья» (Пермь, 2000 г.), «Вид из окна» (Архангельск, 2008 г.), «Первое небо» (Томск: ИД «СК-С», 2015), «Спит Вероника»

(Москва, «Стеклограф», 2019) и книги прозы для детей «Журавлиное солнышко» в серии «Сказки русского леса» (Москва, «ВАКО», 2016). Стихи, статьи и переводы публиковались в российской и зарубежной периодике: «Новый берег», «Дружба народов», «Prosodia», «Интерпоэзия», «Октябрь», «Эмигрантская лира», «Гостиная», «Этажи», «Артикль», «День и ночь» и др. Участник студии сравнительного перевода «Шкереберть», журнала «Дружба народов». Редактор поэтического раздела журнала «Формаслов», заместитель главного редактора журнала «Эмигрантская лира». Живёт в г. Одинцово, Московская область.

Никогда-никогда

ветер порывист и немощен дождь
в доме тепло поутру
мама ведь ты никогда не умрешь
нет никогда не умру

взрослое сердце внутри не боли
время юли не юли
мама мы будем как те корабли
плыть от земли до земли

чтобы под нами искрилась вода
чтобы над нами звезда
мама ведь мы никогда-никогда
нет никогда-никогда

стынет небо цвета стали, поглотив в себе рассвет.
мы играли, мы устали, нас на свете больше нет.
мамки нас не нарожают, чтобы жили мал-мала.
нас уже не отражают никакие зеркала.

вот смеркается над лесом, тлеют синие огни.
поезда гремят по рельсам, укорачивают дни.
мы не ропщем и не злимся, ничего уже не ждём.
больше мы не повторимся, больше не произойдем.

может, вспомнимся кому-то, кто не пляшет на костях,
и продержимся минуту в электронных новостях.
станем чистыми листьями, нищоброды-короли.
мы играли, мы устали, нас позвали, мы пошли.

пока идёт соединение,
моё-твоё объединение
в сети посредством урп,
шумит гроза, совсем не майская,
ямальская, а не ямайская,
в холодном ветре перемен.
учились жить и стали неучи,
и говорить нам, в общем, не о чем,
лишь строить замки на песке.
и эта жизнь нам просто кажется,
где урп никак не свяжется,
никак не свяжется ни с кем.

Скрипит разбуженная лестница,
к кому-то приведя гостей.
От Цвейга хочется повеситься,

не меньше, чем от новостей.
И занавеска суматошная
дерётся с ветром на окне.
И вместо будущего – прошлое
горит фонариком во мне,
где мы веселые и смелые,
и не знакомы нам двоим
ни Цвейг с усталыми новеллами,
ни я, склонённая над ним.

летнее

я смотрю на море
а море глядится в небо
отражается в волнах
маленький истребитель
он летит под солнцем
похож на иглу хирурга
он сшивает небесные раны
багровой нитью
и закат кровит
растекаясь по горизонту

закрываю глаза как в детстве
двумя руками
никакого моря неба и самолета
никаких метафор
тропов преобразений
никаких запятых
ни точек ни многоточий
никакого заката –
всё можно начать сначала

Раньше,
думая о том,
как закончится моя жизнь,
я представляла,
что сделаю к этому моменту
все, что хотела,

осуществлю
свои мечты
и устремления.
Сейчас,
когда стрелки часов Судного дня
снова близки к полуночи,
я думаю –
главное,
в этот момент,
не вычесывать собаку,
стоя над ней
буквой г.

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК
(Бельгия)

Родился в 1961 г. в Молдавии. Окончил Московский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. 18 лет прожил в Забайкалье, в Улан-Удэ (картографирование дна Байкала, геодезические работы, космическая география, бизнес). С 2000 года живёт в Бельгии. Окончил с отличием третий цикл Католического университета Лувэна по специальности «Космические методы исследований и картография». Доктор наук (география, университет Льежа). Публиковался в поэтических сборниках и журналах 10 стран. Автор нескольких книг стихотворений и прозы, а также монографий «Лири» (публицистические материалы о поэзии, 2015), «Зёрна истины» (2015) и книги-блгинвы «Записки русского бельгийца» (2020). Составитель сборника статей «Русская поэзия за пределами России. XXI век» (2018). Президент ассоциации «Эмигрантская лира» (одноимённые Всемирный поэтический фестиваль, международный поэтический интернет-конкурс, выездные поэтические вечера и фестивали в разных странах, литературно-публицистический журнал). Дважды (в 2014 и 2017 гг.) входил в шорт-лист специального приза и диплома «Русской премии» «За вклад в развитие и сохранение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации». Участник различных поэтических фестивалей в Бельгии, Великобритании, Грузии, Марокко, Португалии, России и Украине, организатор выездных фестивалей и поэтических вечеров «Эмигрантской лиры» в Австралии, Германии, Китае, Великобритании, Нидерландах, США, Финляндии, Индии, Бразилии и др.

* * *

Сверкал на солнце век, стекая по стеклу.
Кровавая гроза давно отполыхала,
лишь ветер за окном, как дама на балу,
неистово махал раскрытым опахалом.

Я кожей ощущал, как марево огней
сменялось на глазах спокойным ровным светом,

как стылая весна теплела всё сильней
и становилась вновь давно забытым летом.

Но вдруг вскочили с ног и зверь, и человек,
почуяв, как с высот, пугающих до жути,
спускается на них нежданно-новый век –
невзрачное фуфло на белом парашюте.

Не сразу, день за днём на смену летним дням
пришла и воцарилась пасмурная осень.
И зверь, и человек поверили брехням
о том, что в веке том – ответ на все вопросы.

Не нужен ни хурал, ни нудный либерал –
жизнь и без них вполне цветиста и когтиста,
и человека зверь, поморщившись, сожрал,
чтобы не смел мешать мечтам парашютиста.

* * *

Капля дождя не оставляет следа
ни на моём окне, ни на стене собора,
но иногда сходит с ума вода –
сносит с пути мосты и заливает город.

Тысячи лет катится к морю река
времени – для неё в прошлое нет возврата,
но храм Артемиды в памяти на века
связан морским узлом с именем Герострата.

Мутный поток с северной кручи на юг
ринулся, затопив спящую Украину.
Мама, проснись – умершим тоже каюк,
бомбы крушат твою кладбищенскую долину.

Вновь Герострат, злобою перегрет,
храм обругал и мстительно чиркнул спичкой.
Капля дождя решила оставить след
и по стеклу кровавой стекла водичкой.

* * *

Дождя распущенные космы шуршат под музыку грозы.
«Не беспокой напрасно космос!» – учил китайцев Лао-Цзы.
Смешно сверкающему небу грозить сердито кулаком,
и я закутываюсь в небыль на пару с верным коньяком.

Листаю сайты новостные, столбец глотая за столбцом –
как будто вновь сороковые года впиваются свинцом.
Взбесился телик, сдохла пресса, в мозгах невиданный раздор,
клеймо кровавое «агрессор» легло на русский триколор.

В родных краях чем меньше света, тем громогласней брехуны.
Над Украиною ракеты свистят под музыку войны.
«Быть эмигрантом некрасиво!» – внушает блогер между строк.
Противно, пасмурно, дождливо... Но выйдет солнце, дайте срок!

Время летучих мышей

На каменной стене вдоль сонного канала
наохливших чаек вытянулся ряд –
стоят настороже, как будто ждут сигнала,
чтоб, крыльями взмахнув, направить свой отряд

в светлеющую высь на поиски прокорма –
рыбёшек, мелких птиц, оставленных яиц,
да мало ли чего? Даёшь дневную норму!
Да здравствует пьянящий воздух без границ!

Парить над суетой на пару со свободой,
прицельно с высоты пикировать на рыб –
в гармонии с собой, природой и погодой,
не замечая слов «война» и «недосып».

Когда-то я и сам у крохотной речушки
стать птицей возмечтал, чтоб, крылья распрямив,
подняться над родной отеческой лачужкой,
над стужей голых роц и стынью сжатых нив.

И что же? Улетел! Клевал сначала крошки,
потом ловил форель в стремительных ручьях,

от быта к бытию прокладывал дорожки,
поднаторел в боях, но не был в холуях.

Недолог божий день – пернатые всех видов
летают над землёй, закатанной в бетон,
и в поисках еды быстрее иных болидов
проносятся порой. Так было испокон

веков, но темнота становится всё гуще,
всё явственней звезда мерцает в вышине.
Победу или смерть готовит день грядущий,
а чайки снова спят на каменной стене.

Не сразу разберёшь – то сумрак или тучи
висят, а среди них мелькают взад-вперёд
ночные существа – колонии летучих
мышей сменили птиц. Пришёл и их черёд.

Всем хочется летать – и чайкам, и вампирам.
Попробуй-ка поспи весь день вниз головой!
Когда приходит ночь и темень правит миром,
выходит вурдалак за кровью чумовой.

Послушаешь иных – аж кровь застынет в жилах.
Конечно, это бред, но всё же по ночам
нет спасу от мышей отряда рукокрылых
лягушкам, комарам, а также рифмачам.

Всем смутным временам присуща эта участь –
чем беспросветней мрак, тем чаще буквой зет
летают упыри, тем выше их живучесть.
Но даже в тёмный век врывается рассвет.

* * *

Отставной полицейский месё Пети
закурил на балконе любимый «Винстон».
Пить без просыпа сутками взаперти –
это вам не выслеживать рецидивиста.

Пенсионная скука... Вчера жена
ни с того ни с сего закатила истерику.
Он сперва хорохорился дотемна,
но бухать перестал, а потом по телику

битый час тарашился в боевики.
Всё курил и курил, непривычно трезвый,
осознав, что жизнь заплыла за буйки
и зависла над бездной.

* * *

Мне повезло родиться не кретином,
в кровавый стрим не окунать весло.
Пришла идея выпасть из рутины
хоть на неделю - тоже повезло!

Но пробил час, и выстрелила пробка.
Шампанское допито до конца.
Зачем ты, жизнь, такая мизантропка?
Впускай теперь обратно беглеца.

Вокруг полно Иуд Искарियों -
сидят и греют руки у огня.
Я никогда не слушал идиотов,
но и они не слушали меня.

20 ноября 2022 г.

Аэропорт Рио-де-Жанейро, в ожидании рейса на Амстердам

почвенно-народническое

там за синию горою где без водки нет житья
бора матом надю кроет за вихры её крутя
сиганула в щёлку кошка в конуру забился пёс
постучал сосед в окошко содрогнулся от угроз

в клубах пыли ветхий терем всё по-русски всё путём
надя воеет диким зверем в лад с проснувшимся дитём
не убьёт борис подружку не найти груди белей
выпьет с горя бросит кружку сердцу станет веселей

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Живёт и работает в аборигенском поселении Манингрида, Западный Арнем, Австралия. Поэт, переводчик, участница интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова. Победитель юбилейного международного конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии»-2017, победитель конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010 и конкурса молодых переводчиков РАН (2010), победитель Грузинского фестиваля бардовской песни в номинации «бард» (2019),

автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность подождет» (2011, Рудомино) и поэтического сборника «Синий полог» (2021).

ПИСЬМО

Любимый, этот век сошел с ума,
И в разум не успев войти. Пожалуй,
Мне жаль его – когда бы не дурман,
Он был бы славный малый и гурман –
А полыхнул неслыханным пожаром.

Теперь он скачет, страшно и смешно,
Трясёт то зажигалкой, то мощной,
Себе же истребленьем угрожая...
Знать, у столетий так заведено:
В полынный уксус превращать вино,
Едва-едва дождавшись урожая.

Любимый мой, на нас идёт гроза,
И воздух дышит сталью раскалённой,
И травы пахнут шерстью опалённой
И молнии шныряют по низам,
И мне кричат – укройся, сберегись,

А я гляжу, как из «вчера» и «завтра»
Неведомый, неугомонный автор
Как лампочку, выкручивает смысл,

Оставив здесь, сегодня и сейчас.
Какое завтра, бог с тобой – не надо,
Не угадаешь, по каким раскладам,
Каким кипящим гневом, смертным градом,
Какой грозой ещё накроет нас,
Пока мы здесь – на лезвии разлук,
Навылет, напролёт, наперекор, и
Я берегу твой запах, шаг и звук,
Как дерево оберегает корни.

Вот с прошлым много проще – по слогам
Путь проложить к утраченным снегам,
Приворожить танцующую вьюгу,
И на Ордынке, сквозь вороний гам,
Окликнуть по своим же именам
Двоих, не обернувшихся друг к другу.

THE HEALING

Тише, тише, не двигайся, просто лежи и дыши.

Так в прогретой реке, как младенцы, лежат гольши,
утопая в топлёном покое, в молочном эдеме;
разлилось по лазурным полям разомлевшее время,
никуда не спешит.

Если дымкой подёрнулась гладь золотого стекла,
если в сферах разлад, и в леченьи нуждается лекарь,
есть заветный словарь, есть моя потайная аптека,
кладовая тепла.

Там дремучий настой – ежевика, кипрей, бересклет,
там нектар драгоценный мерцает в янтарном флаконе;
моя радость, мой радонеж, дар долгожданный, в ладонях
оживающий свет.

Это всё – для тебя, это звенья незримой цепи,
укрепляющей связь между будущим и невозможным;
принимай по часам: внутривенно, наружно, подкожно,
согревайся и спи.

Спи и слушай во сне, как земля обнимает зерно,
как упрямо ползёт муравей, не страдая под ношей;
распрямлился, срастайся, врастай в синеву, мой хороший,
пей от силы земной...

Вот и вспомнило время, что нынче уже не вчера,
набегает волна, насыпает в рассвет серебра,
поднимается ветер, свистит на высокой свирели,
не волнуйся, родной: мы успели, мы всё же успели,

просьпайся, пора.

THE SUMMONING

Этот год завершится и снова придёт к ноябрю:
снова холод и дым,
снова стылый, пронзительный, плачущий ветер,
я ни в чём тебя не укорю,
разве только лишь в том, что ты смертен,
уязвим, даже если храним, и особенно – если любим,
ибо к самым любимым стремятся все стрелы на свете.

Слышишь, снова в ночи наши тени на все голоса
заклинают: приснись, прикоснись –
осторожно, родной, осторожно,
не спугни этот сон, эту зыбкую, зыбкую жизнь;
боже мой, разве можно любить по часам?
по минутам? секундам? повздошно?
но без этих мгновений погаснут мои – и твои – небеса,
значит – можно.

Слушай наши сердца:
им отныне стучать на границе меж светом и тьмой,

где в расщелине домик паучий,
где вечность уставших своих на коленях качает,
там поймут и научат, как можно пройти по прямой,
чтоб, дойдя до конца, очутиться в начале.

ВАДИМ МЕСЯЦ

(р.1964). Поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта "Русский Гулливер". Творчество отмечено рядом международных премий, стихи и проза переведены на многие языки.

УБЕГИ ИЗ МОСКВЫ

Убеги из Москвы,
прокляни тополя на Плющихе,
погребённые реки,
незримость Никитских ворот,
где влачат свою жизнь
проститутки, маньяки и психи.
И дымит самокрутками
пришлый рабочий народ.

Убеги из Москвы,
разорви полосу притяженья,
преклони свою голову,
но не теряй головы.
Ты любил этот город
до полного самосожженья.
И теперь он сгорел,
чтобы ты убежал из Москвы.

Убеги из Москвы
в полосатой как зебра пижаме,
в черно-белых кроссовках
с ошмётками жухлой листвы.
Позабудь, что когда то грубил

нестареющей маме.
Дай ей денег на жизнь.
И потом убеги из Москвы.

Нас никто не простит,
если мы ненароком вернёмся.
Здесь монгольское иго
вернулось на тысячу лет.
Ты не веришь слезам,
но мы сами слезами утремся,
заявившись с похмелья
на скудный прощальный фуршет.

Убеги из Москвы
в достопамятный город Калугу,
заточи себя в башне,
где призраки стонут во тьме.
Или лучше махни на авто
к Черноморскому югу,
прижимая к груди
на семи языках резюме.

Нас отчаянно ждут
в этом мире без счастья и веры.
Мы расскажем им правду.
Мы все до конца объясним.
Но в Москве ляжет снег,
что умнее любой ноосферы,
и в своей первозданности
молод и непогрешим.

Пусть следы беглецов
запорошены свежей метелью,
почему-то сегодня нескучно
в Нескучном саду.
И в ботинках со скрипом,
кичась длиннополой шинелью,
я с любимой собакой
вдвоем на прогулку пойду.

МОБИЛИЗАЦИЯ

Она скрывает сына от призыва,
закутала в старушечье тряпьё.
И солнце отражается красиво
на реденьких веснушках у неё.

На пустыре колотят в барабан,
и глухомань становится как площадь.
В бравурном марше движется туман,
словно слепой по улице наощупь.

Подсолнухи склонились сиротливо,
и божьи птахи воду пьют с лица.
Она скрывает сына от призыва
в изгибе обручального кольца.

Его душа упрятана в сундук,
в шар деревянный превратилось тело.
И лишь пальто повешено на крюк,
изображая гибель неумело.

Они в победу верят не шутя, в
застынув в покаяньи одиноком,
Пречистая Мария и дитя,
которое уже не станет богом.

ДЕТСКИЙ ПОЧЕРК

У проституток детский почерк,
и строчек плавает наклон,
и содержания нет у строчек,
и необычен лексикон.
Я их читаю между строчек,
внимая запахам духов,
далёк от женских заморочек,
влюблён до самых потрохов.
Они — моя судьба навеки.
Я им служить всегда готов.
Они подписывают чеки,
и протоколы у ментов.

Они тебе не пишут писем,
они с тобой всегда молчат.
И бесконечно независим
их гордый и печальный взгляд.
Они доверчивы как дети,
в сетях злодея сатаны.
Они умеют все на свете.
Они для этого нужны.

ОДНА НОЧЬ

Она немного глуповата,
но так уверена в себе,
что вроде бы не виновата
в своей разрушенной судьбе.

Татуха с обликом Шекспира
на правом девичьем плече
осуществляет мудрость мира,
и так прекрасна при свече.

В кругах прожжённых театралов
ее от вождельня прет.
Она наперсница скандалов,
но к сожалению много пьет.

Ее любовники фартовы:
то режиссер, то музыкант
боготворить ее готовы
за артистический талант.

Спешу, раба дешевой лесту,
дурить московскую шпану.
Мы проведем с тобою вместе
лишь день один, и ночь одну.

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО

Я пишу тебе это,
когда абонент недоступен,
но ты где-то в Москве,

и физически вроде бы есть,
чтобы это прочесть,
пока я ещё дружелюбен,
и любовь моя не превратилась
в холодную месть.

Я, забывший на время
пустые понты и интриги,
говорю это той,
с кем дружил без особых манер,
и пытался совместно писать
непристойные книги,
и основой жизни
законно считал адюльтер.

Самодур, толстосум,
завсегдатай ночного секс-шопа,
я тебя целовал по утрам
с франтовством сомелье,
слышал сердце твоё
по мобильнику без стетоскопа
и не хуже француза
лабал во французском белье.

Я менял для тебя
свою точку отсчета и сборки,
вечно маялся дурью,
подчёркнуто был при делах.
Корчил страшные рожи
во тьме театральной гримерки,
отражаясь неистово
в ярких ее зеркалах.

Разбуди во мне женщину,
раньше глаза говорили.
Ты убил во мне женщину
нынче глаза говорят.
Я не верю нелепым словам,
что звучат в водевиле,

но заочно живу в водевиле.
И этому рад.

Я ещё приглашаю тебя
на морские курорты,
но ты стала бояться
шикарной чужбины вдвоём.
Я билеты сдаю, покупаю
миндальные торты.
И по-старчески кашляю
в темном подъезде твоём.

С кем мы будем назавтра
как прежде дики и бесстыжи,
танцевать на столе,
и из горлышка пить алкоголь?
Для меня остаётся
«Последнее танго в Париже»,
что в моем положении
до боли знакомая роль.

ОТ МАЯ ДО НОЯБРЯ

Девушки любят жутко от мая до ноября.
Возьми ты меня, попутка, до третьего фонаря.

Три фонаря как три глаза, упрятаны в тополя.
С кем ты была, зараза, кого ты любила, бля.

В Вайбере переписка — не сосчитать мужчин.
Трудно прожить без риска, нужен серотонин.

Я обрываю синий карточный календарь.
В стыке авиалиний выброшенный косарь.

Просекаю по пьяне слепой двадцать пятый кадр.
Скомканые в стакане билеты в Большой театр.

Водяра, коньяк и текила. Сюда бы ещё вискаря.
Кого ты, паскуда, любила от мая до ноября?

ВЛАДА МИЦУКОВА

Владислава Мицукова, родилась в 2004 году в Красноярске. Победитель Всероссийской премии «Глаголица» (г.Казань), победитель Всероссийского конкурса Игнатия Рождественского, лауреат премии главы города «Молодым талантам», выпускница ОЦ «Сириус».

экзистенциальный цикл

1.

Беззвучный холодный туман, забудь про меня
Господи, не дай оказаться на том берегу
Чёрные мысли среди белого-белого дня
Белые мысли на чёрный день берегу

Но иная фабула для меня творится:
Ничто не кончится
Ничто не повторится

2.

Под небом ничего не повторится.
Вот мерзнущее вогнутое тело,
Мерцающее сердце междустрочья

Прошедший день прощает, не поняв...

Жизнь существует каждое мгновенье
Жизнь тихо торжествует этой ночью
в своих огнях
В танцующей реке
А смерть живёт, живет на языке.

3.

Всё в букву облачается
Как в саван
Все, цвет и вес теряя,
И в ней ютится

Мне не даётся в букву уместиться.

Но все обречено, обретено
И буква обличает: реку, лавки, огни в воде, песок Аустерлица

Всё букве и не дышит и теснится.
Но мной была усвоена наука
Всё в букву облачается

До звука

4.

Ничто не вечно под луной
Куда мне деться, кроме текста?
Никто не добрый под луной
Куда глядеться кроме текста?

И всё же говорю
"Друзья поверьте
Слова и мысли отнимают жизнь! "
У смерти

5.

Стоя над ночной рекой
Я говорю беззвучной бездне
Нет ничего на свете
Кроме жизни
Она озаряется утренним солнцем
Смеется
Ибо всё, что происходит
Сходит
А свет остается.

В синем мареве простуды
голый человек лежит.
За чернеющими окнами,
оживая, снег лежит.

к Богу на бок отвернулся,
засыпая тяжело
город, горечь, речь, село,
все, что было ожило

Отжило. И заблестело.

Заполночь. Душа за тело.
затаилась. Засвистела:

"если небо открывать,
больно воздух отрывать,
если небо не откроешь,
воздух где потом отроешь?"

Снег ложится на кровать –
На горячие весы –
Человека укрывать
Но песочные часы

Раскололись.

Снег остался. И душа осталась тут.
только человек проснулся
снег упал и не вернулся
В бездне звезды не растут.

Такое чувство бегают во мне:
Я, трус,
в хоккей играю
на кордоне,

на залитом луною стадионе,
И сердце-шайба мечется.
Вовне
рыдает мама в спальне на спине.
И свет горит...

И в этой тишине
Отец играет на аккордеоне.

Сначала
им было наказано:
Сохраняйте спокойствие.
Храните молчание.

А они
хоронили молча –
Сохраняли детей –
Кричали на кухне.

Дети писали стихи от их имени, громко постукивая карандашами.
Под эти-то звуки
Они дышали,
Готовя ужин.
Под эти-то запахи, дети засыпали, роняя карандаши

Чуя тишину, взрослые возрождались из кухонного чада,
Видя уснувшего чада

Кричали
И били и били:

"Гаденьш, грешишь! Мы не спим в эту ночь! "
А перед глазами у них

Картинка неназванного неотвратимого
Похолодевшая дочь
Мёртвый родной ребенок
И будешь и ты или не будешь - не достучишься

Ломает, душит
А вот она снова дышит
И задает себе и каждому три вопроса

"Чем эта ночь отличается от других?
Что страшного происходит прямо сейчас?
Мама, зачем ты дрожишь, как ты смеешь дрожать? "

Только хотели исправить в самом начале
Только хотели исправить

И в дверь постучали
"Потому мы ответили, Хани, нам больше не страшно
Потому мы ответили, нам ничего не известно
Здесь никто не кричит и не плачет тебе показалось

Потому мы роняем ключи доходя до двери
Потому что теперь мы верим
Ибо так это делают, Хани, моя хатулиме
Мы откроем
Они закричат собирайте вещи

В дверь стучат
И они кричат собирают вещи

Хани чует-
У ней
воспаление лёгких
Но она никому об этом
Не говорит

Фрейд изучал человека

Человек хотел жить
Потому извивался, как червь
Себя ему не хватало
Всё хотел с кем-то соединиться-совокупиться
когда его разрезали

Оживал по частям,
Искал везде родителей
Бездомный заморыш

Животное
С бездонными бессмысленными глазами

Лермонтов изучал человека

Человек так хотел жить,
так стремился быть везде
что стремился к бездне

Перебегал дорогу в опасном месте
Заплывал за буйки
В этом стремлении и была цель:

Освободиться
Заостриться
Сорваться

Подросток
Могущий стать могучим взрослым
Трагедия замалчиваемая в школе

Человек изучал человека
Глазами
Губами
руками
Осекся
А у неё под грудью взрослое сердце

Человек хотел изучать человека
Но для этого надо было сначала изучить кольчато-пластинчатого червя
И научиться писать
Смешные стишки

ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ

*Родился в Харькове, жил в Ленинграде,
Португалии, Франции.
В Австралии уже скоро 20 лет.
Пишу стихи с детства. Иногда получается.*

Я уже привык к разлуке,
Как без рук живет безрукий,
Безработный без работы
И без мира общий мир,
Ты летишь над океаном,
Проводя по разным странам
Тонкой ручкой самолета
Несмываемый пунктир.

И неужели скоро закончится это
Очень холодное, очень холодное лето?
И неужели каплей источится осень?
Просим, просим...

Точка, точка, снова точка,
Собирая из кусочков
Мир до бомб и и до разлуки,
Тот, почти забытый мной,
Эта точка на экране
Скоро доброй феей станет,
Возвратив калеке руки,
Приведя тебя домой.

Мы пережили, мы переждали зиму,
Мимо летали пули и мины, мимо!

И неужели солнцу откроем двери?
Верим, верим.

Если б я был котом, я не знал бы слова «потом».
Я полюбил бы вас здесь и сейчас.
Я б вам подрал штаны, вам они не нужны,
И обнажить бы смог
красоту ног.

Если б я был котом, между нами б не встал никто,
Я б на колени сел, чтобы смотрели все!
Я бы пришел под дверь, хищный красивый зверь,
И ото всей души мышку бы предложил!

Если б я был котом, я бы вам рассказал о том,
Как одиноко нам, бедным простым котам,
Вспрыгнул бы я на стол, выглядя на все сто,
Хвост трубой распушил, только чеши, чеши!

Любовь – ребенок. Маленький, капризный,
Всего на свете ближе и важнее,
В нем столько света, радости и жизни,
И столько боли, если заболит.
Любовь – ребёнок. Буйный, своенравный,
Порой жестокий, сам того не зная,
Живой, непредсказуемый и странный,
Он учится, пока еще играет.
Я разбужу его и сяду рядом,
Начну учить наукам и ремёслам,
И буду строг, насколько только надо,
Ведь кто-то должен быть с ребёнком взрослым.

То ли это усталость, то ль,
Вот уже который день кряду,
Тупо давит на сердце боль
Оттого, что тебя нет рядом.

И особенно, верь, не верь,
В час привычный заветной встречи,
Пробуждается лютый зверь –
Без тебя проведенный вечер.
Вот он поедом сердце ест,
Лапой шоркает и мяучит,
Тяга есть к перемене мест,
Но на новом не станет лучше.
Впереди лежит сто дорог,
Ни в одну из них я не верю,
Со стены сниму поводок:
Мне пора погулять со зверем.

Камин, конфорка, пламя, батарея,
Обогреватель, ядерный фугас:
Я лингвистически легко тебя согрею,
Я много теплых слов тебе припас.

Костер, аляска , шуба меховая,
Вино полусухое или брют,
Не говори, что я охладеваю
И больше тёплых слов не говорю!

Венера, кипятильник, радиатор,
И квинтэссенция вселенского тепла:
Души моей вулкан! Точнее, кратер.
Она вблизи ещё теплей была.

Рассыпаются карты по столу,
Рассыпаются, не игральные,
По границам порвав их, просто мы
Приумножили расстояния,
Будто в детстве, играли в классики,
Рисовали линии сами мы,
Только мела не было: краски
У истории несмываемы.

24 февраля.

Можно спорить с пеной у рта,
Где пролегает граница.
Но вы же на мирные города
Напали. Вам не простится.
Можно кричать про общую кровь
И этим родством гордиться,
Но вы у детей отнимаете кров
И хлеб. И вам не простится.
Можно любовь на услугу ловить,
Можно деньгами хвалиться,
Но вы попытались добиться любви
Насильно. Вам не простится.
Каина носят отныне печать
Ваши холёные лица!
Нам невозможно об этом молчать,
Иначе и нам не простится.
Притупляется боль. Привыкаем к войне,
Будто к язве незаживающей.
И к разрывам, и к вою сирен, и к вине,
И к потере друзей и товарищей.
И не видно конца подлецам и лжецам
Утверждающим и указующим,
Есть надежда, что сбудется лет через дцать,
Есть война с непосредственным будущим.
А на этой войне победителей нет,
Ставки сделаны, в ящики сброшены,
Птица-тройка распалась на мёртвых коней,
Снегом лютого припорошенных.
И вопросы – зачем, почему и за что,
Заменили дурные пророчества.
Привыкаем к войне. Распрощались с мечтой.
Только плакать по-прежнему хочется.

Мы за доллары, гривны, шекели,
Разделились все по мастям.
Чурки, орки, укропы, пшеки ли,
Не поймёт никто по костям.

Кто куда глядел, кто о чем радел,
За скорлупками серых стен...
Где же люди-то? Человеки где?
Отыщи меня, Диоген!

Там бы хотелось, братцы,
Жить, хоть пока без шансов,
Где нет в словаре кацапов,
Чурок, хохлов и гансов.
Где не гордятся люди
Тем, что, босы и нищи,
Стоят на своем кумиром
Устроенном пепелище.
Там бы хотелось, люди,
Жить, хоть пока не светит,
Где смерть несомненно будет,
Но будет и жизнь до смерти.
Где каждого будет слово
Весить не меньше прочих,
Где наша больная совесть
Больше не кровоточит.

СЕРГЕЙ ЛАЗО

Родился в г. Житомире (Украина), по образованию филолог. На родине его окрестили «человеком - оркестром». Один во многих лицах: музыкант, певец, композитор, поэт, драматург, журналист, продюсер, модератор культурных программ. Чувствует себя счастливым человеком, потому что занимается любимым делом, имеет хорошую семью. Сергей Лазо – автор 17-ти книг и шести дисков. Член Союза писателей и Союза журналистов Украины, лауреат ряда украинских и международных премий. Концертирует, неразлучен с гитарой. Любит живопись, современную хореографию и путешествия на воздушном шаре. Большой поклонник джаза.

ШАГ

Верится в то, что хочется,
Верится так, как радостней,
Сбудется – расхохочешься –
Наоборот и гадостней.
Милый наив, когда же ты
С веком порастеряешься,
Все предсказанья – гаджеты,
Вынул, забыл – не маешься.
Шлях битый снегом выстелен,
Мы для чего и кому нужны
На расстоянье прицела от выстрела,
В шаге одном от войны...

23.01.2022

БЕЖЕНЦЫ

Границы.
Таможни.
Время не в счёт,
Уж сколько недель подряд
Людей по задворкам чужим несёт
Листовою в осенний сад.
А сад господний был райским, но
Теперь превратился в ад.
Стальные птицы летят в окно,
И бомбы в наш дом летят.

И нету времени собирать
Пожитки прожитых лет,
И дневников дорогих тетрадь –
Бессмысленный раритет.
Кладью важнее сумки полны,
И плач искривляет рот,
А дни – они сочтены, сожжены,
Обнулены под исход.

МОЛЮСЬ

А жизнь словно свечка на зимнем ветру
В распутице снов, предсказаний, надежд безоглядных,
И плачет душа и взлетает: нет, я не умру,
И матери так одиноки в слезах и прощаниях.
Молюсь вновь за сына, который ушел воевать,
Молюсь за улыбку его, торопливость объятий,
За губы родные совсем не умевшие лгать:
Закончатся войны, как сгинут все злые проклятья.
Дома покидают, идут в неизвестность сыны
Фатальную, горькую, как-то тревожно, наослеп,
И жизнь разделилась на то, как жилось до войны,
И то, что случится, когда тихо вымолвим «после».
Молюсь за него и за всех украинских солдат,
За недра окопов, спасающие от круговерти
Осколков, плюющий свинцом автомат
По тем, кто пришел убивать под знаменами смерти.
Молюсь за ту пулю, что сына минула сто раз,
Молюсь за врага, что его не увидел в прицеле,
И очень надеюсь, что небо услышит мой глас,
И сын возвратится, вернется домой в самом деле.
Молюсь, чтоб закончили подлую эту войну,
Чтоб больше не длилась беда целых трех поколений,
Молюсь за тишь неба, земли и травы тишину
И бег детворы, чтоб прижаться к отцовским коленям,
Молюсь...

С днём поэзии! Высокой речью
Искупать бы в радостном звонке,

Но такое время - мне навстречу
Сумасшедший с бритвою в руке.
Поначалу думал - показалось,
Жизнь, искусство, счастье налегке...
Присмотрелся - песнь похуже лая,
Этот псих с гранатою в руке.
И уже не весело, а хлѣстко
Бьѣт под дых, и праздник не со мной,
И всю безумствует кремлёвский
Идиот, крушащий мир земной.
23.02.23

ОНО...

Пьешь кофе, отражение, окно,
Во мгле рассветной улица лежит,
Часы тихонько дремлют, а оно
Уже летит. Оно уже летит.
Еще во сне ты, как наивный кот,
Что мир обняв, так беззаботно спит,
Но жизнь уже обратный счѣт ведѣт,
Сползая в пропасть... Ведь оно летит.
Запущен сатанинский механизм,
И тикают часы. Всего лишь миг,
Мгновение до шага на карниз,
До вопля стен и крыш... Оно летит
Безжалостно-тупое, налегке,
Сирены причитают из окна,
И надломившись в роковом пике,
Из темноты наотмашь бьѣт война...

В ТОТ ДЕНЬ...

В тот день, когда закончится война,
Я подниму две чарочки вина,
Одну за тех, кто выжил, победил,
Другую за того, кто не дожил.
Кто, погибая, близил этот день
В окрестностях донбасских деревень,
Кто в землю лёг, родную и свою,
Кто и убитый - среди нас, в строю.

Шеренгами идут за рядом ряд
Погибшие полки, немой парад,
Безрукие несут шелка знамён,
Безликие исполнены имён,
Безногие печатают свой шаг,
Ослепшие следят, где друг, где враг.
Оглохшие оркестрами зовут,
Им несть числа. Они идут. Идут.
Минуя Лисичанск, Херсон, Бахмут,
По Мариуполю на Солнцедар маршрут.
За ними сотни, тысячи колонн
Уж не военных, а народных волн,
Кто семьями, кто сами, кто с детьми,
Восставшие из мрака и из тьмы.
Лик Бородянки. Бучи тротуар.
Идут неторопливо, без фанфар.
Такое шествие. Святые на часах.
Идут и исчезают в небесах.
А на земле так много жертв и бед,
Что плач стоит от горя и побед.
Да будем мы ещё раз рождены
Для счастья наконец, не для вины...

.....
Тогда вот молча пригублю вина
В тот день, когда закончится война.
12.02.23

В ТЕНИ ДЕРЕВЬЕВ

Всё значимей на склоне века
Дилемма «быть или не быть»,
И все проблемы человека
В каких-то двух шагах ходьбы
От разрешения... Напрасно
Он собирал, кроил, хранил,
Сметёт наследник безучастно
Мечтанья, книги, сны, винил.
Всё, чем тревожилась и пела
Его бездомная душа,
Всё, чем жила, чего хотела,

Теперь уж молча, не спеша...
Хранитель старого поверья
Оставит жизни маету
Там, за рекой в тени деревьев,
Под сенью девушек в цвету.
20.01.23

Тонкий каблук. Сердца стук...
Прощанье разводит огонь.
Нежнейшие пальцы моих рук,
Когда в них твоя ладонь.
Считаю до трёх... Зачем? До двух!
Нас двое! К чему до трёх?!
Открывается абсолютный слух
На каждый твой слог и вдох.
Пускай сантимент, пускай наив,
Подальше от слепоты,
Самые красивые глаза – мои,
Если в них отражаешься ты.

С НАСТУПАЮЩИМ...

Этот год призвал меня на войну
И укрыл свежим снегом мою седину,
И поставил на кон белый свет, словно лот,
Этот год.
Этот год занавесил сиренами тишь,
Он прогрыз нашу прежнюю жизнь, словно мышь,
Он кривил без конца свой оскаленный рот,
Этот год.
Этот год мы прошли по колено в крови,
Этот год затопил океаном любви
К дому, детям, родным... Обозначил исход
Этот год.
Этот год мою жизнь разобрал на винты,
И пробитое сердце зажато в бинты,
И разрывами рушит потрёпанный свод
Этот год.

Этот год приручил жить без света, тепла,
Этот год научил ненавидеть догла
Тех, кто носит в себе оккупации код.
Этот год
Обречённый на веру до крика, до слёз,
Жить заставил нас больно вразнос и всерьёз,
Чтобы солнце взошло и продолжился род
В новый год.
30.12.22

Хлопец шёл на войну.
- Мама, вот деньги,
Купи себе платье, я хочу,
Чтоб у тебя был от меня подарок...
Вот купила.
Чёрное.

Под Донецком удивительно тихо.
Он чистил автомат и вспоминал о доме:
Вот-вот Рождество настанет...
Звонила жена, её голос дрожал,
Он не знал, что она ходила к гадалке,
И не знала она, что гадалка не врёт,
И не знала гадалка, что с вечера запил вражеский снайпер,
И сегодня
Никто не умрёт.

ЖДИ

Жди, когда не помнишь, жди, когда назвал,
Нашей жизни столько, сколько не стрелял.
Жди, когда нисколько, жди, когда не в счёт,
Нашей жизни столько, сколько неделёт.
Не копай могилу, а грызи окоп,
Это не под силу – задом наперёд.
Жизни как землицы, сколько есть в горсти,
Что замолкли птицы? господи, прости.
Трубят многоствольно ангелы войны,

Нашей жизни столько, сколько тишины.
Износились берцы, с севера орда,
И осколок в сердце бывшего родства.
Памяти изгибы, ворон на плечо,
Бабы на погибель народят ещё.
Враг улёгся рядом. Лесополоса.
И стеклянным взглядом смотрит в небеса.
Велики потери, яма – не кровать.
Надо очень верить, надо очень ждать.
Кровью огнедышит рваная земля,
Жизнь штыком напишет:
ЗДЕСЬ
БЫЛ
Я.

ГРИГОРИЙ ОКЛЕНДСКИЙ

Родом из Белоруссии. Кандидат технических наук. Более 28 лет живет в Окленде, Новая Зеландия, где работает в области информационных технологий. Автор 3-х поэтических книг, многочисленных публикаций в бумажных и сетевых изданиях, таких как «Гостиная», «Новый Континент» и «Чайка» (США), «Эмигрантская Лира» (Бельгия), «Литературный европеец», «Мосты», «7 Искусств» и «Мастерская» (Германия), «Витражи» (Австралия), «Зинзивер», «Поэтоград» и «Литературные известия» (Россия), «Артелен» (Украина), и др.

Дипломант премии «Писатель XXI века» в номинации «Поэзия» (2020г.) - за книгу «Что дорого...» (Москва, 2020). Лауреат литконкурсов поэзии, финалист нескольких международных поэтических фестивалей. Член Союза писателей XXI века.

Где бы ни жил, ты родился евреем...

Значит, судьба – не судьба.

Будешь скитаться седым Моисеем,

Будешь смотреть в облака.

Манну небесную звать вечерами,

Дождик спасительный звать.

В сердце хамсина сухими губами

Будешь молитву шептать.

Видишь, дорога начертана Богом

Нитью на жёлтом песке?

Эта дорога – к родному порогу.

Только осият не все.

Мне бы успеть до скончания века!

Неразделённой судьбой

Просто лепить из себя человека

В долгом походе домой.

Звёзды озябли морозною ночью.
(Гулко дрожит тишина...)
Тесно прижавшись, глядят многоточьем
И пробирают до дна.
Время настало подумать о вечном,
Взгляд устремить в небеса.
Встретиться с Мамой, обняться сердечно
И посмотреть ей в глаза.
И, возвратившись в земные пределы,
Благословляя живых,
Вырастить деревце, чтоб шелестело
Памятью дней молодых.
Высадить деревце в тихой оградке,
Камушки вокруг разложить.
Мамы уходят походкой негладкой
И завещают нам жизнь...

Где бы ни жил - ты родился изгоем.
Значит, котомка – и в путь!
Долго плыви обжигающим морем
В земли, где хочешь уснуть.

Мне повезло, я не был на войне.
Не нюхал пороху, не слышал вой снарядов.
Глухой, ослепший – в страшной тишине
Не хоронил ребят, убитых рядом.

Мне повезло – я в Прагу не входил
На танковой броне могучим строем.
И "Пражскую весну" не я душил,
Забрызгивая мостовые кровью.

Десантником не стал я, и в Афган
Отправлен не был старцами во власти.
И мне не доверяли караван
Из грузов двести безымянной части.

Я не пытался Грозным овладеть
Победоносным танковым ударом.
И не моих ребят косила смерть,
Подмешивая яду в ад кровавый.

Мне повезло, я Бучу не пытал,
Нигде не мародерствовал по пьяни,
Ни разу никого не убивал
И в бой меня не вёл товарищ Сталин.

Мы живы... но не будет нам покоя,
Покуда, иссечённые свинцом,
Гниют деревья, умирая стоя
С бескровным человеческим лицом.

Жизнь изменилась...

Жизнь изменилась настолько, что "нахрен" (да!) пишется слитно.
Инопришельцы довольны, простым мужикам обидно.
Слитно – подобно легато, оно растечется закатом.
Хрены восстанут с рассветом и мощно извергнут стаккато!

Жизнь архаична настолько, что "на!хрен" стоит неизменно.
Гордо стоит, не склоняясь под грубым напором пены.
"Старая бука, а помнит глухие года былые!
В прошлом служила Хер-буквой..."
Какие же люди злые!

Жизнь камуфляжна настолько, что "на-хрен!" никто не слышит.
Кто-то крышует, другие с размахом живут под крышей.
Громко кричать бесполезно, лишь воздух глотнешь калёный.
Город по самые уши лежит под снегом, зачищенный поимённо.

В поисках смыслов

Если можешь не петь, не пой.
Если можешь молчать, молчи!
Если можешь не пить, не пей.
Если можешь кричать, кричи.

Каждый день как последний бой.
Каждый бой как последний день.
И погибший – всегда живой,
Если он защитил детей.

Если мир сорняком пророс,
А война расцвела зверьем.
Карма – кара небесных гроз –
Постучится в твой отчий дом.

И когда над твоим гнездом
Чёрный ворон в урочный час
Ненавистным взмахнет крылом...
Почему ты тогда смолчал?

Возвращение к истокам

Впасть бы в молодость шальную,
в дерзость юности моей,
где по-прежнему волнует
дрожь оплавленных свечей...

Возвращаемся к истокам,
где кисельны берега,
где у детского порога
молоком бежит река.
Там дворы, трава по пояс,
бесконечность и простор.
Все девчонки косы носят,
ты же – челку на пробор.
Там смятение и робость,
и волнение в груди.
"Что же ты такое робишь,
милый хлопчик?! погоди..."

Там торжественные речи
и огромная страна,
и сосед, с войны увечный,
курит трубку дотемна.

Вспоминает беспощадный
бой священный за весну.
Сыну – трубку завещает,
внуку – мирную страну.
Хрупкий мир. Плакатный лозунг:
"Лишь бы не было войны!"
Салютуют майским грозам
сорок пятого сыны.

...В нашей жизни быстротечной
обвалились берега,
лишь воинственные речи
да словесная пурга.
И застыла по-над бездной
овдовевшая земля,
и вселились бесы в бездарь,
страхи – в днище корабля.
Ничего не сохранили
в горькой памяти страны,
и стоит крестом могильным
унитаз большой войны.

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

Поэт, прозаик, историк. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И.П. Павлова, Литературный институт имени А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в московской школе № 1861. Автор семи стихотворных книг и трёх книг малой прозы. Лауреат Всероссийских премий имени А.П. Платонова (2011), Ф.Н. Глинки С.С.(2012), Бехтеева (2014), Н.С. Лескова (2018), Д.Н. Мамина-Сибиряка (2019), Международной литературной премии «Югра»

(2019), Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2020). Обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017) и специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» с 2020 года. Стихи переведены на болгарский, испанский, итальянский, сербский, якутский языки.

Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих.
Она казалась мне вдовой убогой,
Деливший всех на мёртвых и живых.

Но кто она? Истоптанная пажить?
Иссохшая от старости тропа?
Она покой готова взбудоражить,
На ней коряги, ямы, черепа.

Она ведёт куда? Кто дал ей право
В крутых извилах за собой вести?
Она щедра, немьга, и лукава,
На ней исчезли воины и вожди,

И я по ней иду и шаг за шагом
Растрчиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековым.

Мне хлестали дожди правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был горек,
Но не верил я в неба унылый показ,
Шёл на свет, как за правдой историк.

И слезливые тайны некошенных трав,
Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том, что искатель был прав
И что все мы с рождения грезим.

И я шёл напролом по неровностям луж,
Не терпел сам к себе оговорок,
И меня осуждала пытливая глушь
Под присмотром волков и тетёрок.

И когда в захолустье я сделал привал,
Мне открылись холодные звёзды.
И одну я всю ночь напролёт согревал,
И воспели любовь алконосты.

Я ожившее солнце таскал на плечах,
Не внимая смертельности жара,
Запах воли пытливо шатался в хлебах,
Пересчитывал метры гектара.

Подгонял меня нервно вовсю солнцепёк,
И дымился вспотевший затылок,
Но я шёл неотступно, не пал и не слёг
Под прощальные взмахи дробилок.

И колосья, что быстро ушли на размол,
Меня молча добром поминали.

От палящего света я всё же ушёл
В Божий сумрак предвечной печали.

И сидел я один, слушал ропот костра
И смотрел в необъятность юдоли,
И за солнцем ушла молодая жара,
Мне оставив нагар цвета смолы.

ПОЛУДНИЦА

В жаркой дали у разрушенных будок,
Где дозревают в суслонах снопы,
Нет ни единой заметной тропы,
Есть только я, потерявший рассудок,
Ржавый комбайн да электростолбы.

В платье прозрачном грудастая ржица
Расхохоталась и бросилась в пляс.
Полдень, испарина, жатвенный час -
Мне бы сбежать, окунуться, напиться
Или найти перетоптанный лаз.

Выжгли глаза мне лучистые пряди,
В душу прокрался полуденный зной.
Что же ты сделала, ржица, со мной?
Слышу спасенье в небесном раскате.
Ты принесёшь мне воды дождевой?

ЖИТНИК

Над клеверным холмом еловый ветер сник,
И полегли дожди, и тьмы приятен запах,
И кажется: весь мир у сна в медовых лапах,
И бродит у стогов рогатый полевик.

Я знаю, что неправ хвостатый житный дед;
Встревожил тебя зря, но я ведь ненароком.
Я изгнан с поля был ехидным солнцепёком,
Я слышал: ты ни с кем не жалуешь бесед.

Послушай, дух полей, наследник луговин,
Ведь встреча коротка, и скоро я исчезну,
Раскрой мне навсегда ромашковую бездну
И проведи меня в свой праздничный овин.

ЖИХАРЬ

В нишах овина - пшеничная кладка,
В ней обособился кряжистый тип,
В нём скрыта тайна, былина, загадка,
Виден сквозь щель его тени изгиб.

Чудится мне: он - подобие рыси,
Так же проворен, когтист и мохнат.
Вдруг я поймал его рвущийся взгляд,
И он понёс меня в грязные выси.

Что тебе надобно, потусторонник?
Брось меня здесь, посреди луговин.
Вижу крапиву, фиалку и донник,
Горькую мглу и разломанный тын.

Вижу колосьев забытых останки,
Тень полевого в последних снопах.
Свет огнеликий мгновенно зачах.
Я словно ветер на хлебной делянке.

Я и не я пробуждаюсь впотьмах.

Вы мне годы не срежете,
Убирайтесь скорей,
Вы, кудлатые нежити,
Духи мрачных полей.

Пролезая из темени,
Слёзно бьётесь в окно,
Каплю летнего времени
Вам украсть не дано.

Ваши вежды навывкате
Пожирают меня.
Перестаньте, не кликайте
У свечного огня.

Ночь рассветом разгадана.
Солнце - мой золотник.
Веет запахом ладана
Алой осени лик.

ХОЗЯИН ВОД

Откладывал я встречу на потом,
Всё брезговал, казался мне он жалок,
Он был похож на сальный оковалок,
Который перепончатым хвостом
Гонял по дну смеющихся русалок.

Ты, повелитель рыб и водяниц,
Утопленниц, кикимор и кувшинок,
Ответь мне - твой проигран поединок -
Ты просто тьма, насельник небылиц,
Живой пузырь из тысячи дождинок.

Заблеял он: «С водой мы заодно!
Меня ласкают вымокшие души.
А ты иди, найди любовь на суше».
И обратился в мшистое бревно,
Похожее на отруб козьей туши.

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

*Родился в Казани 27 июня 1961 года,
Учился в Казанском
государственном университете на
филологическом факультете 1985-
1990 гг. Прошёл Высшие
литературные курсы при
Литературном институте им. М.
Горького 1991-1993 гг.
Активно публиковался с 1978 года в
советских журналах и газетах.
Выпустил десять книг*

*стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Петербурга, Москвы,
Оренбурга и Казани.*

Мимолётное видение

Вдруг такое найдётся в заначке -
словно вечер, морозный до слёз,
чистил зубы и окна залячкал
разноцветными брызгами звёзд,

занесённый Вселенной в сироты,
понимаю, мы с нею одне,
только месяц-подлец подсуропил
встретить образ любимой в окне -

будто лампа такого накала,
что и в космосе станет светло,
показалось - вослед помахала,
а она протирала стекло.

Вечный покой

С тобой мы были счастливы когда-то,
союзы, словно гжель и хохлома,
как говорил Шекспир, весь мир - палата,
а капельница - пища для ума,

невыносимый отпуск мой просрочен,
зато, смотрю, с луной накоротке
ты точно заходила этой ночью,
ещё свежи следы на потолке,

давай алкать бессмертия на пару,
но даже все границы отворя
не светит мотыльку попасть в опалу
из твоего на шее янтаря,

косматыми огнями космос бредит,
от внутреннего холода продрог -
но выручают добрые соседи,
используя приставку, как предлог,

на классиков фантастики не сетуй,
дежурно будь готов и в этот раз
связать на спицах солнечного света
такую же планету про запас.

Простая арифметика

Советской прессы нет в продаже,
народ соскучился по догмам,
и киоскёр считает так же,
но пересчитывает долго,

вот воробьи, как стейки в стайке,
а вот пацан от няньки юзом
сбегает в трёхколёсном танке
из катетов с гипотенузой,

его судьба покрыта тайной -
в забое средней школы штольни,
он деревянный, оловянный,
и по краям стеклянный что ли,

тропой Ньютоново-Коперной
за Келдышем с Капицей следом,

учителям не портил нервы -
война всё спишет у соседа,

силён, как терминатор жидкий,
в плечах не суженный - саженный,
кровавой галочкой ошибки
отметил на полях сражений,

перетерпел развод на племя,
где Русский мир - такая сводня,
что не опережает время,
а создаёт его сегодня,

менял одежду не однажды,
давал врагу в мороз по роже,
всё в жизни есть - такое даже,
что и представить невозможно,

теперь, «Токаю» потакая
в бутылке, сдавшейся без боя,
гляди, как всё перетекает
одно в другое.

Браконьер

Из хоровода вышла вон
моторка с воем кофемолки,
грызут округу волки волн,
сверкают их зубов осколки,

окурок к небесам присох,
и, спины тощие сутуля,
торчат коряги «хенде хох»,
как перевёрнутые стулья,

в потёках мраморной смолы
сосна подрагивает густо,
когда плавник бензопилы,
под ствол подныривает с хрустом,

тебе же, якорю под стать,
на банке катера бессменной,
срываться в воду, аки тать
от правосудия безмена,

и, на причале каждый раз
встречаясь с конкурентом грубым,
следить за выраженьем глаз,
на всякий случай, стиснув зубы.

Генеральный прогон

Юрию Ларионову

На складе всё давно до нас украдено,
шум действия налаженного стих,
кривые ножки буша, рожки байдена
оставшиеся в памяти от них,

намерений дорогу в новый рай мости,
предел чистой прелести смещён,
доведены историей до крайности
Китай уже, а Индия ещё,

хоть ураганы шарик наш обшарили,
не ослабел к искусству интерес,
в партер спустились оперные арии
с галёрки со смычком наперевес,

в их обществе не место отороженным,
одни в военном хоре перемен
рассолом запевают, как положено,
другие держат шире свой Кармен,

дойдёт ли по горячке, что профукали,
здесь каждый винтик гайкой увлечён,
и, с кондачка, контральта ли, профундо ли -
скрипичным не дотянешься ключом,

пусть подождёт везенье лотерейное,
пока попавшим в этот переплёт

машина не упущенного времени
ворованную музыку вернёт.

После бала

На снимке январь получился нечётко,
как будто присыпан кокосовой стружкой,
Бессмертный Кащей оказался девчонкой,
а Золушка - мальчиком на побегушках,

фотограф и сам небольшого росточка,
зато начинается сказка простая,
где Золушка с пальчик родился в расщелку,
и в полночь последний платёж наступает,

в консервном сиянии ветра сквозного
исполнена золотом килька в томате,
Калигула, Наполеон, Казанова -
я тоже скучаю по нашей палате,

комета Галлея, хвостом помаша мне -
соринку смахни мне, а то проморгаю,
обычно запчасти дороже машины,
не катит поэтому правда нагая,

проскочишь на красный - включи перемотку
туда, где ракеты из «града» Петрова,
подайте калеке на царскую водку,
кончайте бесцельно топтаться у трона.

Юбилей

На солнце уши, на просвет, пушистый хвост трубой,
ни планов наперёд, ни смет - причаливай к любой,
сегодня каждая почти ступенька, как педаль,
с табло упрыгали очки, и задохнулась даль,

и, сослепу, неповторим твой сказочный мирок -
Нуф-нуф, Ниф-ниф, Наф-нафталин в шкафу, где серый волк,
всё больше с дамами «динам» и визга поросят
на улице Остудина из дома 60.

Баден-баден

Ах, милая моя, ах, ахтунг,
давай, махнём купаться в пятницу,
где с бухты плух ты и барахты,
и сумерки от света пятятся,

пусть эхо, как Эдита Пьеха
под душем, напевает походя,
нам «шашечки» или поехать
на шашлычок на яхте похоти,

соображает парус туго,
задетый ветром по касательной,
но мирно пашет месяц плуга,
и в облаках от пяток вмятины,

хлебнув «цимлянского» из фляги,
когда закатимся под Сочи мы,
айда, на реактивной тяге,
изображать часы песочные,

скакать по волнам пузом к пузу,
пока погода не наладится,
пусть разминают нас медузы
и обнимают каракатицы,

хоть нагишом на воле тесно,
не парюсь от угрозы слива я,
впадая в море, словно в детство,
которое всегда счастливое.

СЕРГЕЙ ПАГЫН

Родился в 1969 году. Живет в городе Единцы (Молдова). Филолог. Выпускник педагогического института. Автор шести книг стихотворений: «Обретения» (2002), «Прогулка в ноябре» (2005), «Сверчок в радиоприёмнике» (2008), «Перед снегом» (2012), «Просто жизнь» (2017), «Спасительный каштан» (2022). Финалист и дипломант Международного поэтического конкурса имени Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011).

Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия, 2012/2013). Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

Каждодневное мужество жить –
сигарету искать по сусекам,
дымоход почерневший чинить,
пить вино с овдовевшим соседом,

видеть гулкие горькие сны,
плакать в них, ощущая потерю,
утеплять в ожиданье зимы
пересохшие окна и двери,

всё латать прохудившийся быт,
где, дымя ввысь трубой обветшалой,
трёхконное время стоит
над провалом...

Нашепчешь – накличешь такое,
что даже не снилось тебе –

ночное, немое, большое
в твоей маломерной судьбе.

И слово пустивши без страха
по ветру в ночи, по реке,
молчанию, пеплу и праху
ты вновь присягаешь в тоске.

И сбудется все, что накликал:
безвременный снег за окном,
дымящая печка, бутылка
с постылым сиротским вином

и рыжая псина хромая,
и тот, кто, невидим и тих,
из глины лазурь выжимает
для слёз помутневших твоих.

Где перо кружит посреди двора,
и мерцает льдинка на дне ведра,
где листок летит в пустоте ветвей
и уже не помнит тоски своей,
человек живёт – одинок, тяжёл...
И зима приходит в притихший дол.

Человек зимой молча топит печь,
человеку хочется просто лечь,
и смотреть как рядом с его тоской,
с тишиной немислимой, с темнотою
вещи легче...легче...

И снится дом,
где повисло яблоко над столом.

У бабушки

Не припомню толком иконы той:
Иисус...и голубь...реки волна...
Пахла старость кукурузной крупой,
за окном в саду стояла зима.

Снегопад качался и кот мурчал,
дверцу в сон открыв золотым ключом,
и с иконы голубь слетал...слетал
на больное бабушкино плечо.

Утешенье приходит тогда,
когда больше не ждешь утешенья:
осторожно заглянет звезда
в глубину твоего отрешенья.

Клюнет лист налетевший в плечо,
терна шип оцарапает локоть,
и на уровне уха сверчок
станет в сумраке цвиркать и цворкать.

Вроде малость, пустяк, ерунда,
но дохнет утешеньем оттуда,
где терновник осенний, звезда,
узкоплечее певчее чудо.

Перед снегом

1

Тепло и свет –
всё то, что нужно мне,
найду у печки хилой во дворе,
где в щель навеса забралась звезда
и булькает для борова бурда.

Трещит лоза сухая... По холмам
идет зима огромная к домам.
Тем крепче дух от печки крупяной
и слаще мой нечаянный покой.

2

Щеколда где-то щёлкнула... Впотьмах
идет зима в мужицких сапогах,
неся тоску в подоле и метель.
И тем теплей в доме ночном постель.

А утром сын обрадует меня:
«Во сне в снегу поймал я снегиря!».

3

Растет пространство с четырёх сторон,
и если жизнь – по сути, только сон,
то он к зиме просторней и светлей.
Ну, что ж, набью орехов покрупней,
дверною скрипну в тишине петлём:
высокий снег стоит передо мной.

Во сне отыщу я зацепку для слов,
и свой небогатый недолгий улов
сочту у кривого порога
стеною белёсой стоящего дня:
немного печали, немного огня
и черного страха немного.

И местность чужая... Умерший мой друг
двух псов у пруда молча кормит из рук,
глядит в неподвижную воду...
И жалит мне сердце свирельная речь,
и надо из жалобы этой извлечь
свою неизбывную ноту.

ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА

Родилась в Харькове в семье преподавателей английского языка. Доктор медицины. В 2001 г. эмигрировала в Германию. Изданы четыре сборника стихов: «Ковчег и качели» (2001 г.), «Чужой город» (2002 г.), «Волкополье» (2006 г.), «Разговор со звездой» (2011 г.). Публикации в журналах «Этажи», «Новый журнал», «Новый свет», «Лава», «Новый континент», «Веси», «Сетевая словесность», «Дальний Восток», «Дегуста» и др. Стихи включены в международные сборники и альманахи

«Эмигрантская лира», «45-я параллель», «Графит», «Время Вызбора», «Артелен», «Звезда Рождества», «Ассоль», «Сто слов», «Редкая птица» и др., регулярно появляются на различных литературных сайтах. Член Харьковского Клуба песенной поэзии им. Ю. Вызбора. На стихи Эмилии написано более двухсот песен, вошедших в состав более тридцати песенных дисков, создано множество видеоклипов. Лауреат, дипломант и финалист международных литературных конкурсов «Эмигрантская лира», «Русский Гофман», «ПТИЦА», «Пятая стихия», «Созвездие духа», «Звезда Рождества», «Редкая птица», «Есть только музыка одна», «Человек, судьба, эпоха», «Грани мастерства» и проч.

КРУКИ*

Они летят, рассыпая смерть.

Они запаслись ей впрок.

Перечить им никому не смей.

Крук. Крик. Крок. **

Они летят, очерняя синь,

Как неотвратимый рок.

И в каждом круке россии сын.

Крук. Крик. Шок.

Они летят, и вступает свет

В двенадцатый ада круг.

И кажется, что спасенья нет.

Вой. Взрыв. Крук.

Они летят, сея сотни бомб.
Детсадик. Больница. Храм.
Но Бог раздвигает тучи Лбом.
Но Бог идёт на таран.

Он бьет зенитным огнём земли,
И стаи горящий труп
Взрывается, воздух опалив.
Ночь. Снег. Крук.
* Крук (укр.) — ворон
** Крок (укр.) — шаг

МЫ ПОБЕДИМ

Едва ли время боль излечит.
Не превратится память в дым.
Мы выживем. Мы победим.
Но, Бог мой, как поступишь с ним,
С тем, кто страну мою калечит?

...Он шёл, он был, он бил, он жёг,
Марал огнём дома и храмы.
Ребенка на глазах у мамы
Расстреливал (на куче хлама
Слетевший с ножки башмачок).

Сжирал, растаптывал, хрустел,
Насиловал, смеясь при этом.
Он счёт ни бомбам, ни ракетам
Не вёл. В канавах и кюветах
Лежали груды мертвых тел...

Мы выживем. Мы победим.
Построим вёсны на руинах.
Из пепла встанет Украина.
Но проклятой россии сына,
Мой Боже, Ты оставь живым.
Ни мукой казни страшной самой,
Ни тысячей своих смертей
Он не искупит кровь детей.

Ты лики мёртвых матерей
Веди перед его глазами.

Вели страданиям людским
Впиваться острыми ростками
В его бездушные веками,
И просит гибели пускай он,
Но не дождётся, словно Каин,
Из всех углов земли гоним.

Ты небеса закрой над нами
Своими Теплыми Руками.
Весна прольется ручейками,
И мы — с Тобою — победим!

ВІЙНА ІДЕ

Весна іде. Війна іде.
Яке мерзотне протиріччя!
Мов поглина пустеля річку
Чи темрява — яскравий день...

Вже скільки днів безжальний грім
Повсюди чути, чути, чути...
За обрієм звірюка лютий
Геть скаженіє в хижій грі.

Війна крокує поміж хмар,
Карбує металеві кроки.
Лякаються зеленоокі
Зірки. Удар, удар, удар...

Війна розхитує лани,
Жбурляє міни, мов затята.
Земля ж чекає на зернята,
Як було завжди з давнини.

Іде біда замість весни,
І балістична антитеза

Світ розтинає, наче лезо,
На “до війни” й “під час війни”.

Війна, війна, війна, війна...
Забракло інших слів у мові.
Не заспіває колискові
Дитині мати в мертвих снах.

Де взяти сил? З яких наснаг?
З яких розбомблених джерелець?
Між понівечених деревець
Лежить згвалтована весна.

Зоря багряну воду п'є,
Яку залишив дощ кривавий.
З небес загарбницька заграва
Загиблу зірку дістає.

Птахи із вирію у вир
Вогню смертельного влітають,
І першоцвіти золотаві
Зникають в пашах чорних дір.

В багні стоїть верба плакуча,
І страшно сходити траві.
Здригнувся Бог при слові “Буча”
І каже: “Йду! Страхайся, звір!”

У ТРАВНІ

У травні час кульбабок, а не куль,
Гармидеру пташок, а не гармати
Невпинної пальби. І юна мати
Дитину колихати у садку
Повинна, а не відчайдуш тікати
Світ за очі, в підвальному кутку
Ховатися від бомб і малюку
Там пісеньку про котика співати.

У травні треба слухати палкі
Сорочі суперечки в гущі гаю.
Йти крізь лани, де пахощі такі,
Що їх ніяка сила не здолає.
І це не діло, коли ліс палає,
І кожен вибух землю так здригає,
Що рветься серце молодих луків,
І вітер понад вирвой шкутильгає.

У травні час летіти навмання
До ніжних зорь, долоня у долоні,
І скронею тулитися до скроні,
Чекаючи на спів нового дня.
Та коле зір обвуглена стерня,
І сірий попіл на бузковім гроні
Метеликів, як мрії, відганя,
Й червоні краплі стигнуть на ослоні.

Благаю, Сили Неба, припиніть
Цю недоречність і невідповідність!
Світ потребує щастя навесні!
Хай згинуть у пекельному вогні
Всі, хто слугує ревно сатані,
Забувши істини новозавітні!
Син Божий, поклади кінець війні!
Сяй, промінець! Малі птахи, бриніть!
Зростайте, квіти, жовті та блакитні!

ВИЗАВИ

Нынче ночь вошла и стала визави...
Милый друг и враг немилосердный...
Где-то свет метнулся вспышкой серной
И погас, как будто кто-то изловил.
Окна в доме через улицу покрыл
Серебрящийся фонарь фольгою.
Тень сползла фонарною ногою
Вниз, в пустые беспросветные дворы.

Нынче ночь идёт отчаянно на «ты»,
Бросив дождь на сумрачном асфальте,
И машины вязнут в серой вате,
Как в песке прибрежном мёртвые киты.
Голова луны зажата в пасти туч,
И от них ей не спастись, наверно...
Вот звезда мигнула – и мгновенно
Перепуганно шмыгнула в темноту...

Нынче ночь из раскалённого вчера
Уплывает в шёлковое завтра.
Лунный чуб на плахе тучи задран,
Как в казнящем ожиданье топора.
Но луна, звезда, фонарь, окно –
Лёгкая трапеция свеченья...
Блюдечка небесного верченье...
Враг мой звёздный...
Друг мой чёрный...
Свет мой – ночь...

ЛЮДМИЛА ПРАСАД

Родилась в Тюмени. Закончила факультет романо-германской филологии в Тюменском государственном университете по специальности английский язык и литература. С 4-го курса отправили учиться в канадский колледж на несколько месяцев, одной из первых двух студентов ТГУ (благодаря перестройке). Недолго жила и училась в аспирантуре (прикладная лингвистика) в Ленинграде/Петербурге. Аспирантуру не закончила: уехала в Германию. Оттуда в 1994 года приехала в Канберру. Преподаю академический английский. Стихи пишу на русском и на английском.

ЛОЖЬ

когда-то в сказочной стране был полный адекват:
рубашки из крапивы не вязались нарасхват
на стенах вызывающе молчали зеркала
и ни одна принцесса на горохе не спала
в хрустальной обуви никто не посещал балов
рыбачьие желания не исполнял улов
в пруды смотрелись утки небывалой красоты
поляны сапогами не уютжили коты
лелеяли свои хвосты русалки всех морей
и дети чай не распивали в кроличьей норе

вполне уравновешенный разумный микрокосм
но что-то в сказочной стране пошло наперекокс:
солдатики летят в камин вдали от балерин
принцессы мёрзнут на полу отвыкнув от перин
в лесах зола - и ни следа невиданных зверей
избушки и дворцы стоят без окон без дверей
и чудо-юдо рыба-кит стремглав идёт ко дну
с собою прихватив замороженную страну

огромную волшебную страну в которой сплошь
и рядом говорят что сказка - ложь

на бис

у моря текучий волнительный стиль
то нежно закутает в шёлковый штиль
взъерошенных чаек и взбалмошных рыб
их вечный сумбур укротив до поры
то наспех примерит вельветовый бриз
- и в тон горизонт серебристо-ребрист
подкрасит лазурью саргассовый йод
блестящую гальку на берег нашъёт
и даже в холщовых лохмотьях штормов
собой залюбуется в тусклом трюмо
небесной гримёрки
а после на бис
ни капли феерии с такта не сбив
концерт отыграет и бурно себе
поплещет
ракушки в античной резьбе
вечерним прибором беспечно смешав
солёным парфюмом плеснёт на ландшафт
и будет ветшающий бархатный фрак
в струящемся ритме латать до утра
и даже столетья не тратя на сон
песчинкам придумывать новый фасон

у Катькиного садика

У Катькиного садика с гирляндами картин
Сплелось непостижимое людское ассорти,
И, питерской феерией сражённый наповал,
Мой мир, привыкший к холоду, окошки раскрывал.

На Площади Восстания под корешками книг
Сюжеты затмевали всех кондитерских огни.

С утра в метро гремел концерт задумки неземной,
А в нём - импровизации, придуманные мной.

У сфинксов соблюдалась вековая тишина.
Для них моя история была предрешена.
Трезвонили трамваи, прославляя толчею,
Со снегом ветер партию заканчивал вничью.

Вельветовая куртка, многокнопочный фасон,
С причудливостью города вразрез и в унисон,
Давным-давно заснувшим на мосту крылатым львам
Я доверяла только им понятные слова.

Читал украдкой скрытный Питер испокон веков
Пропитанные сыростью страницы дневников,
И ливни лил на все лады, о прошлых днях скорбя.
А мой не дочитал, в моих стихах узнав себя.

из-под золы

в верхнем регистре дробят хрусталь
звёзд растерявших свет
настежь окно, колыбель пуста
никнут венки невест

мёрзлый апрель вероломный лгун
залпами снежных клякс
хлещет дороги
в дрожащий гул
вклинен железный лязг

нижний регистр погружает в жар
всполох взрывной волны
место готовит крестам скрижаль
жадной до слёз войны

в среднем регистре поток молитв
реквием мёртвых нот
пепельным заревом день залит
зыбко ночное дно

настежь окно, колыбель пуста
спит на руках малыш
тихо на небе звенит хрусталь
звёзд - а под небом растёт как встарь
деревце из-под золы

слушая море

Я слушаю море, а море - меня.
Я - молча, а море - под шум
Своих треволнений, что вряд ли понять
Так сразу. Но я не спешу.

Я слушаю вдумчиво, море - лишь вскользь.
И я наконец узнаю,
Что море накрыло глубинной тоской.
Оно не заметит мою.

Набегами к берегу, к небу навзлёт,
А после устало - на дно.
Я тайны ему раскрываю взахлёб -
Меня не запомнит оно.

Рассеян(н)о море по вечным ветрам,
Расплывчато - кто ж упрекнёт,
Когда разноцветный вселенский витраж
Веками шлифуется в нём.

А море несёт - нескончаемый вихрь
В мажорно-минорных ключах.

И я замолкаю, забыв о своих
Досадных земных мелочах.

Офелия

и она передумала - день был такой:
штриховали стрижи синеву над рекой
кувыркались бесшумно в реке облака
чернота высветлялась
тускнела тоска
и уход не казался спасением - но
в уголках её снов оставалось темно
и она выбирала тропинку туда
где покой глубины обещала вода

но она передумала - солнечный шлейф
по воде растекался медовым желе
камышы распушившись от тёплых лучей
привечали стрекоз
и в мажорном ключе
распевала вразброд мошкара над рекой
вдохновенные гимны

и день был такой
что она передумала - в тысячный раз
оказалось что можно забыть про вчера
оттолкнувшись от дна
распахнув темноту
перебраться из сумрачной повести в ту
где в сюжете у светлой рассветной реки
не плетут для Офелий из лилий венки

МИХАИЛ СИПЕР

В 1976 году закончил Уральский политехнический институт. Был организатором и первым президентом КСП «Зелёная лампа». Стихи пишет с 1975 года. С 1977 года на стихи М. Сипера написано около сотни песен его земляком Василием Мешавкиным. Песни на стихи М. Сипера публиковались в книгах «Наполним музыкой сердца» (Москва, 1989), «Люди идут по свету» (Москва, 1989), «Грушинский» (Куйбышев, 1990), «Смех сквозь струны» (Москва, 1995), «Антология авторской песни» (У-Фактория, 2002), «Антология бардовской песни» («Эксмо», Москва, 2005), в различных фестивальных сборниках и буклетах, использовались в спектаклях «Пифагор» и «С днем рождения, Ванда Джун!» , стихи публиковались в антологии «Alter ego», альманахе «Альбион», журнале «Дон», газете «День литературы», неоднократно печатались в периодике разных стран.

С 1991 живёт в Израиле. .

В 1996 году в Иерусалиме вышел сборник стихов «Из неперечёркнутого».

В 2005 году вышел сборник стихов и прозы «Струна, порезанная пальцем».

В 2010 году вышел сборник стихов «Инверсионный след».

В 2015 году вышел сборник стихов «Песок под микроскопом» В 2016 году вышел сборник стихов «Снятые боли». В 2019 году вышел сборник прозы и стихов «Время собирать камни». Финалист и призер «Пушкин в Британии» 2004, 2005, 2006, 2007, 2011, 2012г.г.

В апреле 2008 года Михаилу Сиперу присуждена Золотая медаль Франца Кафки.

УТРО. ВОЙНА

В окопе буйствовал родник,

Хотя вчера отвод копали.

Шинели полы намокали

И, тяжелея, отвисали,

И шею тёр мне воротник.

Скользя по глине, я прошёл

К ступенькам выглянуть наружу.

Там – тишина. И, прыгнув в лужу,

Я понял – скоро занедужу,

Он слабый, этот сильный пол.

Но умирает тишина,
И вновь ракетный в небе скрежет,
Он небеса от нас отрежет
И снова сцена – мы и те же,
Ну что ж, терпи войну, весна!

И лето, терпеливей будь,
Ещё на город лезут крысы,
И в бункере убийца лысый
Ракеты направляет в выси,
Чтобы мою пронзили грудь.

Опять смешались кровь и гной,
Земля, кишки, зола пшеницы,
И сбитая осколком птица –
Всё это в памяти хранится,
Пребудет навсегда со мной.

Поля железками засеи,
Смотри - горит, как сердце Данко,
Котёнок в гусенице танка.
...А как сейчас живёт Песчанка?
Там мамы Родина моей.

Луны бледнеет мрачный лик,
Вползу на бруствер спозаранку,
Чтобы прорваться к полустанку
За Балту, Гайсин и Песчанку,
И за родник.

* * *

Знаешь, на улице нашей
Взрывами всё размело.
Помнишь ли тётю Наташу?
Дом, где бьёт солнце в стекло?

Помнишь футбол меж портфелей?
Пшёнки той сказочный вкус?

Наш палисад разметелен,
Тяжек разбросанный груз —

Кровь и тела, блеск осколков,
Сахарно-белая кость....
Мы уже видели столько,
Что и отцам не пришлось.

Пусто и тихо неожиданно,
Слышен лишь гаснущий крик.
И на углу неустанно
Плачет согбенный старик.

Что он твердит не по разу,
В небо глядящий старик?
«Гиб мир абысале мазл,
Гиб мир абысалэ глик...»

Нету ответа от Бога,
Стих голос ангельских лир.
Бог, наклонившись немного,
С ужасом смотрит на мир.

MEMORIES

Вот небольшой концерт в ползала
Неподалёку от вокзала,
Где потихонечку вползала
В сердца и души благодать.
Трясутся люди в ритме шейка,
Не расплещи, ещё налей-ка!
Эх ты, безрукий неумейка...
Тебе б ногой под жопу дать.

Фанфурь, заглоченный на пару,
Задорный крик: «Давай шизгару!»
И завтрашнего перегара
Не родился ещё туман.

Да, жизнь моя – не кружка рома,
И я забыл, что я не дома,
А рядом Лена, Света, Тома
И Генриэтта Перельман.

Я понял, медленно хмелея:
Россия, Лета, Лорелея,
Что гений – Дмитрий Менделеев,
Амброзией снабдивший нас,
Звучит музыка из колонок,
И Сашка Расин гулк и звонок,
Играя песней, как ребёнок,
Ещё не знавший первый класс.

Ночь, полумрак, в подъезде дует,
И вкус ночного поцелуя
Плывёт во мне, как «Аллилуйя»,
И ты блеешь в темноте
Внезапным ангелом небесным,
И мне в моей одежде тесно,
И всё на свете неуместно,
И все слова – уже не те.

Потом – Свердловск в рассветной неге,
Трамвай искрит в привычном беге,
Мчат на работу печенег
С глазами плещущего сна.
Как в песне – холодок за ворот,
Невесел мой рабочий город,
Хотя вокруг, смотри сквозь морок —
Не сглазить чтоб, идёт весна.

Люблю свои воспоминанья!
Они не требуют старанья,
Они хлестки, как веник в бане,
Они – любимое дитя.
В них окунись, имея смелость
Сказать, что жил я, как хотелось,

Пил, что пилось и пел, что пелось,
И веселился не шутя.

ВЕРЕ ВОТИНЦЕВОЙ

Время, когда этот мир вокруг
Вдруг разевает пасть,
То появляется выбор, друг –
Упасть или пропасть.

Верка, такое вот казино,
Где каждый козырь бит.
Мы выбираем с тобой одно -
Смеяться, когда болит.

Плач отменён, запрещён, унят,
Что нам в той скорби, да?
Где-то в туманной ночи горят
Мёртвые города.

Где-то оплётка шестой струны
Скрипом шлёт волшебство,
Но дела нет у большой страны
До минус одного.

Ты улетишь, белый свет любя,
Смерти проигран бой.
Грянет Крещение без тебя,
Но будет Рай с тобой.

Падает раненный насмерть снег,
Лёд зрачками хрустит.
Что остаётся тебе, человек?
Смеяться, когда болит.

МАРИНА РУСОВА

Родилась на Дальнем Востоке. Работала в музее современного искусства научным сотрудником. По профессии - художник. Автор книги "Мой ангел не парит". Публиковались в различных литературных альманахах и журналах России, Германии и США, в том числе в таких изданиях, как "Переселенец" (Германия), "Литературные страницы" (Германия), а также в интернет-изданиях стихи.ру, "ТЕРМИтник поэзии" и др. Произведения Марины Русовой включены в Антологию новой русской поэзии "На изломе веков" (Флорида, 2005).

С 1997 года живет и работает в Германии.

Монолог берлиоза

он говорит застынь и я застываю
после валюсь на землю окаменело
тренькают рельсы мимо идут трамваи
автомобили моё объезжают тело
чёрные шины чертят вокруг овалы
мне всё равно я мишенька годовалый
я берлиоз не выросший ни на йоту
вот и приходит воланд глядит сурово
нынче шаббат малыш а затем суббота
ты не расти писателем вот те слово
будет дорога в ад ну а нынче к раю
он говорит застынь и я застываю

я не расту я жду золотую манну
утром пришёл подросший иван бездомный
он литератор ночами строчил романы
нынче молился долго перед иконой
чтобы в гармонии были и дух и чрево
он говорит небесную хочешь манну
вырастешь клоп и в жены получишь деву
тут по соседству живет комсомолка анна

будет на масле жарить тебе котлеты
круглые словно подсолнух на кромке сада
ты посмотри какие кругом сюжеты
хочется изложить но малыш не надо
тише воды и вся голова седая
он говорит застынь и я застываю

день миновал и мается ночь больная
я замираю снова в своей палате
маленькой птахой отставшей от птичьей стаи
с тенью огромной выросшей так некстати
рядом роман сторгованный за червонец
раз прочитал и перешагнул эпоху
если придёт какой-нибудь незнакомец
не дожидаясь слов я застыну крохой

маленький миша без пафоса и амбиций
только прошу вас можно без репетиций?

Он путает слог

он гладит меня по голове, приговаривая: - марина -
девочка с «волосыми голубами» - он путает слог.
за окном у соседей играет «гохappe» стинга,
в доме напротив кривляется пранкер-блогер.
да я и сама разыгрываю комедию дель-арте:
- смотри,- говорю, - вон, солнышко как на блюде.
два месяца, всего-ничего, доживём до марта,
и будем гулять и петь соловьями будем.
смеётся. и я смеюсь, мы - те ещё птицы,
летим без маршрутов, куда-то на полюс, в холод.
он смотрит в окно, пытаюсь увидеть лица,
но слившись в одно лицо, проступает город.
профиль его горбонос из-за крыш и шпилей,
и ни одной души, только стинг и блогер...
небо синее неона, ангела белокрылей,
как не сфальшивить, запутавшись в монологе?
я ему говорю: - ты мой ангел лепший,
всё, что ни скажешь, по мне, говорю, - к удаче.

«волосы мои голубы» - давно поседевшие.
а он всё не верит: - марина, моя - и плачет.

Был ангел

был ангел глух был ангел слеп сидел на лестнице устало
на сцене строили вертеп негромко музыка играла
не в лад не в такт он подпевал в лохмотьях грязных и в короне
неподалёку возлежал младенец в яслях на соломе
над ним ютился потолок светился рампой в закулисы
вертелся кукольный раёк на острие безгрешной мысли
над золотистой головой слёз и прощенья не приемля
уже вела по винтовой судьба его с небес на землю
спускался ангел глух и слеп лежали куклы меркла сцена
на ней валялись чёрный хлеб обрывки полиэтилена
цвели носы как маков луг мелькали серые халаты
рабочим сцены недосуг чтить театральные пенаты
и разбирают люд и скот им всяк по сути одинаков
а мимо них идёт в народ сошедший с лестницы Иаков

поле

"Ни один плуг не остановится, когда кто-то умирает"

И плуг бывает мёртвым, и когда
Уходит смертный - поле приголубь.
Так застывает ратай у пруда,
Распаханная месяцем вода
Стремится в небо, а течёт во глубь.
А поле - жизнь твоя, и ты идёшь
Оставив мёртвый плуг на тех грядках,
Где из земли восстал как злак, как рожь,
Тот, за которым следом ты бредёшь,
На деле не оставив ни следа.
Но жизнь всё тот же севооборот.
Сожни колосья - сделай ход конём.
Безмерен невозвратного уход,
Все смертны. Только знай, что каждый год
Он будет хлебом, ты - половина в нём.

апельсин

апельсин неказист, ему говорят аста ла виста
только апельсин оказался на удивление чистым
дивным как светлый праздник высок как небо
апельсин живой как вода как краюха хлеба
правда идёт направо а ложь налево
если взлелеешь дерево из посева
чтобы густая крона взлетела клином
то и слова твои вырастут апельсином
видишь раскинулись ветви от края до края
я оглянуться мой милый не успеваю
образ твой скроется скоро за косогором
там за спиною город а рядом горы
вид их уныл но и это уже немало
вырастет дерево жизни на голых скалах
здесь пробивает землю росток в лощине
люди прорастают как зёрнышки в апельсине

СЕРГЕЙ СЛЕПУХИН

Екатеринбург

Поэт и художник. Автор нескольких книг стихов. Публиковался в журналах «Звезда», «Знамя», «Арион» и многих других. Редактор литературного альманаха «Белый ворон», удостоенного 1-й премии в международном конкурсе «Лучшая книга года», Берлин 2012.

NATURE MORTE

звоня стеклом и меланхолией
нагое утро в мгле маячило
в аркадии и алкоголии
сидел гадал что б это значило

ночь одинокая окраина
стол стул бутылка натура мёртвая
в чей мозг студеным светом впаина
прощальных ласк любовь твоя

и становился постепенно я
бесформенным и в угол сваленным
моргала лампа тень настенная
махала рукавом засаленным

и ты пришла – дичок с кислотной
в постели аромат густеющий
и я насытился украденной
в воспоминании редеющей

* * *

В домах напротив спят, один сижу в тоске,
чибарик догорел и жизнь на волоске,
багетно-золотой, скруглённый по углам,
висит табачный дым и топит мой бедлам.

Чуть испуская свет, тяну ладони я,
приманивая мрак, фантом небытия.
С тех пор, как ты ушла, один сплошной обман,
давно живут в ладу Ормузд и Ариман.

В окне из-за реки – товарник сер и гнут,
пузатые жуки, вагончики ползут.
Зови и не зови – разбитая плита,
два кресла визави, торшер и пустота.

* * *

лицом к стене, а за спиною – тьма,
неведомая комната чужая,
и как же трудно не сойти с ума,
в застенное пространство отъезжая.
Всё улетучилось, исчезло позади,
сон открывает зримые пространства,
и кто-то властно шепчет: «Погоди,
не уходи за грань непостоянства».
Исход и выход, ты и там, и тут,
горд отъезжающий, невыбывший – печален,
триумф прибытия – туда, где долго ждут
в непроницаемости чёрных готовален.
Без пола сцена, задний план исчез,
минутный человек растворился.
Призывно ручкой машет – ангел? бес?
Я был и умер? Или не родился?

* * *

Околевали сваленные вещи,
рты раскрывали, шевелясь немного,
но вдруг очнулись: силуэты резче
и краски ярче – караул, тревога!
Нагретый воздух осмелел, поднялся,
дымок едва заметно вскинул шапку,
я глянул на картину, рассмеялся:
разводы на стекле просили тряпку.
Часы, свеча, бокал – ничто не ново
на скатерти Шардена и Латура,

и вот настало пять минут восьмого,
и встрепенулась мёртвая натура!
Как хорошо: я тоже жив, и ладно! –
в пыли, в постели, в паспаргу надгробном –
жизнь ненасытно сглатываю жадно,
рассматривая зрителя подробно.

* * *

Допустим так: вхожу и начинаю
наощупь путь в набухшей тишине.
Здесь мной задуман мир, где плотный воздух
торжественно поверхность и окраску
из мелких металлических волокон,
застыв в молчании, чудесно обретёт.

Я знаю правила: угадываю вещи
в уже возникших; поменяв порядок
предметов, не забуду и про тени,
тень тоже требует своей метаморфозы:
в предмет ее, в сомнительное нечто,
ведь нечто – опредмеченная тень.

А вот ещё игра в «развоплощение»:
чугунная каминная решетка –
шипы и розы, листья, стебли, росы –
пускай они утрачивают формы,
ломают линии, чтоб стала кашей-мяшей
их ржавая расплывшаяся плоть.

Но можно тёмное пятно пустынной ночи
не заполнять собой, смотреть пассивно:
бокастые кувшины, мебель в дрожи,
вчерашних фруктов вялое брожение.
Однако не старайся, не узнаешь
их тайну тайную: вмиг разбегутся вещи,
лишь только отвернёшься, дурачок.

* * *

Их не одушевить, как ни старайся,
не вынуть из остывшей немоты,
лежат огрузло на столе гранитном,
в потёртой мгле, тату на снежном насте,
родства не ведают, не узнают друг друга.

Карманные часы, фитиль и кости,
изломы на потрёпанных страницах,
цветы, хранящие прикосновение пальцев.
Я так мечтал о жертвоприношении
в магнитном поле славы и бессмертья!

Что ж, намудрил с метафорой и кодом,
обычного словарного запаса
мне не хватило, натюрморт испорчен.
Вот вещи и рождают безъязыко
ночь напролет короткие гудки.

* * *

Осётр надменный, разварная щука
с лазоревым державинским пером.
Всё суета сует, и лень, и скука,
обжорство – и глазами, и нутром.

Свистит, захлебываясь маслом, молодая
селёдка сочная, высоколобый лещ
чуть дышит, плод лимона поедая,
фламандский холст – питательная вещь.

Я не гурман, я вам припас – *голодный*,
с несвежей скатертью, графинчиком-божком,
знакомый с детства, нищий и безродный –
круг хлеба, лук и омулёк с душиком.

* * *

О, это протирание бельма!
Изнанка света, крошек кутерьма,

там обретает некий общий смысл
стихия визий, половодье числ.

И, мнится, заструился аромат,
слюна течет, но ты отнюдь не рад
обманно месмерическому «ой!»,
всё это ложь, несбыточный *trompe l'oeil*.

А блюда плыли, словно корабли –
шекснинска стерлядь, щи, икра, сабли –
но всё допито, съеден пражский торт,
и наступил печальный званский *morte*.

Лукуллов пир не повернуть назад,
лишь пятна скатерти вновь оживляют взгляд,
и чашки, что застигнуты врасплох,
выхныкивают жалобное «ох!»

* * *

Монокль, хрусталик, линза, телемост –
всё искажают? Образ в полный рост?
Прямая линия скользит, или кривая,
в протезе переход претерпевая?

Сползание, раскрытие границ
глазной коры, визир подложных лиц –
ошибка мастера? Соитье тьмы и света?
Струящейся поэзии примета?

Натура, знаю, может соблазнять,
но где, скажи, воображенье взять,
какой даймоний раззвонит секреты,
как нужно светом вышивать по свету?

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

Из Одессы; филолог. Стихи писала с ранней юности, печаталась в периодике, но, в основном, писала "в стол". С 1979-го жила в Канаде. Первые годы писала, переводила и редактировала для единственной тогда в стране русскоязычной газеты. Получив новую специальность, 30 лет проработала в области информационных технологий. В 2016-м переехала в

Австралию к сыну и внукам. Стихи вернулись после долгих лет молчания. Финалист и призёр нескольких международных поэтических конкурсов; автор поэтического сборника "Чернобеловики". Последние публикации – в газете "Интеллигент", в поэтическом интернет-альманахе "45-я параллель", журналах "Крещатик", "Новый Свет", "Австралийская Мозаика", "Эмигрантская Лира", альманахе "Витражи" и др.

Ночь под рождество 2022

Луна, обшарив небосклон,
зашла. Как зеркала осколки,
окон светящиеся ёлки
со стен упали в чёрный схрон...

Ночные звуки, тени, вещи,
обрывки дальних смеха, слов
поодиночке не зловещи,
но вместе предвещают зло.

Летят подхваченные снами,
дыша в подушку ли, в плечо...
Что ждёт их, спящие не знают,
ещё не знают ни о чём.

Бессонный птах летит к рассвету,
кричит во тьме, на всё горазд –
он за надеждой, на разведку:
взойдёт ли солнце в этот раз?

Летит голодная ракета,
плоть ищет и обрящет... День
грядущий не для всех людей.
Ночь длится и скрывает это.

Амалия (1)

Графине Воронцовой не чета:
богаты, но не приняты в салоне.
А воздух всех опаивал – солёный,
лиманский, скифский – таковы места!
Так много моря, солнца, и в груди
его любви – в три жизни не растратить!
Готов взорваться страстью этот кратер
едва Она предстанет... Сам суди –
любовник ли, котёнок ли у ног – (2)
но он любил всех жарче, горше – эту,
мелькнувшую – ни писем, ни портрета, –
гитары краткий всплеск – и звук умолк.
Она ушла как пена от волны
отхлынувшей, что у приборя кромки
блеснёт на жарком солнце миг короткий
и новой смыта... От какой вины
она метнулась в ужасе долой,
на юг родной, но для неё холодный?
Звезда скатилась – и объята мглой,
и тихо умерла полуголодной... (3)
А он простился с юностью. Лютей
морозов страхом скована Россия,
и столько опрокинулось смертей,
что эта потрясти уже не в силах. (4)

...Потом, томясь от боли и стыда,
за равнодушие казнясь сурово,
он будет призывать её из гроба,
вкрик заклиная ночь: "Сюда! Сюда!" (5)
Для этих строчек в мир явилась Тень,
они – ей небом данные скрижали! –
но их отымет жадная артель
учёная – словно свечу держали... (6)

Ни писем, ни портрета. Злись, гадай,
пушкиновед! Но ласковый и томный (7)
не молкнет голос в скалах многотомных,
и вечно вторят ветер и вода.
...И мне бродить там прежде привелось, и
кто знает – и моих две-три строки
влились в органное многоголосье
стихий, слезой в морскую соль стекли...

-
1. Амалия Ризнич, возлюбленная А. Пушкина во время его пребывания в Одессе в 1823 г.
 2. По словам супруга Амалии И.С. Ризнича, Пушкин "увивался вокруг его жены будто котенок".
 3. В мае 1824 г. Амалия Ризнич, после внезапного разрыва с мужем, уехала с маленьким сыном в Австрию, оттуда – во Флоренцию, где в начале 1825 г. скончалась от чахотки. В последние месяцы она жила в полной нищете.
 4. А. Пушкин, находясь в ссылке в селе Михайловском, получил известие о казни декабристов 24 июля 1826 г, а 25 или 26 июля узнал от В.И. Туманского о смерти Амалии Ризнич. 26 июля 1826 г. была написана элегия «Под небом голубым страны своей родной» на её смерть.
 5. Речь идёт о стихотворении А. Пушкина 1830 г. "Заклинание".
 6. Посвящение ряда стихотворений А. Пушкина Амалии Ризнич оспаривалось П.Е. Щёголевым и нек. другими пушкиноведами.
 7. Амалии Ризнич посвящено стихотворение А. Пушкина "Ночь" ("Мой голос для тебя и ласковый, и томный...")

Осень, крадучись, вновь понемножку
в мире свой утверждает устав.
Рвётся пыльная суперобложка
лета, зелень утратив, устав.
Из зачитанной книги пейзажа
ветер рвёт и швыряет листы,
а ночами туман, словно сажа,
опускается с высоты.
То ли в белом гимнаст на канате –
по беззвездью, одна, холодна, –
то ль обходом по спящей палате
врач дежурный – восходит луна.
Мне в теплом избалованной коже
зябко утром. Меж миром и мной
вновь преградой одежда. Но позже
потеплеет, а к полудню – зной.
И нагие, под солнечным нимбом,
во всю статью, высоту, лепоту
обещанием невыполнимым
беззастенчиво розы цветут.
Вечер снова затянет туманом.
Обожжённые листья в горсти.
Лета сласти и самообманы
позади – отпусти и прости...
Что ж, по возрасту и по сезону,
вот она – уклониться нельзя –
экзистенциальная зона,
одинокая в зиму стезя.

Lockdown

На кончиках пальцев клавиши, а у глаз
экран, и за ним – путь один – в виртуал провал...

Мир прежний, живой – затаился, умолк, угас.
Недобрая сила куражится, правит бал.

Пейзаж за окном как холст в раму окна зажат –
стоп-кадр в цветовом кино, зловеще немом,
лишь кроны деревьев под ветром слегка дрожат,
но и ураган оживить бы пейзаж не мог.

Знарок одиночества, доктор его наук –
как самоуверенно я тосковала до
цунами такой глухоты, затопившей дом,
откуда не выплыть, не крикнуть даже "Ау!"

Прохожий шарахнется в страхе, как от чумной.
Когда-то приснились улыбки, объятия, смех...
Плыви, мой ковчег, человек человеку – Ной.
От смерти спасаемся – или в дизайне смерть?

Пока ещё лёгкие дышат, и пьян глоток
вечернего воздуха, в маску сквозь страх сочась...
Возможно, всё кончится, но неизвестен срок,
а вычтено время из жизни уже сейчас...

Остались ведь праведные в Содоме? Не обессудь –
по пальцам одной руки их сочти, Господь, –
последних, что век ошалевший наш на плечах несут,
ещё не роняя – стеная и погибая под...

Твоею ли волею маемся под замком?
Над жизнью – как сценой – кто занавес опустил?
Какими из бункера выйдем?
Каких пустынь
пески впереди и камни,
и – чей закон?

Душны украинские травы
в июльской смоляной ночи.
На подоконнике свечи
едва хватает до дубравы,
где по-кошачьи темнота
на мягких лапах, на высоких
крадётся и крадёт места
меж сполохами на востоке.
И не переступить порог
ни в дом, ни из дому... А вести
о доме – сбились где-то с ног
иль были схвачены на въезде.
И не переступить порог...
А сердце тает неминуче,
и месяц утонул по рог
и заплутался где-то в туче.
Стирает память, как рукой.
Кто я? и не во что глядеться...
Кто ты? и некуда мне деться
от этой песни колдовской...

1968

АННА ТРИФАНОВА

Родилась в 1978 году в Череповце. Стихи и прозаические миниатюры публиковались в альманахе «Белый ворон». Автор детской книжки «Акварельки. Зарисовки из старого альбома».

УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Край неизбывный и тонкий,
распростертый зарею во тьме,
веет море над городом стертым,
что-то шепчет в его в тишине.
Море, город, и тень на холме...
Уходящее время расправит
и лицо, и улыбку во сне,
покружится еще и растает.

Туман спустился с облака над крышей,
прозрачный сон зимы, не сведущий о сне,
в прозрачных одеяньях свыше,
над головой во тьме.
Туман приблизился к материи пространства,
вот дерево как символ, и вуаль
туманная, сестра непостоянства
и постоянства зыбкого печаль.

Время цепляет вчерашние сны на гвоздь,
птицы в чертополохе поют на рассвете,
однообразное лето в краю стрекоз
с папоротником в корсете

велосипеда в тон
настроению и июльскому Мураками,
исчезла профессия "почтальон",
письма пишутся сами.

Крем-сода августа, малиновый закат,
прозрачно небо, сферы безотрывны,
песок и сосны, в небе звездопад,
сны неба дивны.
Река течет, и с ней искрятся дни,
еще нестройные, забывчивые в малом,
плывут меж нас невидимо одни,
под покрывалом.

Искрою света в ткань земли вжимаясь,
расправив небо, крылья опустив,
и криком ястреба загадочный мотив,
дымком из хижин тихо поднимаясь,
живет как выдох, вдох, шепча под утро "свет",
и ночью тенью снов рассеянно играя,
то яблоки твои крадет во сне из Рая,
то, лодку снарядив, плывет по Лете вслед.

Прозрачность снов, помноженных на ясность
осенних дней в их звонкой карамели,
где теплый свет в янтарной колыбели,
и первый снег, белеющий в причастность
объему слова, скомканного в шар,
земли инкогнито, не требующей знания,
где соль морей, ласкающих сознание,
как зов судьбы и новой жизни жар.

Ветер попутный из гавани призывая,
облака и небо в зернах граната
плыли, в паруса ветра пеленая,

корабли с глазами цвета заката.
Из морского прибоя во тьме явились,
пеной тысячелистника восставая,
колыбелью времени слыли, остановились
в оконных проемах рая.

Край неба чист, прозрачен и лучист...
И дни под солнцем медленно мерцают,
плывут вперед, и времени не знают,
как будто бы извне...И неба аметист
прозрачных сфер незримое сияние
направит вдоль, по водам без названия...
И жизни долгий цвет: узорчата, остра,
и радостна как с чистого листа.

До вечности всего лишь три шага.
Представим реку, Данте, все светила,
Движение которых освятила
Любовь, и светит, не спеша,
На нас, легка и белокрыла...
Офелия в реке, и платье тянет вниз,
Пусть будет спасена хоть в этот раз из риз,
И жизни жизнь верна, где все любовь покрыла.

Открыть окно, и завтра будет день,
Еще не званый, не рожденный свыше,
В течении речки звук небесный слышен,
В остывших водах утренняя тень
От лета прошлого, невинная пора,
Где дни немислимо быстры и скоротечны,
Как будто завтра будет бесконечно,
Как будто мир такой же как вчера.

ЕКАТЕРИНА ХИНОВКЕР

Красноярская поэтесса, врач анестезиолог-реаниматолог, ведущая подростковой поэтической студии «Чуть живые поэты», куратор поэтических фестивалей и слэмов. Автор книг «кин[ае]стетика», «Болезни роста». Публиковалась в интернет-издании «Полутона», журналах «Енисей», «Эмигрантская лира».

Угол

Если бы я могла
Влезть в перелом угла,
Стать остриём вовнутрь,
Угльную пыль
Вы-плю-нуть...

Я не могу.

Мы - нет?
Мы - да?
Иногда.
Временами.

Перебиваюсь снами.

Болезнь

Проснулся внутри пустоты
Без м(оя/ае)ты.

Внутри тишины.
По липким вискам/в виски проползали/лизали сны,
Выходили горлом слова с зелёной мокротой

Почему ты?
За что ты?

Нежность

Беззащитное в ракушечке рук
Тепло щек.
Можно ли быть слабее
Ещё?

Соль чужого дня на сухой губе
И слюна
В ложбинке судьбы.

Господи, я, конечно, тебя о таком не просила,
Но все равно спасибо.

А что я себя в зеркале не узнаю,
Вижу то чего нет,
Что пою — не пою — вою,
Что мне с собою невыносимо —
Так это неважно, Господи.
Это ведь даже красиво.

Спасибо тебе.
Спасибо.

ЛЮБОВЬ ЧЕРНОВА

Родилась в г. Ростове-на-Дону. Окончила Ростовский институт сельхозмашиностроения и Институт патентоведения в Москве. Выпустила сборники стихов «Август чувств» в 1998г, «Нахичевань на Дону» в 2008г, «Благодарение» в 2010г, «Лабиринты свободы» в 2021г. Стихи публиковались в альманахах: «Дом стихов: лучшее» – 2014г, «Георгиевская лента» – 2015г, «Наследие» – 2013-2019г, «Поэт года» – 2013-2016г, «Российский союз писателей» – 2017 и 2021г, "Антология русской поэзии" – 2018г.

Награждена медалью "Александр Пушкин – 220 лет". Победитель международного конкурса «Золотая строфа».

ТРИЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

С нашим двором по соседству, рядом
двор был весёлый детского сада –
с горкой песочной, с грядкой душистой...
Под узловатую старую вишней
в небо качели вздымались со свистом...

Тридцать четыре ребячьих сердечка
с солнцем дружили здесь звонко, беспечно.
Бомбы навстречу им яростно взвыли...
Тридцать четыре, тридцать четыре...
Чёрное облако пепла и пыли...

Тридцать четыре – разверстая яма
в тот же миг поседевшая мама.
Тридцать четыре... С обугленной вишни
чьи-то ребячьи свисают штанишки...

КУСТ УБИТОЙ СИРЕНИ...

Куст убитой сирени...
Неба вечный простор....
Верб обугленных тени,

чёрных воронов спор...
Вместо белого сада
глыбы пепла и смрада.
В ржавом горле колодца
задыхается солнце.

СНОВА НА КАРТЕ БОИ ОБОЗНАЧЕНЫ,

Снова на карте бои обозначены,
матери снова не спят,
снова в обнимку, как с новобрачными,
с ружьями парни стоят.
Родина, Родина, ты им не мачеха, -
«щедрость» свою усмири.
Падают мальчики, русские мальчики
в чрево ... не русской земли.

МАТЬ СЕРДЦЕМ ПРОТЕСТУЕТ...

Солдат - назад!
Пусть гнев твой пробуксует.
Назад-солдат!
Мать сердцем протестует.
Солдат - назад!
Смотри как сад бушует.
Солдат - назад.
Был в ярости и в суе
Иисус распят.
Солдат - назад!

ГЛАЗА ХРИСТА

Глаза Христа
глядят с креста
в мирян поспешные уста,
в мирян померкшие глаза
и увядающие души,

глядят всё глубже,
глубже, глубже,
и - усмиряются уста,

и – озаряются глаза,
и – воскресают верой души.

ПРОСНИТЕСЬ, ЛЮДИ!

Проснитесь, люди! Сердцем всем проснитесь!

Как в поле просыпаются цветы...

С любовью, с верой в небеса всмотритесь...

Довольно нам вселенских зол, беды,

Довольно нам всемирных катастроф...

Мир - жизнью дом, а не смертей острог...

Прах злобы, мести с сердца отряхните,

Прах фарисейства, ложной простоты.

Проснитесь, люди! Сердцем всем проснитесь!

Я С ВАМИ, ЛЮДИ, МИГ И НА ВЕКА

Я с вами, люди, миг и на века,

я – в пращурах своих, своих потомках...

Да не иссякнет вечности река

ныне и присно на земных дорогах.

Я с вами, люди, в золоте полей
хоть колосом одним – заветных строчек,
в смиренье ив, бунтарстве тополей,
в дыханье внука, в жарких красках дочки.

Я с вами, люди, кровью и душой,
своей мечтою, трепетной надеждой,
своею верой, пылкой и святой,
своею страстью, пламенной и нежной.

Я с вами, люди, воздаю мольбы,
чтоб этот мир под солнцем вечно был

ДАНИИЛ ЧКОНИЯ

Германия

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Родился в семье врачей. Рос в Мариуполе. Учился на филфаке Тбилисского университета. В 1973 году окончил Литературный институт им. М. Горького в Москве. С 1973 года работал консультантом правления Союза писателей Грузии, с 1975 года в Москве – консультант правления Союза писателей СССР по грузинской литературе. Затем – старший редактор Литконсультации

СП СССР, старший редактор редакции поэзии народов издательства «Советский писатель». В 1994-1995 годах – консультант аппарата Комитета Государственной Думы России по образованию, науке и культуре. С 1996 года живёт в Кёльне (Германия). Член Союза писателей с 1976 года, ныне – член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра. С 2005 года - главный редактор журнала «Зарубежные записки». В 2014 году вышел из состава редколлегии журнала. Автор 11 книг стихов и короткой прозы, многочисленных журнальных публикаций, а также переводов из грузинской поэзии и прозы. Активно выступает в качестве литературного критика. Публикации в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Сибирские огни», «Арион», «Нева», «Дети Ра» и др. Председатель жюри конкурса молодых русских поэтов зарубежья «Ветер странствий» (Рим, 2008-2012), председатель жюри Международного конкурса русской поэзии «Дорога к Храму» (Израиль, 2013), участник русско-грузинского фестиваля поэзии (Грузия, 2013), фестиваля поэзии имени Лобачевского (Казань, 2013), член жюри фестиваля «Эмигрантская лира» со дня основания по сегодняшний день. Лауреат премии Международного фестиваля русской культуры имени Чехова (Афины, 2007), обладатель специального диплома Русской премии за издание журнала «Зарубежные записки» (2010), лауреат поэтического марафона «Сокровенные свирели» (2014), лауреат премии имени В. Сирина (Набокова) 2015 года.

Ботинки сбивая, стираю булыжник Европы.
Стираю столетий незримые ныне следы.
Спаси эту жизнь от падения и катастрофы,
Даруй нам надежду глотком животворной воды.
Фронтоны и арки, и всадники в бронзовом свете,
И древние стены, поросшие вечным плющом,
И времени ветер, усталый от времени ветер,
И путник, укрытый суровым и мрачным плащом...
Послушай. Европа, пока оказалось не поздно,
И в жилах струится, как прежде солёная кровь,
Очнись, пробудись, и под небом пронзительно звёздным
Ещё устыдись, что презрела Господню любовь.
Я книгу столетий сегодня с тревогой листаю,
Отринь свою спесь и трусливость свою не таи
Сама от себя, ведь сбиваются варвары в стаю
И в жалкие толпы собьются народы твои!

ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

Не понимая ни хрена –
На том или на этом свете,
Прислушался: сопит жена
И дышат безмятежно дети.
С чего вскочил? Всему виной,
Что было принято неслабо.
Приснился дикий сон дурной
И сладкая чужая баба.
Ещё не кончился завод,
В башке – сумбурное уродство.
Сейчас будильник позовёт
На доблестное производство.
Жена проснётся – пригвоздит!
Ему б рюмашек пару-тройку.
И пусть по радио пиздит
Генсек про нашу перестройку.

* * *

воробьи сбиваются у луж
голуби целуются на крыше

солнышко распахнуто к тому ж
я с душой распахнутою вышел

пахнет воздух новою весной
вон щенки тряхнули головами
что случилось с ними и со мной
не могу я передать словами

за окном прошли снега
и пришли дожди
говорю я ни фиги
лучше подожди
сам с собой иду гулять
берег Рейна пуст
теребит речную гладь
ветер-златоуст
млечный свет на ней лежит
на речной воде
отражением дрожит
свет звезды звезде
и пока ты вдалеке
мною владеет грусть
за звездой на поводке
нехотя плетусь

Но как просилась ты в силки
Наперекор своей природе...
Я научил тебя свободе,
И – взмахи крыл твоих легки.
Лети, неласковая птица,
И падай в медленную высь.
Не оглянись: всё повторится.
Не повторится! Оглянись!
И – плавная – по повороту –
Истаиваешь ты во мгле.
Я научил тебя полёту.
А сам остался на земле.

МИХАИЛ ШЕРБ

Родился в 1972-м, в Одессе, окончил физфак ОГУ, с 1994-го – в Германии, окончил Дортмундский технический университет, работаю программистом, женат, сын. Публикации в журналах «Арион», «Дружба народов», «Крещатик», «Интерпоэзия», «homo legens», «ШО» и др.

Время новой побелки. Фасады деревьев в лесах.
Переходы аллея превратились в пещеры из карста.
В придорожных канавах вода застывает на царство,
От сверканья небес черви тьмы копошатся в глазах.
Это время ремонта. Стиранья примет и следов.
Избавленья от прежних помарок, потёков и пятен.
Многokrратно изученный парк стал опять непонятен.
Пряди мёртвой травы, словно лак, покрывает ледок.
Время чистых страниц. За эпохой посевов и жатв
Непрерывно приходит пора исправленья ошибок.
Друг за друга цепляясь, летят шестерёнки снежинок,
Или лица ушедших, спускаясь на землю, кружат.

Задевая синкопой, в грудную клетку заходит блюз,
В бар, где печень солодом сердце лечит.
А тишина – это напрасный груз,
Сбросишь её – и подниматься легче.
Измазан мазутом задумчивый слон небесный,
Пляшет на нём выводок звёзд-мышат.
Сиплые тростники поют печальные песни,
Звонкие одуванчики всех смешат.
Затихая, мелодия превращается в детский лепет,
И, обезболив не хуже, чем новокаин,
Плывёт над нами, словно невиданный чёрный лебедь,

Перебирая багровыми лапками.
Обопрёшься на локти, словно стена на сваи,
И поползёшь за музыкой, как за водой причал,
Словно это тебя сейчас из окна позвали,
Словно это твой голос, замешкавшись, отвечал.

Александру Чумакову

Я знаю, в моей Отчизне,
С которой – неразделим,
Свобода ценнее жизни,
И дети – важнее земли.
Открыта в груди калитка,
Покуда сквозь боль и гам
Былинкой летит молитва
К очам Её, к очагам.
Опухли глаза от соли,
В ушах угнездился вой.
Багровый цветёт подсолнух
Над бедной моей страной.
Течёт раскалённое масло,
Взрывается в воздухе жмых,
Но пепел погибших Клаасов
Стучится в сердца живых.
И трепетный свет субботний
Лежит на полях, как снег,
И правит небесная сотня
Течением дольных рек.

Бесконечно бредя сквозь арки,
Потерявшийся насовсем,
Я блуждаю, как ветер Харькова,
В лабиринте ослепших стен.
Сам хозяин своим рыданьям –
Их теперь не услышит никто, –
И от собственного дыханья
Мне уже не бывает тепло.
Встрепенусь на рассвете жаворонком,

Чтобы к вечеру стать совой.
Днём и ночью упорно и жарко я
Дискутирую сам с собой.
Не забраться к Богу под юбку мне:
Завернувшись в спираль, как моллюск,
Сам себя на руках убаюкиваю,
Над собой до утра не сплю.
Подбородок, колени, локти,
Голова, поясница, живот:
Словно я на ломти разломлен, —
Только каждая часть живёт.
Словно заново был раскрыт
И разрезан великой бедой.
Ты полей меня мёртвой водою,
Прежде чем поливать живой.

Рыхлила чернозём мотыгой
Весна, бесцветна и нема,
И пахли палубой отмытой
Знакомых улиц имена.
И облака под светлой кожей
Сворачивались, как творог,
Пока один и тот же дождик
Катался с горки с детворой,
Заметив рощицу на склоне,
Не прятался, не удирал,
Лишь пачкал о стволы ладони,
И о траву их вытирал.
Округу струями проткнув
И, почву до корней промаслив,
Белком вернулся он к желтку,
Поскольку так устроил мастер,
Чтоб, заполняя окоём,
Меж пропастью и небом шастать.
Мне доводилось быть дождём.
Мне доводилось ждать и жаждать.

Идёт война? Нет, перед нами стоит война.
Чаша с отравой, выпей её до дна.
Выхлебай залпом – сразу настанет смерть.
Или по капле – на год за день стареть.
Видишь, плывёт в пылающих небесах
Дерево-вишня на розовых парусах,
А понад ней, как белоснежный кит, -
Цел, невредим, – призрак Мрії летит в зенит.
Нынче у всех (людей) к небу задрана голова.
Что Вы сказали, принц? Я говорил слова!
Слово-глагол, слово-союз, предлог.
Так молоко русской речи свернулось во рту в творог.

Наяву – то чума, то война, то сума,
А закроешь глаза – и приснится деревня,
Там в траве у дороги пасутся волю-дома
И с котомками крон бредут по степи деревья.
В этом сне не звучат (не звучат, не звучат) голоса,
Не услышишь ни стоны, ни вскрика, ни слова, ни гула.
Только граблями струи ерошат траву – гроза
Угрожающе неба латунь над землёй прогнула.
В этом сне, обрастая (листвой и) корой,
Я истёк бы смолою востока,
И вязал бы янтарную сеть надо мной,
Паучок солнцепёка.
Я б надел муравьиную шапку-мигрень.
Сжав зубами разрубленный кабель,
Долго падал в свою же скорбящую тень,
Как засохшая ветка и камень.
В этом сне я бы смог (я бы смог) разложить под землёй
Упокоенных зёрен тела по полкам, батальонам и ротам,
И сумел напоследок взлететь медоносной пчелой
К переполненным сотам.

Это брат мой Каин, он по призванию – коэн.
Я всегда беспокоюсь, а брат мой – всегда спокоен.

Мы привыкли быть вместе – даже шагаем в ногу.
Я служу ему сторожем. Оба мы служим Богу.
Мы не ходим за стадом – ходят стада за нами,
Не гуляем в садах – чтоб они подавились плодами!
Не смогли бы жить в деревнях, городах, посёлках –
Там дома вдоль улиц стоят, как гроба на полках.
Мы вдвоём сидим весь день на ступенях храма,
А ложимся спать – так кладём под голову мрамор,
Потому что холодный камень под жарким ухом
Позволяет заснуть скорей, чем подушка с пухом.
Мы скучаем – пара актёров в пустом театре,
Нас тоска освещает – внезапно, как вспышкой – натрий,
В темноте исчезая неуловимым ниндзя.
Мы не спим никогда – еженощно друг другу снимся.
Лишь слеза по щеке стекает, жирна, как ворвань,
Брат всю ночь убеждает меня в том, что я не мёртвый,
Потому что смерть не живёт среди нас, евреев.
Я и сам под утро хотел бы ему поверить.

Мы всё знали, конечно, знали, просто
Выбирали проблемы себе по росту,
Проживая в созданной нами Валгалле,
Всё мы видели, только глаза закрывали.
А теперь нас – за шкуру и мордой тычут,
А теперь что ни день, то урон да вычет,
И, гляди, расширяется, постепенно
Подбираясь к сердцу, пятно гангрены.
Ладно б путь тернист – горизонт неведом!
Где, скажи, Просвещение, твоя победа?
Где твоё, Культура, стальное жало?
Ты дрожишь и жало своё поджала!
Мы б ушли с поверхности в катакомбы,
Но душа мощней водородной бомбы:
На Земле возникнет второе солнце,
Если мы вдруг не выдержим и взорвёмся.
Я полезен, как горка спитого чая,
Превращаюсь в зверя простищая –

Только шепчет, под лапой крошась, земляца,
Что неплохо б и ненависти научиться.

Пока недвижны облака,
И нежности прибор притих,
Течёт руки твоей река,
Впадает в устье губ моих.
По бледной коже в полусне
Бегут прогалины касаний,
Как будто выпал первый снег,
И тени раздвигают ставни.
Но снега нет. Его светлей
Храм ветра, что воздвигся выше
И острых копий тополей,
И облетевших за ночь вишен.
Отпив из колбы с тишиной,
Мы немоте невольной рады.
Стрекочут где-то за стеной
Стальных автобусов цикады.
День напролёт невольно ждешь,
Когда же будет тьма и слякоть,
И застучит по стёклам дождь,
Который не умеет плакать.

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида», «Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон», «Золотое руно» и др. В 2012 году вышла книга

стихов и прозы «На костре своих строчек...». В 2015 вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...». Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014 г., Лауреат премии «Герой нашего времени» 2015; Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г. Медаль журнала «Крещатик» 2015 г. С 2009 г. – Главный Редактор альманаха-ежегодника «Витражи» (г. Мельбурн).

ЧЕТЫРЕ АНГЕЛА

*«... Тувал-каина, который был ковачом
всех орудий из меди и железа...»*

Бытие

Четыре ангела пришли –
Так ходит зверь на мягких лапах.
Быть может, дождик моросил,
И трубный глас был хрипловатый.

Пусть сила ломит через край,
Но Первый Ангел – это золото,
И верх возьмет «купи-продай» –
Переступив тысячекратно

Иам и сям лютуем, лжем,
Но Ангел Бледный – жид пархатый.
И все срастется, все путем,
Пока евреи виноваты.

Всем ядам яд – зловещий гриб,
Где Ангел Третий впился в атом.

Когда мир только лишь возник,
Там корень смерти был упрятан.

И в каждом замысле большом
Четвертый Ангел правит верстку –
Природа, взятая в наем
В замену мышце и упорству.

Грех праотцев в мертвецком рву
На нас висит тяжелой гирей.
Клеймом у Каина на лбу –
Четыре ангела. Четыре!

Все громче, громче зов трубы –
Финальный кадр с надрывом сляпан,
Где в электронные гробы
Законопатят маму с папой.

Только память, и та урывками –
Что-то помнится, что-то – нет.
Просвистел я эдаким живчиком,
Не оставив заметный след.

Только память, но в ней отметина.
И не важно, где – юн, где – стар,
Но всегда любимую женщину
Возводил я на пьедестал.

Ни романа о том, ни повести,
(А достойно того вполне!) –
Как я бредил, какие почести
Воздавал я своей весне.

Перед нею, как перед иконою,
Был я искренним до корней –
Нечто древнее, нечто исконное
Просыпалось тогда во мне.

Чернокнижник рядом с богиною,
Позволявшей себя любить,
Каждой клеточкой, каждой извилиной
Трепетал от восторга – быть!

Иногда менялись их лица
И менялись их имена.
Лики Бога – всего лишь традиция.
Нет у Бога «Он» и «Она».

Где бы я на пути ни прижился,
С вознесенной на пьедестал
Я ничуть не угомонился,
Не отрекся и не предал.

И в последней своей странице,
И в в последних своих словах
Буду ей в забвении молиться –
В ненасытности, не за страх.

Инге

Это осень – гудят провода
Это осень – в слезах поднебесье
Пылкость лета ушла без следа
И паук свои сети развесил.

Бродит грусть, шелестит по углам
Расплетает косички из сплетен
Лето кончилось, выпранный хлам
Носит улицей умница-ветер.

Межсезоние – слякоть, дожди
По ту сторону главной приметы –
Обернется мокредь впереди
Бархатистостью бабьего лета.

Вечер длинный, пекутся коржи
Осень – время гулянки и пьянки

До зимы еще целая жизнь
И роса не траве спозоранку.

Возраст – не Дом отдыха бессрочный
Возраст – испытание на прочность
На разрыв, на растяжение, на сытость
На грехи, чтоб было шито-крыто
На коллегиальность дня и ночи
Возраст – титул в царстве одиночеств.
Возраст не о том, что плохо слышишь
Верный знак, когда никто не пишет
Держат на примете как умеют.
Вспоминают к датам, к юбилеям
Где теперь твой спутник, твой ровесник –
Знаешь сам – их адрес неизвестен.
Поболтать бы, но тяжелой глыбой
Лишь скупое – выбыл, выбыл, выбыл...
С ними как за тайною вечерей
Всем делились – хлебом и постелью
Шли колонной, залихватским строем
А венец – наедине с собою.
С глазу на глаз, без чинов и званий
И роскошный стол воспоминаний.

Надел кепарь, взял палку и собаку позвал
И пристегнул за поводок. Не думать про войну
Не выйдет – дулю с маком поймал
В попытке отмахнуться, обминуть...

Какая тишина, как будто грянул мор.
Подъем в шесть тридцать, ни минутой позже.
Не дай мне Бог упасть лицом в минор –
Восходит день, еще один, тревожный.

Буквально рядом с роковой чертой
Я знаю каждый штрих, каким он будет

До самой до последней запятой.
Я вижу – он расплывчатый, как студень.

Сосредоточиться хотя бы на момент.
Взглянуть со стороны на клочья бурой пены.
Бежать! Куда? Зачем? Взаправду ль перемен
Хочу я на краю своей вселенной?

Пошарить по сетям, уведомить, кто друг,
А кто таким навеки быть не сможет.
Все тоньше ближний теплокровный круг,
И лишь об этом червь сомненья гложет.

Что там насчет потом, если меня здесь не будет –
Тянет на перекося между добром и злом?
Или еще один вывалится из буден –
Повод очередной – встретиться за столом.

Кто-то исподтишка станет считаться славой.
Я свою долю забрал, заранее оговорюсь.
Кто-то всплакнет всерьез и будет, конечно, прав он.
Это тоже позиция. Пусть с перебором, пусть!

Поговорят – любил Зяма вино и пиво.
Женщин, добавлю, любил – истово, вдрызг, взасос.
Просто любил и все, красивых и некрасивых.
Эту любовь на борт в зиму свою пронес.

Не избежать суда – ни добряку, ни цинику.
Но, если выбор есть – с кем там, в конце концов,
Я попрошусь туда, где жарят метафизиков,
Душу продавших за – ненависть и любовь.

МАРИНА ЭПШТЕЙН

Приехала с семьей в Сидней из Харькова в 1979 году.

*По образованию филолог -
Харьковский университет.*

*Стихи пишу с детства. В Австралии
опубликовала 3 книги стихов.*

Сгорала спичка

Как может быть счастлива спичка, зажегшая пламя

Хана Сенеш

Сгорала спичка- невеличка,
Как надлежало еретичке,
Гордась своим недолгим веком,
И твёрдо знала, даже тля,
Что живо пламя Прометея:
Оно спасало человека.

Ей не нужны хвала и слава,
Аплодисменты, крики Bravo.
Она зажгла свечу надежды,
Как сёстры зажигали прежде.

На строчку Л. Филатова

Мир привык менять одежду.
Соревнуясь меж собой,
И всезнайки, и невежды
Увлекаются игрой.

Но когда игра для смеха,
Для веселья, без интриг, –

Это славная потеха
Для юнцов и пожилых.

Только нынче стало в моде
Не для шуток, а всерьёз,
Чтобы только быть в почёте,
Шить одежду под запрос.

Вот иной, прикрывшись маской, –
Хоть кричи, хоть плюй в глаза,
Пусть прилюдно, но с опаской
Поднимает лозунг ЗА.

Тот беснуется безмерно,
Тот играет в молчуна.
Мал кафтан иль безразмерный,
Только жизнь... она важна.

В сундуках полно одежды.
Ту, что надо, выбирай.
Та, что нынче, та, что прежде,
Пригодятся на раздрай.

Что же делать тем немодным
В старомодном сюртуке,
Как изгнанники, безродным
С чемоданчиком в руке?

Расшалилась осень

Расшалилась осень золотая:
То грустит со мною, то играет.
Мне в лицо бросает горсти листьев
И рисует мир волшебной кистью.

Елку молодую на опушке
Разодела в яркие игрушки.
А листва сухая вся в шуршанье,
Словно шепчет что-то в оправданье.

Ласково прощается с погодой,
Зеленью и ясным небосводом.
Золотом приветливо качая,
Вскорости вернуться обещает.

В сослагательном

В сослагательном выглядит как-то иначе
Всё, о чём ты мечтаешь и изредка плачешь.
То, что кажется призрачным, недостижимым,
Что до боли, до боли сердечной хотим мы.

Это Бы ... так нам хочется верить в надежду,
Примеряя весёлые чудо-одежды,
Сослагательно краски к себе применяя.
И реальностью видится дума шальная.

Вы не думайте, что сослагательность – глупость
И её обещанья – стекольная хрупкость.
Это ЕСЛИ веками зовётся мечтами
И усеяно сплошь неземными цветами.

А мечты иногда да умеют сбываться
И, внезапно подкравшись, светло улыбаться.
И тогда сослагательно странные замки
Вдруг из пешек выходят в реальные дамки.

Эффект философа Дидро

Дидро купил себе наряд.
Он был красив невероятно,
Но дом теперь глядит отвратно,
Хоть в мусор бросить все подряд.

Пришлось купить столы, ковры...
Дидро сменил все остальное.
И вот сознание больное
Им овладело с той поры.

Одно к другому не идёт.
То прикупил, то переделал.

И этой страсти нет предела.
Вот так философ и живёт.

Вот и меня попутал бес:
Купила сумочку и платё –
Должна немедленно признать я:
Нужны мне туфли позарез.

Но и без шляпки не могу,
И приглянулся новый пояс.
Духи,серёжки, бусы... то есть
Я покупаю, хоть в долгу.

Кому во вред, кому в добро
Эффект Дидро.

Я давно хотел щенка

Я давно хотел щенка.
Мама мне не позволяла,
Говорила, места мало
И что рано мне пока.

Мы решили с папой все:
Ничего не скажем маме.
Купим мы собачку сами –
Ей в подарок принесём.

Мама так удивлена!
Назвала нас хитрецами,
Но счастливыми глазами
На щенка глядит она.

Я остался не у дел.
Мой щенок – он мамин вроде.
По пятам за нею ходит...
Это ж я его хотел!

ΠΡΟΖΑ
ΑΖΟΡΠ

ЕФИМ ГАММЕР

Поэт, прозаик, художник. Закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 20 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству.

Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Латвии, Дании, Финляндии, Украины: «Литературный

Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Кольцо А», «Белый ворон», «Новый журнал», «Слово\Word», «Русская мысль», «Литературная газета», «Российский писатель», «LiteraruS – Литературное слово», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Урал», «Сибирские огни», «Север», «Настоящее время», «Новый берег», «Дальний Восток», «Русское литературное эхо», «Новый свет», «Кругозор» и т.д. «Золотое перо Руси» 2005, 2010. Живет в Иерусалиме.

ДВУЛИКАЯ БОЛЬ СЧАСТЬЯ

(на фоне эпидемии коронавируса)

1

КАНУН КАРАНТИНА

Что такое старость? Это когда не перед кем уже похвастаться своими успехами.

Так размышлял Ром, понимая, что хвастаться ему не перед кем, хотя старости не чувствовал. да и какая старость, если ноги по-прежнему носят, в кармане не дыра, размером в кулак, а пластиковая «Виза» с материальным обеспечением на пять тысяч шекелей.

И все же, почему старость? По той основной причине: не перед кем похвастаться своими успехами. Новый репатриант! Ни друзей, ни родственников! А то, что по еврейской кодировке бабушка в наличии, так и её в живых тьму лет не видел. Последний раз виделись на свадьбе. Не бабушкиной, разумеется. На собственной. Но потом не заладилось. Не с бабушкой, понятно, – уехала в Израиль, сразу как открылась дорога. С женой не заладилось. Она тоже настроилась на Израиль. И — развод, слёзы, вспышки глости: «У тебя такой шанс, а сидишь здесь,

хорошей погоды ждёшь! Дождёшься, когда метлой погонят. Помяни моё слово, сразу после Московской олимпиады сделают от ворот поворот!» Однако пропустить «домашнюю» олимпиаду, ему, спортивному журналисту, притом «невыездному», ну никак не возможно. Нужно быть сумасшедшим, чтобы кинуться в Израиль, который отказался от участия в играх, когда здесь, в Питере, наклёвывается командировка в Москву, и пиши – не тушуйся, преодолевай шторма конкурентной борьбы за оперативность.

Рванул в Москву, сверкнул в двух-трёх репортажах, но собкором в «Советский спорт» не взяли, хотя предварительно обещали, а затем всё поутихло, шторма прошли стороной, вслед за удачей, которая мелькала на горизонте. Мелькала, мелькала и погасла, наделив сердце горечью, а душу какой-то гнетущей пустотой.

Что это? Умом не воспринять! Впрочем, ум и душа – понятия несоединимые. Другое дело, ум и жизненный уклад, душа и любовь.

Другое дело, да, другое...

Задумаешься тут. Дело другое, а дела на самом деле никакого нет, и не предвидится. Новый реп курсы иврита, гуляя по улицам, можешь заглянуть и в ресторан – карман позволяет. Но смешно сказать: карман позволяет, а настроение артачится: какой к чёрту ресторан, если там не пьют под оркестр, а лишь кормятся от пуза, как в заводской столовке. Гримасы Израиля? Они самые. В анфас и в профиль. Соблазнишься вывеской, зайдёшь. «Вам что подать?» А посмотришь кругом: на столах тарелки, за тарелками чавкуны – ам-ам, вкусно нам! – и ни одной бутылки водки, ни одного пьяного, выясняющего отношения с напарником по чревоугодию. Скукота, а ещё ресторан. А ещё с вывеской «Ган эдем», «Райский сад» в переводе.

Но к чему перевод? И без лексических упражнений ясно: здесь просто перевод денег, без всякого размаха, и пусть сто раз – ам-ам, вкусно нам! – сознаёшь: самые блистательные шедевры кулинарии переводишь всего-навсего на фикальную массу. Противно и поучительно. Но в полном соответствии с жизненным предназначением. Разве не так? Представь себе, мнилось, какой ты замечательный журналист, что ни статья – шедевр. А со временем доходит и до тебя невосприимчивая прежде злобная шутка старых коллег-борзописцев: утром в газете, вечером в клузете. Бр-р-р! Хошь – не хошь, а напьёшься для облегчения. И здоровье пойдёт на поправку, и больше здравого смысла появится в жизни. А то крутится – вертится, крутится – вертится, и всё – замкнутый круг. Ни начала, ни конца. Проще говоря, начала не помнишь, а конец?

Спасибочки, о нём и думать не хочется. Пусть о нём думает коронавирус. Говорят, подкрался из Китая уже и в Израиль, вот-вот объявят карантин, и сиди дома – не высовывайся наружу. Лучше шажок туда, шажок сюда, и впритык к Русскому подворью выискать входную дверь, за ней питейное заведение. Глядишь – вот тебе витрина разномастных бутылок, вот тебе стойка, а вот и смешливый бармен с моноклем в глазу, глянцевым котелком пушкинского фасона на голове и с наводящим вопросом во рту.

– Русит?

– Из Питера.

– Водки?

– До краев.

– Нервы?

– Депрессия.

– У новичков, наоборот, эйфория. И без лишней опаски от встречи с заморским вирусом. Мол, израильская медицина, как русский балет, впереди планеты всей.

– Ладно вам! А с какого это пригляда я новичок?

– Иначе были бы давно знакомы.

– Познакомиться не поздно и сейчас.

– Грошик.

– Ром.

– Это в честь пиратского застолья?

– Чего-чего?

– Пятнадцать человек на сундук мертвеца. Йо-хо-хо, и бутылка рома.

– Пей, и дьявол тебя доведет до конца. Йо-хо-хо, и бутылка рома.

– Споём в унисон?

– Да ну тебя, лучше приткнусь куда в закуток, посижу, подумаю.

– Водку не забудь, в самый раз для подпитки мысли.

А что? Ничего! За столиком довольно уютно. Рюмку опрокинул.

Поднесли вторую, а на закуску мяса и салатик. Вилочку подложили слева от тарелки, ножичек справа – культурные, будто из Питера! – и вдобавок сказали: «Спасибо, что зашли. Приятного аппетита!». Чудеса, да и только. Денег не попросили, о платежеспособности не справились, а говорят «спасибо». И кто? Девчушка лет двадцати, не больше, если не меньше. Вроде бы израильтянка, но говорит по-русски, правда с акцентом.

– Русит?

– Родилась в Израиле.

- А говоришь...
- Все говорят, и я говорю. Без разговора на софа русит – русском языке – Грошик на работу не берет.
- Посетители... все на подбор русит?
- Тут же водка прямиком из России. Тебе нальёшь, мне нальёшь, и сразу все ахим – братья.
- Пьёшь?
- Даже не пробую.
- Чего же водку нахваливаешь?
- Пирсом – реклама в переводе с иврита. Ты в первый раз, значит, нужно увлечь, и будешь у нас завсегдааем. Так правильно сказать по-русски?
- У тебя всё правильно. Ты чисто бальзам на душу.
- Рижский бальзам?
- Нет, это я к слову.
- А я подумала. Ты ищешь кампанию, потому меня и назвал под свое имя. У тебя алкогольное – Ром. И мне дал алкогольное – Бальзам. Шми – моё имя, на самом деле, Галит.
- Галя?
- Можно и так. Всё одно в переводе на иврит – волна, как поймут обычные израильтяне. А ты Ром, в честь пиратского алкоголя?
- Полное имя – Роман. Но в Израиле, мне сказали, не стоит им пользоваться. Потому что Рома – это Рим на иврите, и напоминает о римском владычестве.
- Выходит, ты историк?
- Журналист.
- И я журналист.
- Где? Здесь, за стойкой?
- И здесь. Как не догадываешься, тут самый живой материал забегает.
- Набегает!
- Принимаю редакторскую поправку, набегает. Подчас и в нетрезвом виде. Но всё равно, разговорчивый.
- Как я?
- И ты разговорчивый.
- У меня депрессия.
- А у меня экзамены на носу. Нужно сдать для зачёта в универ материал о новом репатрианте с давними корнями в Израиле. У тебя есть корни?
- Были. Но давно обрублены.
- Холокост?

- И Холокост, и... Бабушка Мария пережила Холокост в гетто, а потом, как появилась возможность, уехала в Израиль. Здесь и похоронена.
- У нас в Иерусалиме?
- У вас, у вас, но не нашёл могилки. Ходил-ходил, сплошь иврит на надгробьях, а где русский язык, и там не нашёл имени Мария.
- Не спрашивал у смотрителей?
- У них тоже в голове иврит, а в записях – смотрели в кладбищенскую книгу! – и... смотришь в книгу, видишь фигу, без всякого намёка на имя моей бабушки.
- Оно и понятно, Мария!
- Яснее нельзя?
- Чего яснее! Тут у нас каждого переписывают на еврейский лад. По желанию, конечно. Мария на иврите Мирьям. Могу предположить, что твоей бабушке вручили тедаут зеут – удостоверение личности – на имя Мирьям. Так, если не перевернуть историю, звали по-настоящему и маму Иисуса Христа.
- Скажешь...
- Скажу и добавлю: моя машина под боком, садись и поехали. Ты найдёшь бабушку, я материал для зачёта по журналистике.
- А Грошик?
- Грошик найдёт постоянного клиента. Я правильно говорю по-русски?
- Правильно.
- Чудо чудное, диво дивное, но, как оказывается, ключик к решению загадки лежит в области элементарного незнания местных условий жизни. Хуже, когда такое незнание доводит до неба в клеточку. Впрочем, пока что небо смотрится отлично, ни в клеточку, ни в линеечку: солнышко светит, асфальт покладисто ложится под колёса. Раз – два – три и выезд из города, поворот налево, чуть дальше направо и стоп машина – приехали: кладбище, служебная конторка, светящийся экран компьютера и вопрошатель-очкарик, матёрый знаток местной географии.
- Имя-фамилия?
- Мария Гольд.
- Иврит, рак (только) иврит.
- Они оле хадаш. Я новый репатриант.
- Ми иторген? Кто переведет?
- Галит.
- Бавакаша. Пожалуйста.
- Мой старший друг ищет место захоронения своей бабушки Марии Гольд, по-израильски Мирьям Захав.

Да, великое дело – иврит! Пару слов, и кладбищенский лабиринт уже не «терра инкогнита», а исхоженная вдоль и поперёк земля с путевыми указателями, ведущими на участок восьмидесятых годов. Теперь и без провожатых несложно добраться до искомой могилки.

Каменное надгробье. На нём слова памяти и любви.

– Галит! Что тут написано?

– Дорогая Мирьям! Ты остаёшься жить в наших сердцах. Мишпаха – семья Коль. Хава, Михаль, Галит.

– Постой, постой! Откуда здесь твоё имя?

– Здесь и мамино имя Михаль.

– А оно откуда?

– Это надо спросить у бабушки.

– Какой бабушки?

– Бабушки Хавы, по-русски Евы.

– Которая Коль? Мою первую жену звали Ева, но фамилия у неё была моя Кольман.

– Укоротили и перевели на иврит. Коль – это голос по-нашему.

– Так это же...

– Сюрприз? Так правильно говорят по-русски?

– Скорее, чудеса Земли обетованной!

– Да, чудеса, не иначе. Не думала – не гадала, что иврит и до дедушки доведёт.

– А я и не знал, что Ева беременна.

– Лучше позже, чем никогда, дедушка! Как я рада, что ты живой!

– Боже! А нельзя ли Еву увидеть сейчас?

– Соскучился?

– Ещё как! 40 лет, и ни одной свиданки, – деланно пошутил Ром, хотя и не испытывал никакого шутивого настроения.

– Ну, если соскучился... тогда... Давай, деда, сделаем и бабушке сюрприз.

– Каким образом?

– Самым элегантным. На русский лад, но с еврейским уклоном.

– А проще?

– Чего проще? Послезавтра годовщина смерти твоей бабушки Мирьям.

Мы всегда всей семьёй приходим сюда. Свечи зажечь, камешки положить на камень памяти. Вот и ты приходи. Придёшь?

– Прибегу!

Всё так удивительно и неожиданно, но поразительно, насколько вовремя. Словом, спасительный нож хирурга при внезапном воспалении аппендицита.

– Только не доводи бабушку Хаву до инфаркта, – Галит игриво погрозила пальчиком.

– Постараюсь. Валидол на всякий случай прихвачу.

– Ну, тогда, как у вас говорят, вперёд с песней.

– И с валидолом.

– До послезавтра!

Но завтра объявили карантин по всему Израилю. Из дома более чем на сто метров выходить не разрешено. Сиди дома, и смотри телевизор, если есть хоть толику настроения для этого. А нет, спасайся иначе. Лучше всего... Нет, бутылка не подходит, книга тоже. Остается жить в самом себе и размышлять, куда такая жизнь доведет? Хотя не проще ли обратиться к истокам, и разобраться, как ты дошел до этой жизни.

2

НА ПРОВОДЕ ТЕЛЕФОННАЯ ПОМОЩЬ

– Ты в карантине?

– А ты?

– И я в карантине.

– Чего же звонишь, подруга?

– Для поддержки.

– Штанов?

– Духа.

– Не понял.

– Чего не понять? На проводе телефонная помощь! Врубись и откликнись.

– Ау!

– Брось дурацкие шутки! Пойми, люди в унынии, без общения и выхода на улицу. Того и гляди кто-либо из них руку на себя наложат. А я наоборот, не накладываю, а протягиваю руку помощи. Так сказать, психологически воздействую на иммунную систему. Поговорим?

– О чём?

– Да хоть... Ты же выходец из Союза. Самые подходящие темы: о Сталине, о космосе, типа мы впереди планеты всей, о космических пришельцах и обо всем вокруг, что на ум придёт.

– Значит, о предназначении.

- В точку. С этого и начнём. Представляешь? Он на один сантиметр ниже меня, но это не помешало ему подняться выше.
- О ком это ты?
- О ком, о ком? О Сталине! Метр шестьдесят два, а, гляди же, махнул!
- Может, не в размерах суть? Подумай.
- Я подумаю.
- Но не клади трубку.
- И не подумаю.
- А с Тютчевым тебя ничего не роднит? У него тоже метр шестьдесят два.
- Кроме роста?
- Кроме.
- Стихи.
- Как я не догадался?
- Без иронии! Факт есть факт. Он писал «Я встретил вас». У меня «А я тебя не встретила еще».
- Конкурент...
- Кто?
- Тютчев.
- Я и не догадывалась.
- Он тоже. Но не тебе конкурент. Сталину!
- Не врешь?
- Зацени! У Тютчева: «И жаворонки в небе уж подняли трезвон». У Сталина, по молодости лет: «Пел жаворонок в синеве, взлетая выше облаков».
- Во времена репрессий не обратили внимания?
- Его жаворонок был уже не актуален в связи со смертью поэта. А вот в 1921 году обратили внимание на другого жаворонка, народившегося в стихах Николая Гумилева. «Ты жаворонок в горной высоте», – писал он, обращаясь к Марии Левберг.
- И?
- Такое внимание дорогого стоит. Иногда и жизни.
- Но ведь не за жаворонка?
- Приписали антибольшевистский заговор. Но потом, через 70 лет, когда рассекретили архивы, оказалось, что дело полностью сфабриковано сотрудниками НКВД.
- Реабилитировали?
- Поэта реабилитировали.
- Но жизнь... жизнь дважды не дается.

- А дежавю?
- Это не о прежних жизнях. Просто психическое состояние, будто это уже видел.
- Иногда и пережил.
- Допустим, если не предрассудки. Но где реальные примеры, неопровержимые, как дважды два четыре?
- Сходи на прием к Ричарду Вертеру, там и получишь доказательства.
- Кто он, не секрет?
- Знаменитый врач-гинеколог.
- Понятно!
- Ничего тебе не понятно! Поэтому я чуть-чуть искажил фамилию, а то и впрямь соблазнишься.
- Тогда дай понятие.
- Помогает пациентам вспомнить о прежних жизнях. Как? На основе событий и травм, которые путем инкарнации проявляют себя сейчас в виде спонтанных воспоминаний. Теперь понятно?
- Ага! Врач-гинеколог. Обрабатывает женскую клиентуру с травмированной психикой. На основе потерянной девственности в прошлой жизни. Будто в этой не потеряют.
- Мужики тоже готовы пройти у него обработку.
- Само собой, если на предварительном осмотре им деликатно намекнули, что раньше они были женщинами.
- Глупости! Я сам у него побывал.
- Результат?
- Выведал о прежней реинкарнации.
- Да ну?
- Гну! И никаких проблем!
- Поддубным был, что ли?
- Не Иваном Максимовичем, но цирковым борцом точно!
- Значит, мне рассчитывать на туше, когда встретимся?
- На лопатки я тебя уложу и без цирковых приемов.
- Лучше продолжим словесную дуэль. А то у меня принципы в отношении борцовских захватов.
- Тогда вспомни, кем ты представлялась сама себе, когда в раннем детстве смотрела в зеркало?
- Трудно сказать – кем? Мужчиной в шляпе.
- Выходит, дело в шляпе и мы на верном пути?
- О верном пути не скажу, но... Однажды малолеткой я надела папину шляпу и посмотрела в зеркало, чтобы покрасоваться. Честно сказать,

увидела не себя, а другого человека, но с моими глазами, лет сорока. Засело это в моей памяти, и, надо было такому случиться, что после прочтения книги Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», мне попала в руки книга Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби».

– Кстати, именно ему принадлежит крылатая фраза: «жизнь – это коллекция несчастных случаев».

– Знаю. Но тогда не знала, отправляясь в библиотеку. И что? Видел бы ты мое изумление, когда я раскрыла его книгу с портретом. С внутренней стороны обложки на меня смотрел тот самый человек в шляпе! Тот самый! Тот, кого я видела в зеркале, когда мне едва исполнилось семь лет.

– Семь лет – самый благодатный возраст, чтобы вспомнить, кем был прежде.

– Откуда тебе это известно?

– Из практики. У меня тоже вышел такой фокус. Нашел в старом сундуке с двойным дном желтеющие от времени фотки. Предки спрятали, должно быть, еще при Сталине, да забыли о них. На одной – это был богатырски сложенный мужчина в борцовском трико – я внезапно признал самого себя. Бабушке показал, а она сказала: это ее папа. Как это ее папа, когда это я? Как? Да никак! Я, и никаких гвоздей, как сказал бы Маяковский по такому случаю! Но кому докажешь?

– Только самому себе.

– Себе и доказывать нечего. Мне все доказали обычные сны.

– Прадед явился во сне?

– Не то, чтобы явился. Явились какие-то люди с винтовками, арестовали. Потом снился суд. Доказывали, будто я чей-то шпион. Что да почему мне не по мозгам – пацаненок! Но из идиотских доказательств выходило, что если я на цирковом чемпионате мира боролся с какими-то иностранцами, то автоматически превращался в агента вражеской разведки.

– Расстреляли?

– Это мне не снилось. Бабушка говорила, что после ареста папу больше не видела. Хотела бы узнать подробности, но...

– А ты не рассказывал о своих видениях?

– Рассказывал. Но она плакала, пока я рассказывал. И... вот странность, через одну-две ночи прекратились эти сны. Словно папа ее не захотел больше расстраивать дочку. Ведь старенькая уже была, вдруг сердце не выдержит?

– Отомстить не хотелось?

- Кому?
- Доносчику, например.
- Чтобы жить по-Сталински?
- Поясни.
- Насладиться неотвратимостью мщения, а затем пойти отдыхать.
- Его слова?
- Слова его, а музыка...
- Только не говори – народная.
- Я и не говорю. Но под эту музыку все плясали. Да и попробуй не спляши – шахсей-вахсей! В годы Большого террора, да будет тебе известно, расстреляно свыше миллиона человек, а в ГУЛАГ брошено сорок миллионов.
- Цифры не с кондачка?
- Так писали при Хрущеве в газетах, видел в подшивке. А нет, так спроси у своего прадеда. Он тоже на лесоповале не прохлаждался. И до отказа прочувствовал вкус сталинской фразы: «лес рубят – щепки летят».
- Не встречались ли наши прадеды на пересылке?
- Кто знает?
- Кто знает, тот теперь не скажет. Время и его не пощадило. Но ты узнать можешь.
- Каким же образом?
- Сновидческим.
- Мне такие сны больше не снятся.
- Это до нашего разговора. А после... считай, время пришло.
- Так что...
- Утро вечера мудренее.
- Тогда до завтра.

3

СВЯЗИ ЗЕМНЫЕ И ТЕЛЕНЕБЕСНЫЕ

Единственная связь с миром – телевизор. Но, понятно, односторонняя. Нажимаешь на кнопку пульта, экран выявляет Марка Твена. Он жизнеутверждающе сообщает:

– Я был мёртв миллионы лет до рождения и не испытывал никаких неудобств.

Спасибо за откровенность. Сказал бы заодно, испытывает ли неудобства после реальной смерти.

Но фильм окончен. Переключайся на другой. На затухающей волне скрипичной мелодии закадровый голос:

– Николо Паганини считал, что способному человеку завидуют, талантливому вредят, а гению мстят.

А что нам предлагают здесь, на третьем канале?

– По версии Ван Гога из одноименного фильма Иисус сказал: «Отверните глаза от видимого, посмотрите на невидимое».

Рекомендация полезная. Но инструкции к ней не прилагается. Не Ноев ковчег. Ною были даны божественные предписания по закладке судна: длина 300 локтей, ширина – 50, высота – 30. И пояснение: один локоть равен 52 сантиметрам. Что? Не верится? Не было тогда и в помине сантиметров? Не было, и не нужно. Тем более, что тут же с экрана лезет вообще непреодолимое мозгом сообщение: Ноев ковчег был в форме пирамиды, а не привычного нашему глазу корабля.

Как так? А так! Об этом якобы сказано в найденных отрывках из Кумранских рукописей.

Рукописей не показывают, а говорят, зная, что у зрителя нет возможности возразить. Да и как возразишь? Самоизоляция! Кстати, вот и про неё, и тоже из художественного фильма.

– Бойся самоизоляции, выпивки и женщин.

Какие женщины в самоизоляции? По уточнённым медиками данным, к ним нельзя приближаться меньше чем на два с половиной метра. А к мужчинам? К ним на расстояние ударного кулака, слишком нервными стали.

За примером далеко ходить не приходится. 13 мая у входа в израильскую больницу «ШИБА» был застрелен некий молодой человек характерной восточной внешности. Охранники потребовали надеть предохранительную маску, прежде чем пропустят его в фойе. Но посетитель выхватил из кармана не маску, а нож. Один удар, второй, проникающее ранение, крики ужаса, кровь на мостовой и роковой выстрел.

Дело запахло порохом.

Террорист ликвидирован, как подумалось охранникам. Но родственники нападающего считают, что он никакой не террорист, а просто больной человек, пришедший на приём к врачу.

Однако зачём при походе к врачу брать с собой нож? Об этом молчок. И, действительно, зачем об этом говорить? Об этом по желанию можно только догадываться. Впрочем, время такое, до упора насыщенное всяческими аномалиями, что остаётся только догадываться.

О чём? Да о чём угодно! Самоизоляция! Сам с собою наедине. Кто тебя посетит? Кто придёт в гости? Разве что свежая мысль. Вот-вот – мысль. Утешай себя, что и она женского рода. И соблазни её с намёком на творческое соавторство: «Сижу один, мечтаю за двоих».

4

ДУШЕВНЫЙ РАЗДРАЙ

Разрозненные мысли...

Но однажды наплывает ясность мышления. Вроде бы в прошлом роилось одно – только творчество, только оно. Это главное. То главное, что ведёт по жизни и, казалось бы, возводит к истинному пониманию. Но на подступах к истинному пониманию «Что Такое Жизнь» внезапно обнаруживаешь себя запертым в четырех стенах плюс диван, простыня, подушка, и с ужасом догадываешься, не с кем поделиться нахлынувшими догадками о смысле и предопределении, о предназначении человека. Кругом пустыня. А если и встретишь кого – не достигим он для дружеской на полтонах беседы, приходится кричать, как на плацу, ибо преграда между вами в два с половиной метра воздушного пространства, якобы не заразишься. Пойдёшь в магазин, законным путем на расстояние ста метров от дома, и под законной маской-намордником. У входа приставят тебе ко лбу пистолет пластмассового типа, нажмут на спусковой крючок и заодно пояснят:

– Проверка температуры.

– Годен? – автоматически спрашиваешь, как на медосмотре при наборе в армию.

– Проходи! Следующий!

Следующий – за твоей спиной. Потеет, паразит, чувствительно, но на безопасном расстоянии, именуемом ныне социальным дистанцированием. Подозрительно переминается с ноги на ногу, будто из штанины хочет незаметно выбросить отвратительного вируса.

А ты? И ты начинаешь немного подрагивать, опасаясь дыхания сзади, столь же устрашающего при сорока градусах, как и свинцовая пуля.

Однако нечаянное упоминание о градусах как-то незаметно сворачивает с проторенного карантинного пути-следствия и устремляет – следует уточнить, не преднамеренно – к винным полкам. Лучше сорок градусов ощутить нутром, чем затылком, и очистить себя от заразы старым испытанным способом. Иначе страдать от душевного раздрая и день, и другой. Заодно и перепроверять себя на уровень внедрения в лёгкие

подозрительного дыхания соседа по очереди. Надо бы краем глаза взглянуть, куда он направился, чтобы невзначай не пересечься повторно. Нет, он в мясной отдел. Ему водка чуть ли не питьевая отравка для бесперебойно работающего желудка.

Ну и чудак-человек! Не дорос до наших присловий: «Водка – гадость, водка – яд, но сто грамм не повредят». Вот и пугает посторонних людей капельками коварной росы из мокрого рта.

Что взять? «Финскую»? «Абсолют»? Э, нет, возьмём по привычке «Столичную». Возьмём-то – возьмём, это не заржавеет. Но как? Голыми руками опасно. Вдруг её лапал какой-другой ухажёр с неустановленным диагнозом?

Голыми руками – не могли. Но не зря ведь на приколке дожидается твоего внимания кипа пластиковых пакетов. В один легко заходит пятерня, в другой бутылка. И ходи как бы в перчатках, посматривай по сторонам, выискивай заманчивые для застолья вкусы. Но самое основное, сторонись тех, без общения с кем раньше жизни не представлял. Людей! Сторонись – не сторонись, но не у всех столь предосудительные мысли в голове. Вот у этого в смастерённой из цветного носка маске и с задумчивой миной на хмуром от незнания иврита лице, таких мыслей не обнаружишь и под микроскопом. Крутит в руках, голых руках – приметьте слабинку его медицинской подготовки – винную бутылку вишневого цвета и спрашивает:

– Это сухое?

– Написано – «хеци».

– На каком языке?

– Иностранном.

– Не хохми!

– На языке Бялика.

– А на языке Пушкина?

– Если Бялика перевести на Пушкина, то «хеци» по моему разумению «наполовину».

– Ага, полусухое, значит.

– Значит... А ты откуда?

– Из Питера, вестимо. Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.

– Чего рубит?

– Капусту, друг ты мой ситный. Кстати, хороший закус, когда из просоленной бочки. Не вдарить ли нам по наркомовской норме заради знакомства?

– После карантина в охотку. А сейчас...

- Ладно, не гонюсь в кореша. А где тут касса?
- Выйди к мясному отделу, и налево вдоль по Питерской.
- Налево мы завсегда можем. Бывай, земля!

И отвалил. Вместе с микробами, если были при нём. А ты? Ты поправляешь маску на лице, проводишь указательным пальцем по внешней её стороне: не влажная ли от чужого дыхания? Вроде бы пронесло. Сухо, как в горле. Вот бы газировки сейчас хлобыстнуть! Но маску не снимешь, бутылку без резиновых перчаток не откупоришь – а вдруг и на пробке вирус гуляет? И думаешь, скорей бы домой, под надзор закрытой на замок двери, чтобы термометр под мышку, глаза в теляцки, и жить в тоске, поживать в одиночестве, предварительно освежив горло и мозги чистой как слеза.

А на свежую голову и свежие мысли. В особенности под надоедливые радионовости о выборах-перевыборах, карьерных соображениях и намечающихся назначениях на министерские посты. Спорят, ругаются, будто и не догадываются: Матушка-Земля уравнивила в правах всех, живущих на её поверхности, от самого-самого до Самого-Самого. Каким образом?

Очень простым. Доказательно пояснила коронавирусом, что у человека по большому счёту есть только одно-разъединственное право. Право на жизнь. Во всём остальном человек – не более, чем импровизатор, хотя для этого не обязательно быть джазистом. Повезёт ему, выбьется в крупные боссы, не повезёт, будет страдать в нищете. Но жизнь при этом остаётся с ним, как и надежда на удачу, как и осознание того, что для Матушки-Земли все люди равны между собой.

Иначе и быть не должно!

Казалось бы, чего проще?

Но нет! Из поколения в поколение люди этого не понимали. Поняли теперь? Вряд ли. Пройдёт пандемия, и жизнь покатится по старой колее, от войны к войне, как после смертоносной «Испанки» в 1920 году. Тогда не досчитались свыше 50 миллионов человек, в разы больше чем на Первой Мировой. Но это не остановило нашествие Второй Мировой войны. А может, каким-то мистическим образом и предопределило? «Вам нравятся жертвы, их есть у меня!».

Намёк красноречивый. Но не будем заглядывать в будущее – справиться бы с настоящим! – но вникнуть в смысл путевых знаков необходимо. Коронавирус побуждает к этому. У микроскопического змеёныша, увенчанного короной, имеется загадочное свойство: заставляет усиленно жить, не сходя с места, в самоизоляции. А как? Это уже не коронавирусу

решать. Хоть прыгай по телеканалам, хоть глотай книги, хоть придумывай варианты встреч с инопланетянами, размышляй о потусторонней жизни, а то мечтай о параллельных мирах или вспоминай о первой любви.

5

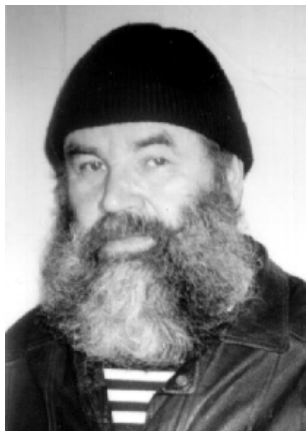
ТЕЛЕФОННАЯ ПОМОЩЬ – ВТОРОЙ ЗАХОД

- Доброе утро!
- И тебе того же.
- Ну как? Выспался?
- Еще зеваю.
- Брось! Займись полезным делом. Вспомни, что приснилось.
- Разумеется, ты, краса ненаглядная.
- Меня интересует реинкарнация.
- В допотопной жизни мы были семейной парой.
- Глупости! Я за тебя не вышла бы и в допотопной жизни!
- Не ерунди! В начале времен не требовалось твое согласие.
- А равные права?
- Какие права, если я был из породы нефелим?
- Кого? Кого?
- Нефелим. Это небожители, ангелы-наблюдатели, они спустились на землю к местным красавицам и брали их в жены.
- Без спросу?
- Ангелы!
- На ангелов и управы нет?
- Управа на них Бог! Он и устроил потоп, чтобы избавиться от греховных ангелов.
- А женщины? Тоже пострадали?
- Ну, даешь, красавица! Когда ты в последний раз заглядывала в Библию?
- Не те я учила алфавиты, если перефразировать Андрея Вознесенского.
- Тогда позаимствуй парочку букв из моих.
- Только без намека на нецензурное слово!
- Хо-хо и ни ку-ку! Итак, буквы А и Ж. Ангелы-нефелим. Спустились на землю. Женщины бросились им навстречу. Возлюбили друг друга. И народили гигантов.
- И мы с тобой?
- Что мы, рыжие? Народили!

- Но почему гигантов?
- Догадка проста. Ангелы прибыли с планеты размером с Юпитер. Там очень мощная гравитация. Не особенно-то вырастишь. А вот их потомки на матушке-земле, заряженные с рождения мощной энергией роста для преодоления гравитации, вымахнули на наших просторах в великанов.
- Ага! Теперь понятно. За рост и были наказаны. Как мамонты и древние ящеры. А то много жрали и объедали голодающих землян.
- Напомню тебе опять, не в размерах суть.
- Зачем же потоп?
- Пути господни неисповедимы. Но одно ясно, эти гиганты уже своим появлением на белый свет попутали божьи планы в отношении развития человечества.
- И он всех утопил?
- Кроме Ноя и его семьи.
- И наших детей из доисторических времен?
- Не плачь понапрасну, наши спаслись.
- Ну да?
- Да, и поселились на острове Сардиния.
- Врешь!
- Чтоб мне с места не сойти!
- Чем докажешь?
- Доказательства на острове. Там в музее выставлены каменные скульптуры спасшихся гигантов. Высокие, статные.
- А лица?
- Вполне человеческие. И узнаваемые.
- Не темни!
- Обещай, что не упадешь в обморок.
- Нужно мне это!
- Тогда слушай. У двоих, из тех, кто выставлен в музее, полная схожесть с тобой.
- Иди ты!
- Сейчас и пойду. Вернее, позвоню.
- Куда это ты собрался?
- В турагенство. Закажу два билета на остров Сардинию. Летим?
- А не обманешь?
- Разве обманешь материнское сердце?
- Гиганты – это точно мои дети?
- На месте и проведем проверку на ДНК.
- Но они ведь каменные!

- Однако твое сердце не каменное. Оно и подскажет.
- Ладно, уговорил. Материнское сердце не обманет.
- Но прежде дай свои позывные. Имя, фамилия.
- Секретов не держим. Хава Коль.
- Хава... О, боже мой, Ева! Это ты? А я тебя не узнал по голосу.
- Не мудрено. Сорок лет, сорок лет...
- Но как ты нашла номер моего телефона?
- Израиль, дружок! Здесь достаточно знать, как пишется наша фамилия на иврите. А я в отличие от тебя, это знаю.

СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН

Родился в сорок шестом. Вырос в центре России: Костромская, Ярославская и Тверская области, но любимые места и любимые реки на Востоке. В шестьдесят девятом году, после окончания Калининского политехнического института, взял распределение в город Свирск Иркутской области. Потом перебрался в Красноярск. Около двадцати лет отработал в пуско-наладочном управлении – постоянные и долгие командировки от Урала до Чукотки. Автор десяти стихотворных сборников изданных в Красноярске. Первая книга прозы «Аварийная

ситуация» вышла в издательстве Советский писатель» в 1990 году. Потом выходили «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014), «Седьмая жена Есенина» (Москва, «Эксмо», 2017), «Игры на интерес» (Москва, «Эксмо», 2018), «Закрытый перелом» (Красноярск, 2017), За книгу «Где наша не пропадала» (Москва «Вече» 2020) стал лауреатом международной премии имени Фазиля Искандера Был составителем в книжной серии “Поэты свинцового века ” подготовил сборники А. Барковой, А. Тинякова, Н. Рябеченкова, А Кутилова. Составил антологию интимной лирики «Свойства страсти». Печатался в «Литературной газете», в журналах: «Енисей», «Дальний Восток», «Радуга», «Сибирские огни», «День и ночь», “Киевская Русь», «Наши Современник», «Дети Ра», «Арион», «Юность», «Подъём», в альманахе «День поэзии» и др...

НЕВИННЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Оля, а точнее уже Ольга Степановна, приехала на место работы за неделю до своего первого учебного года, надо было появиться раньше, но мама отстояла ее право на заслуженный и, главное, необходимый отдых. Мама – человек. Мама понимала, что не институт, не экзамены взвинтили ее нервы – совсем другое, о чем отцу догадываться некогда. Что взять с мужчины. Все они – слепцы, эгоисты, дутые индюки. Но теперь, слава богу, все позади. Никого ей не нужно. Пусть кто лезет из кожи, чтобы сделать карьеру – ей безразлично. Она будет преподавать в обыкновенном рабочем поселке. Только перед этим ей нужно было

отдохнуть, успокоиться, забыть о последней кошмарной зиме. И море помогло. «Солнце выжгло боль, а волны зализали раны», – шепнула мама. Отец же посмотрел на нее и даже не смог острить: «Ну и ну! Хороша!». На большее его не хватило. Оля и сама себе уже нравилась. Особенно волосы. Казалось, они не выгорели, а впитали солнце и теперь светятся. Разве она похожа на ту, которую не любят?

Конечно, нет. Уже на вокзале парень, совсем еще юненький, уговаривал ее сесть на мотоцикл. И директор школы был подозрительно заботлив, может, конечно, она вообразила бог знает что, но перед какой-нибудь дурнушкой он бы не стал рассыпаться – это уж точно. А на другой день ее провожал из кино остроумный и красивый молодой человек.

Она сразу подумала, что и он попал в поселок по распределению, правда, ошибалась. Оказалось, он здесь вырос, по направлению предприятия окончил институт, отработал два года и уезжать не планирует, разве что лет через десять. Они шли по центральной улице на виду у фланирующей молодежи, и ей нравилось, что кавалер не суетится, не останавливается возле каждого встречного похвастаться красивой девушкой, но и не столбенеет от напряжения. Современный, уверенный в себе парень. У дверей дома приезжих, куда ее поселили на первое время, они постояли минут десять, не больше. Он сказал, что первого сентября у его приятеля день рождения, именно первого, а значит, их праздник совпадает с ее. И она пообещала прийти.

Он не поинтересовался ее именем и своего не назвал и ушел, пожалуй, слишком быстро. Но и в этом Оля отыскала добрые приметы – значит не торопится, значит, серьезные виды. Она подошла к зеркалу и долго расчесывала волосы. Ей было хорошо. Хотелось, чтоб запел соловей, прямо в скверике, ведь здесь же почти деревня. Но было тихо. Она открыла окно. Узенькое облачко делило пополам большую белую луну, и можно было предположить, что нижний полукруг отражается в воде высокогорного озера. Оля даже представила, как она поднимается к этому озеру. Разумеется, не одна.

До первого сентября они встретились еще раз. Молодого человека звали Василием и не просто Василием, а Василием Васильевичем и в довершение – Васильевым, так же как и отца – директора предприятия. А сам он работает пока начальником участка, причем самого отдаленного и трудного, поэтому пропадает там с утра до ночи. Василий много рассказывал о своем участке, и, странно, Оле было совсем не скучно слушать про его слесарей и трактористов.

Не задержалось и первое сентября. Платье, приготовленное с вечера, оказалось не тем, что нужно. К чему женщине со святающимися волосами глупая официальность. И снова перетряхивание чемоданов, полный рот воды, скрип утюга и ежеминутные взгляды на будильник. А потом утренняя, неожиданно людная улица. И все с цветами. Она еще ни разу не видела одновременно столько много букетов в руках прохожих. Всеобщий праздник среди недели. Целый рабочий день среди цветов и детей в нарядной новенькой форме. Торжественная линейка во дворе. Детский духовой оркестр, где ударник росточком не выше барабана. Речь директора и трогательные слова поселковой пенсионерки. Оля чуть не прослезилась и первый раз подумала с любовью о будущей работе. Цветы, смех, возбужденные детские голоса и собственное смутное и непонятное волнение – казалось, что это не на один день. Когда вышла с урока, совершенно не помнила, о чем говорила, как рассказывала, но, наверное, интересно, потому что в классе держалась тишина. дома она взглянула на стул, заваленный одеждой, присела на кровать и, раскачиваясь на панцирной сетке, запела:

В первый погожий сентябрьский денек

Робко входил я под светлые своды,

Первый учитель и первый урок –

Так начинаются школьные годы...

И радостно было удивляться, что не забыла слова песни до самой последней строчки, и вспоминать утреннее обилие цветов, и думать, что праздник на сегодня еще не кончился. И не терпелось до вечера, хотелось, чтобы Василий пришел сейчас же, сию минуту. Но когда он постучался, Оля спала. Испуганно соскочив с кровати, она закричала – Подождите! Не входите!

Подбежала к зеркалу и принялась массировать лицо, измятое дневным сном. Все боялась, что он увидит ее такой растрепой. Но Василий терпеливо топтался в коридоре. Оля немного успокоилась и почему–то твердо уверовала, что он будет стоять за дверью сколько ей заблагорассудится. Она привела себя в порядок, убрала от посторонних глаз разбросанные вещи и только тогда разрешила войти, приготовив заранее улыбку – в награду за терпение.

– Я, в принципе, готова. Только я без подарка. Как ты считаешь, здесь можно что–нибудь для него купить?

– Думаешь, я бываю в здешних магазинах? А о подарке не беспокойтесь, он уже вручен. Ждут только нас.

– Слушай, а народу много будет?

- Нет. Муж и жена, Женя и Валера, притом Валера – это жена, мои одноклассники, работают врачами.
- Вот и буду я лишним человеком на вечере воспоминаний.
- Какие воспоминания, когда мы встречаемся по два раза в день, а то и чаще. Они здесь рядышком живут.
- Здесь у вас все рядышком, – и, чтобы не обидеть, Оля добавила, – и мне это нравится.

В коридоре он взял Олю под руку. Из своей комнаты выглянула хозяйка тетя Лиза. Оля попыталась отстраниться, но крепкая рука не отпускала. Василий поздоровался и спросил о каком-то Славке, очевидно, сыне. Она принялась рассказывать, а Оля стояла под руку с парнем и, чтобы скрыть смущение, старательно улыбалась. Ладонь у Василия была теплая, но не потная. А тетя Лиза поочередно заглядывала им в лицо, все рассказывала и рассказывала о своем Славике, и Оля удивлялась выдержке Василия.

Их, конечно, ждали, но стол был еще не накрыт. Легко и как-то сразу Оля подключилась к приготовлению ужина. Помог, конечно, веселый, даже несколько мужской характер Валерии (угадали же родители с именем), но и сама Оля в этот вечер была способна на чудеса, все ей удавалось.

Они расслаживались, когда появился еще один гость, ввалился с хохотом и выкриками, долго тискал в объятиях сначала именинника, потом его жену, потом Василия и даже Олю облапил, но тут же наигранно отстранился и потребовал, чтобы его немедленно представили, потому как незнакомых девушек он стесняется. Смеялась и без того смешливая Валерия, смеялся ее муж, да и Василий смотрел весело. Что же оставалось Оле...

Гостя звали Володькой. Еще один одноклассник. И прибыл он чуть ли не с вокзала, домой только поздороваться заскочил. Приехал на неделю-полторы заготовить клюквы. Специально для Оли он вспомнил, как лихо они играли в футбол, все трое в нападении.

Компания Оле нравилась. Парни как на подбор и разные: Василий мужественный, Женя интеллигентный и бесшабашный Володька. Напрасными оказались и опасения, что праздник закончится вечером воспоминаний. Оле даже показалось, что эти веселые и добрые люди собрались не на день рождения друга, а ради нее. Ради нее готовили щедрый стол, ради нее избегали нудных разговоров, ради нее играла музыка, и все три кавалера оказались изумительными танцорами, особенно Володька со своими бесконечными и все равно неожиданными

импровизациями. Конечно, и Валерию не забывали, но спешили пригласить все–таки Олю. Она видела, как парни хитрят и стараются опередить друг друга, и удивлялась, почему не обижаются Василий. Когда начало темнеть, всем захотелось на улицу. И тут Володька вспомнил:

– Представляешь, кого я встретил в подъезде? Сему Ворона.

– Своевременная встреча, – кисло заметил Василий.

– Я вам покажу, вы у меня докаркаете!

– Не беспокойся, женушка, мальчики шутят, все не могут смириться с фактом, что ты из нас троих выбрала меня.

– Нет, правда, захожу в подъезд, смотрю, стоит кто–то, приглядываюсь – Сема.

– Володька, сейчас заработаешь. Ты же знаешь, что я суеверная.

– Я не виноват, если он встретился.

– А в чем дело? – спросила Оля.

Она не могла понять – или это накатанный в старой компании розыгрыш, или бесцеремонный Володька взаправду чем–то напугал хозяйку, и если это так, она была готова быстренько все уладить. Оля чувствовала, что у нее получится. Валерия молчала.

– Женя, в чем дело?– повысила она голос.– Кто такой Воронов?

– Голубев он, Оленька. – засмеялся Женя. – Вороном его в народе прозвали. Кстати, уникальная личность.

– Нашел уникама,– недобро усмехнулась жена.

– Да брось ты, Валерка. Эй, обормот, скажи ей, что ты пошутил, а то она боится остаться вдовой.

– Честное слово, встретил.

Теперь уже засмеялся Василий.

– Вовочка – человек принципиальный, если сказал, то будет стоять на своем до конца. Ладно вам, пойдемте гулять, – он взял Валерию за руку и повел к двери.

– Так, значит, о Вороне,– продолжал Женя, пропуская вперед жену и приятелей.– Сема был нашим одноклассником, правда, у меня есть брат на четыре года старше и он тоже учился с Семой в первом классе.

– Как это? Четыре года в первом классе?

– Четыре с половиной. После нас он просидел еще полгода и бросил, посчитал, что образования ему достаточно. Но главное в другом, и это тебе, как математику, должно быть интересно. Представляешь, человек, не осиливший первого класса, обладает уникальной памятью. У нас в поселке около четырех тысяч человек, и Сема держит в голове все даты,

связанные со смертями. Хоронят, и он тут как тут, потом заявляется на девятый день, потом на сороковой, потом на годовщину. При этом никогда не ошибается и ни о ком не забывает. Словно журнал у себя ведет.

– Так он, наверное, того,– Оля покрутила пальцем у виска.

– Разумеется, патология, но ведь какую память нужно иметь.

– Страшно все это.

На самом деле ей было нисколько не страшно. Она даже не совсем поняла, о чем рассказывал Женя.

Валерия с парнями ушла далеко вперед. А ведь только что слышался их смех. Оле тоже хотелось туда. «Догоняй!»– крикнула она и, не раздумывая, сбросила туфли. Дощатые тротуары приятно охладили ноги. Женя сразу отстал. Да если бы и захотел, все равно не догнал бы. Она не бежала, она плыла по воздуху, едва касаясь упругих досок, до того легким было тело. Даже дыхание не участилось.

– Спойте, ребята!

– Подожди, где твои туфли?– испугался Василий.

– Ерунда, Женя принесет,– она приобняла Валерию, давая понять, что опасаться нечего. – Ну, Вася, запевай: «Лыжи у печки стоят» Неужели не знаете? Володька, и ты не знаешь?

– А завтра в учительской будут говорить, как Ольга Степановна горланила песни на весь поселок,– попробовал урезонить Василий.

– Да ну вас,– обиделась Оля.

Подошел Женя. Держась за локоть Василия, Оля принялась обуваться.

Она слышала, как под ее пальцами вздрагивают мускулы, и воспринимала это за самое красноречивое проявление нежности.

– А вот и Сема собственной персоной. Сейчас мы и узнаем, что он делал в твоём подъезде.

– Не трогай, Володька, пусть себе идет,– сказал Василий.

– Но Женька не верит. Эй, Семен, подожди.

По другую сторону дороги остановился высокий парень.

– Пойдем, Володя, мне хочется на него посмотреть.

Оля первая выбежала на дорогу. Ее сразу же догнал Володька. За ними нехотя спустился с тротуара Василий. Сутулый парень в коротких и широких брюках, из которых торчали голые щиколотки, жался к забору и шмыгал носом.

– Он плачет,– шепнула Оля.

– Не связывайтесь с ним.

– Может, ему нужно помочь? Спроси, Володя.

– Семен, кто тебя обидел?

– Никто его не обижал. Пойдемте отсюда.

Сема заплакал громче. Оля подошла ближе. Лицо у него было бледное, над проваленными щеками выпирали скулы, а из-под реденьких светлых кудряшек торчали толстые, как оладыи, уши.

– Ну, что же ты, миленький, плачешь?

Он ничего не ответил, только зажмурился и задергал кадыком. И тогда Оля обняла его за шею и крепко поцеловала.

– Успокойся, никто тебе ничего не сделает.

Уже с дороги, держа под руки парней, она оглянулась. Сема стоял на самом краю тротуара и, приоткрыв рот, смотрел на нее.

– Перестал плакать, вот и молодец. Все будет хорошо.

Ее голос звучал ободряюще. Если она сказала, значит, действительно, все должно быть хорошо. Такою она себе нравилась. Оказывалось, можно и день отработать с радостью, и с первой же встречи стать душой компании, и остановить слезы незнакомого бедняги. Василий хмурился, но Оля не обращала внимания.

– Так и не спросили, что он делал в подъезде,– спохватился Володька.

– Да перестань ты. Надоело. Заладил, как попугай,– не сдержался Василий.

– Хватит вам, петушки, пойдемте–ка лучше к нам, сядем за столик и продолжим нашу операцию.

И Оля радостно поддержала новую подругу. Ей уже наскучила улица. Хотелось, чтобы ярко горел свет. Снова хотелось танцевать. А Василий отнекивался, пенял на завтрашний день, якобы тяжелый, предлагал идти без него. Его уговаривали. Оля старалась пуще всех. Идти без него ей казалось легкомысленным, хотя в шутку она и грозила отправиться с Володькой, который сможет донести ее на руках до самого дома. Но стоило им остаться вдвоем, и Оля сразу забыла о танцах. Вдвоем было тоже хорошо. А если Василий молчал всю дорогу – так сколько можно говорить. Можно просто держать его под руку, смотреть на небо, усыпанное звездами, и не бояться, что споткнешься.

Утром Оля увидела огромный бордовый георгин. Он лежал на подушке рядом с ее лицом. До него можно было дотронуться губами. На одеяле лежал второй, тоже огромный, но белый. Она вскочила – цветы были и на полу, и на подоконнике, а одна сиреневая астра прислонилась к стеклу между рамами. Она кинулась их подбирать. В комнате не оказалось не то чтобы вазы, но даже пустой банки. Радуюсь своей сообразительности, Оля вывалила в две тарелки, привезенное из дома варенье. <Васенька,

Василек>,- напевала она. Все это никак не вязалось с его солидным и степенным видом и потому было еще дороже. Тупой нож с трудом перепилил длинные стебли. Тяжелые шапки георгинов норовили опрокинуть банку. Да и сколько их удалось поставить – третью, четвертую часть? Но не бросать же другие на столе? Хорошо еще в первый день она догадалась купить таз.

Каждую переменку Оля спешила в учительскую к телефону. Василий мог позвонить. Она бы и сама попробовала дозвониться до его участка, если бы знала как это делается. Участок наверняка имел название, а она знала о нем только то, что он самый отдаленный и трудный. Василий не звонил. Телефон вообще молчал весь день, словно отключенный. Олю так и подмывало поднять трубку, но в учительской постоянно кто-то находился. Оставалось ждать конца уроков. Ждать, когда Василий вернется с работы.

На дорогу из школы Оля потратила не больше десяти минут, даже в столовую не зашла, боялась пропустить звонок. Едва завидев тетю Лизу, не вытерпела:

– Не звонили мне?

– Здоровкаться сначала надо.

Тон ее голоса и поджатые губы обескуражили Олю. Она не чувствовала за собой вины. Оля не стала допытываться о причинах плохого настроения у старой женщины и отправилась к себе.

– Не знаю, как тебя по батюшке, но предупреждаю: если не образумишь своих кавалеров, я буду жаловаться.

– Каких кавалеров и при чем здесь множественное число?

– А при том, что все клумбы в палисаднике ухайдакали.

– Я-то здесь при чем?– засмеялась Оля.

– Смейся, смейся...

Оля не стала оправдываться и на ворчание не оборачивалась. Закрыв за собой дверь, она выглянула в окно. По садику и впрямь словно Мамай прошел. И следы вели к ней. Впору было рассердиться на Василия, но ничего, кроме признательности, она не испытывала. Пусть он сделал глупость, пусть ворчит хозяйка, зато для Оли открылся совсем другой человек. Конечно, ей нравился и прежний Василий, но этот новый был роднее. Она уткнулась лицом в цветы и засмеялась. До слез было тоже не далеко, но и слезы оказались бы в радость.

Только выходить из комнаты и встречаться с хозяйкой Оля не осмеливалась. Она прождала до вечера, но Василий так и не позвонил. Мог задержаться на работе. Мог сломаться мотовоз. Мог произойти

несчастный случай, могла тетя Лиза не позвать ее к телефону. Нужно было просмотреть планы занятий, а она все гадала: что могло случиться? За полчаса до последнего сеанса она оделась и пошла в клуб. Но никого не встретила. Лишь возвращаясь, увидела дурачка, любителя поминок. Ночью ее разбудил скрип форточки и возня под окном. Оля вскочила с кровати и наступила на что-то холодное и влажное. Вскрикнув, она побежала к выключателю. В комнате снова валялись цветы. Один она раздавила ногой. Оля прислушалась. Было тихо. Она выключила свет и выглянула в окно. Никого не увидела. Накинув халат, она вышла на улицу и позвала. Василий не откликнулся.

На тополях тихо шелестели еще не пожелтевшие листья. Ежась от ночной свежести, она присела на скамейку. Зачем ему прятаться – она не понимала...

На уроке у восьмиклассников появился еще один букет. Рука, дотянувшаяся до подоконника, сразу исчезла, но мальчишки с крайнего ряда все увидели и закричали: <Это Сема Ворон. Это Сема Ворон принес...>

Ну, конечно, разве стал бы Василий топтать клумбы под ее окнами, он бы догадался, где нарвать цветов для девушки. В классе перешептывались. До конца урока оставалось полчаса, а впору было распустить всех и выплакаться. Пока Оля не догадалась отправить старосту в коридор, чтобы поставил там цветы, шум в классе не утихал. Выйдя из школы, она сразу увидела Сему Ворона. Он шел по другую сторону улицы и подглядывал за ней. Не раздумывая, Оля пересекла дорогу. Она боялась, что он убежит, но парень, как и в первую встречу, прижался к забору и ждал.

Оля понимала, что нужно говорить как можно ласковее, пытаться взять его добротой, но слова срывались резко и отрывисто:

– Ты зачем это делаешь?

– Я люблю тебя.

Оля не сразу нашла, что ответить.

– А зачем цветы?

– Они красивые и ты красивая.

– Господи! – Оля не заметила, как перешла на крик. – Зачем же клумбы топтать?

– Я люблю тебя.

– Заладил. Ты можешь понять, что я люблю другого. Другого, понятно?

– Я люблю тебя, – еще раз повторил он.

– Перестань!..

Уже приготовились, уже вертелись на языке оскорбления и угрозы, но Оля испугалась своего же голоса. Получалось, что среди бела дня, на центральной улице она закатывает истерику слабоумному парню – так кто же из них душевнобольной?

– Не надо, слышишь меня, не надо больше приносить цветов, – прошептала она и скорее, скорее подалась от него.

Утром Оля боялась открыть глаза. Перед сном она несколько раз проверила, закрыта ли форточка и заперта ли дверь. И все равно боялась увидеть цветы. Прежние она выкинула на помойку, а варенье из тарелок перелила обратно в банку. В комнате цветов не было. Они лежали на лавочке возле входа.

На первом же уроке Оля услышала сдавленное хихиканье. Оно гасло на одном ряду и тут же вспыхивало на другом. На следующем уроке все повторилось. Хихикали даже сопливые пятиклашки, стоило ей повернуться к доске. Оля резко оглядывалась, и становилось тихо. И тогда она всерьез подумала: уж не слуховые ли галлюцинации привязались к ней. На перемене она явственно услышала, как тоненький голосишко за ее спиной мурлыкал: <Ты не вейся, черный ворон...>. Оля не сомневалась, что песня адресована ей. Певец мог бы и не прятаться. Она все равно ничего бы не сказала.

Василий пропал. Не звонил, не заходил. День, второй, третий. Собственно, его и не связывали никакие обязательства перед ней. Но ведь на улице – то он мог встретиться. Хотя бы поздороваться, на большее Оля уже не претендовала. Так нет же, словно прятался.

Неизвестность, недосказанность мучили ее. А звонить самой, просить у матери позвать его к телефону – а вдруг мать станет допытываться: кто она, что ей нужно от сына, давно ли знакомы – мало ли что могло ее заинтересовать.

И Оля пошла к вокзалу, куда узкоколеечная <мотаня> привозила рабочих с отдаленных участков.

В составе было четыре зеленых вагончика. Пока ее взгляд метался от одной двери к другой, узкий перрончик заполнился народом. Она почувствовала, что за спиной кто-то стоит и смотрит на нее. Стоит совсем рядом, может быть, в метре, самое большее в двух. Толпа на перроне заметно поредела, но Василия не было видно. А именно сейчас он смог бы помочь. Неужели ему трудно отпугнуть этого дурачка. Не устраивать же ей новую сцену? Перрон уже просматривался насквозь. На ее плечо легла рука. Оля резко повернулась и увидела Володьку.

– Привет, что ты здесь делаешь?

- Ох! – руки у нее опустились, она не могла выговорить ни слова.
- Что с тобой? – забеспокоился Володька.
- Ну ты меня и напугал.
- Неужели я такой страшный?

Володька явно кокетничал. Вид у него был бравый. Штормовка, плотно сидящая на широких плечах, и высокие болотные сапоги четко очерчивали клинообразную фигуру.

- Хочешь клюковки?
- Нет, спасибо. Я Василия жду.
- Так он сегодня никуда не ездил. У них в конторе какое-то важное совещание.
- Мне очень нужно с ним поговорить. Ты не можешь его вызвать?
- Понятно. Смогу, если надо. Только не знаю, зачем все это?
- Мало ли зачем.

<Body qual>А Сема, наверное, давно таился поблизости. Стоило народу рассосаться, и замаячила его сутулая фигура. <Пусть видит, может, испугается и отстанет>, – решила Оля и взяла Володьку под руку. Володька в этой роли выглядел куда внушительнее Василия. Но Сема не отстал. А потом и Володька заметил его.

- Эй, Семен, а ну иди сюда!
- Сема остановился, но не подходил.
- Иди, клюковки дам, – и уже обращаясь к Оле, пояснил: – Чудак не понимает, что хлеб за брюхом не ходит.
- Пойдем быстрее, – попросила Оля.

Она поняла, что Володька ни о чем не знает, а значит, и Василий мог не знать. И тут же поймала себя на мысли, что боится, как бы не узнали, будто и впрямь перед кем-то виновата.

Володька повесил рюкзак на забор, развязал узел и достал пригоршню клюквы. Сема поверил, что над ним не смеются. Оля спряталась за Володькину спину и отвернулась.

- Ешь, Семен, больше витаминов и будешь таким же здоровым, как я, – вразумлял Володька до смешного серьезным голосом. – Бери, не стесняйся. Да, что ты в руках мусолишь, сыпь в карман. Вот и молодец, а теперь еще горсть. С этой горстью Сема и подошел к Оле. Она смотрела на горку упругих белобоких ягод, которые так не вязались с обкусанными грязными ногтями, и пятилась от Семы.
- Возьми, не бойся, – говорил Сема и тянул к ней руки.
- Ай, да Семен! Ай, да молодец. Вот это я понимаю, джентльмен!
- Возьми, они вкусные, – Сема зашмыгал носом.

Так ничего и не сказав, Оля повернулась и пошла, почти побежала. Володька догнал ее только на перекрестке.

– Зачем ты его подозвал?

– Ягод что ли жалко? Зря ты его обидела.

– Обидела! Да он со второго числа мне проходу не дает. Я уже не знаю, куда прятаться от него. Вся школа смеется.

– А Васька что?

– Вот я и хочу его увидеть, может, подскажет, как быть.

– И только-то?! А я думал – у вас более тесные отношения.

В другой бы раз Оля оскорбилась, а здесь пропустила мимо ушей, не хватало еще с Володькой посориться...

Заверения, будто мать Василия очень простая женщина, ее не убедили. Заходить в дом она отказалась. Единственное – попросила не засиживаться.

Володька убежал, а Оля осталась у калитки. Мимо прошла женщина и внимательно посмотрела на нее. Может быть, родительница? Оля с тоской ждала, когда она оглянется. Не оглянулась. Но легче не стало. Чтобы не привлекать внимания, она прошла немного вперед.

Встретились две девочки. Засмутились и, непонятно зачем, поздоровались. Она еще не запомнила в лицо своих учеников, но девочки по возрасту могли ими оказаться. Оля стала успокаивать себя, пробовала подсмеиваться и делить улицы поселка на те, по которым имеет право гулять, и на запретные... А потом увидела, как в окне самого <запретного> дома отодвинулась занавеска, и разом забыла о своей иронии. Она чуть не убежала, не дождавшись. И убежала бы, но на крыльце появился Володька. Один, без Василия.

– Полчаса назад уехал за грибами.

– Как уехал? Что же делать?

Конечно, не у Володьки она спрашивала. И не у себя. Да и у Василия, окажись он дома, не спросила бы. Еще неизвестно, кто подглядывал в окно – его мама, <очень простая женщина>, или он сам. Досадно было, что вынесла столько заведомо напрасных унижений и страха.

– Скажи мне, что, конкретно, ты собиралась попросить у Васьки?

– Ничего я не собиралась просить. Отстань от меня.

– Зря ты, Васька в таких делах – плохой помощник, он же пай-мальчик. Хочешь, я поговорю с Вороном по-мужски, и у тебя восстановится спокойная жизнь.

– Я уже пробовала говорить.

– Ты – одно дело, я – другое.

– Глупости.

Она прибавила шаг. Ей стало скучно. Спорить, доказывать что-либо уже не было сил.

– Оленька, оглянись, он идет за нами.

– Я знаю.

– Может, все-таки поговорить?

Она уже собиралась прогнать Володьку. Подыскивала слова подходящее. Остановилась, давая понять, что прохождение закончено. Взгляд ее скользнул по палисаднику. Все цветы в нем были поломаны. Оля и не подумала, что это мог сделать кто-то другой. Она схватила Володьку за борт штормовки и, заглядывая в лицо, зачастила:

– Поговори, Володь! Поговори, чтобы он и думать обо мне забыл.

Надоело, если бы ты знал, как мне это надоело!

– Все ясно. Будет исполнено и доложено. А насчет клюковки как, может, заскочим к тебе и отсыпем витаминчиков?

– Не хочу я никаких витаминов и вообще...

– Понятно. Тебе охота побыть одной.

– Вот видишь, какой ты догадливый.

Оля замученно улыбнулась ему вслед. Вот уж от кого не ждала сообразительности. Забираться в комнату не хотелось. Она свернула к узкоколейке и долго бродила вдоль путей.

В дом приезжих Оля возвратилась в сумерках. Едва она успела переодеться, как в дверях выросла тетя Лиза. Оля не столько испугалась неожиданного появления, сколько удивилась тому, что не услышала шагов. Тетя Лиза, отогнув угол тюфяка, села и принялась рассказывать о семье Голубевых. Оля не сразу поняла, при чем здесь какие-то Голубевы, и только при упоминании о Вороне вспомнила фамилию Семы. Не спрашивая, хотят ее слушать или нет, тетя Лиза выкладывала, что отец у Семы пьяница, а все шестеро детей непутевые: старшие – моряки, хоть и офицеры, да пьяницы, и тот, что перед Семкой, – шпана шпаной, а вовсе не геолог, а если и геолог, так тоже гордиться нечем, видела она геологов... И сестры недалеко ушли – одна в девках до двадцати семи лет ходит, а вторая, хоть и выскочила, да все равно мужик на сторону бегает...

Говорила она не спеша и после каждой порции грязи заверяла, что это каждый может подтвердить, даже сама Васильева Анна Николаевна. Еще до прихода тети Лизы Оля собралась умываться и всю бесконечную историю выслушала, стоя в трех шагах от двери с полотенцем в руках. У

нее затекли ноги, но она не садилась, надеясь, что ее все–таки поймут и оставят в покое. Но тетя Лиза все токовала и токовала.

Избавил Олю от нее неожиданный приход Володьки. На удивление, хозяйка ни словом не заикнулась о столь позднем визите. сразу же поднялась, но на пороге все–таки не выдержала и, словно только вспомнила, рассказала, что у бухгалтера поломали все цветы и он собирается жаловаться участковому.

– Задание выполнено! – отрапортовал Володька. – А посему предлагается отпраздновать.

Оля увидела отдутый карман пиджака и покачала головой:

– Не надо, Володя, я спать хочу.

– В наши годы вредно спать много.

– Честное слово, не до этого мне сейчас, да и рискованно пить вино с красивым мужчиной,– отважилась она пококетничать на прощанье.

Володька подошел к ней, отобрал полотенце и аккуратно повесил на спинку кровати, потом подвел Олю к столу и усадил. Оля не противилась, но стоило ему отпустить, она поднялась и снова забрала полотенце. Володька попробовал еще раз отнять его. Оля не отдавала.

Постепенно володькины ладони перебрались на ее плечи. Все это Оля воспринимала, как баловство, пока не обратила внимания на неожиданную тишину. Очень уж сосредоточенно молчал разговорчивый Володька. Удивление сразу же сменилось испугом.

– Уходи! Сейчас же уходи!

– Ты что, серьезно?

– Уходи, или я закричу.

– Глупо, Оленька. Неужели я хуже его?

– Кого?

– Дурачка, которого ты каждое утро выпроваживаешь через окно.

– Что ты сказал?

– А ты надеялась, что все останется в тайне? Плохо ты знаешь наш поселок. Да тетя Лиза на другой же день растрезвонила.

– Тетя Лиза?

– Не я же.

– Пойдем к ней.

– Ты что, с ума сошла?

Оля выбежала в коридор. Дверь хозяйкиной комнаты была заперта.

– Откройте!– крикнула Оля и еще раз толкнулась плечом.

– Сплю я, голубушка, расхворалась что–то.

– Откройте, мне надо что–то спросить.

– Ну, говори, – едва донеслось из комнаты.

Только теперь Оля обратила внимание, что дверь окрашена в бледно-розовый цвет и сильно захватана возле ручки, хоть отпечатки пальцев снимай. Она стояла тихо. Из комнаты не прослушивалось ни звука. Очевидно, хозяйка затаилась и тоже слушала. А, может, и другие постояльцы наострили уши, прикинули к своим розовым дверям и ждали, когда она во весь голос начнет повторять дикую сплетню.

Когда Оля возвратилась к себе, Володьки уже не было, успел убежать. В который раз она взяла полотенце, но из комнаты так и не вышла. Сначала постояла у порога, потом прилегла и закрыла глаза. На второй разговор с хозяйкой сил не осталось. Проще было внушить себе, что сплетню выдумал Володька, впрочем, и от этого легче не становилось. Какая разница – кто?! Но про Сему Володька, наверняка, узнал до их встречи и догадался же подозвать, клюковкой угостить, зря, мол, обидела...

Рано утром в комнату постучали, и мужской голос велел подойти к телефону.

– Это я, Василий, – прохрипело словно по междугороднему. Оля молчала. Заснула она только под утро, поверх одеяла, в халате и теперь стояла разбитая и безразличная ко всему.

– Ты меня слышишь?

– Да.

– Мне мама сказала, что ты приходила. Но я засиделся у Женьки, и вчера звонить было поздно.

– Много грибов набрали?

– Каких грибов?

– За которыми ты ездил.

– Я же сказал, что сидел у Женьки, а не за грибами ездил.

– Значит, меня обманули. Кстати, понравилась я твоей мамочке?

– При чем здесь она? Зачем ты приходила?

– А что нельзя было?

– Почему же, только зачем?

– Так просто, захотелось увидеть. А Володька мне сказал, что сплетни в вашем поселке распространяются быстро.

– Женька мне рассказывал. Но ты же сама во всем виновата. Я предупреждал.

– Пусть виновата, если тебе так хочется. Спасибо, что разбудил, а то бы я проспала, вчера с Володькой засиделись. Так ты хотел мне сообщить, что виновата во всем я?

– Нет, но ты же понимаешь...

– Или, чтобы я больше не приходила?

– При чем здесь это?

Ему явно мешали договорить. Оля вспомнила сдвинутую занавеску: должно быть <простая женщина> из последних сил пеклась о своем чаде.

– Мама рядом стоит?

– Да, а что?

– Ладно, мне на работу пора собираться, я тебе после позвоню.

Обещание позвонить сорвалось случайно. Только обещание ли? Скорее угроза. Но Оля обрадовалась, что так получилось – пусть теперь он ждет, пусть гадает, какой сажки еще налетит на его доброе имя. Звонить, конечно, она не собиралась.

Спешка несколько отвлекла Олю от страха, который не покидал ее последние дни. И, странное дело, пока свободно бегала по коридору, тетя Лиза не показывалась из своей комнаты.

На полпути к школе, как раз возле разоренного палисадника, Оля вспомнила, что не обратила внимания на скамейку у входа. Не посмотрела – лежат ли на ней цветы. Захотелось сбежать и проверить. Времени оставалось только–только успеть на работу. <Что за блажь>, – недовольно буркнула она. Но желание удостовериться прицепилось, как зуд.

Между первым и третьим уроками у нее получилось <окно> и Оля уговорила–таки себя сбежать домой, якобы позавтракать.

У поворота к больнице стояла Валерия в белом халате и разговаривала с беременной женщиной. Оля отвернулась и, убыстряя шаги, хотела проскочить мимо. Праздничная компания, в которой она <царила> в тот злосчастный вечер, теперь уже пугала Олю. Но Валерия сама окликнула ее и сама подошла.

– Почему не здороваешься, не узнала?

Оля не ответила.

– Ничего, я не обидчивая. Чем сегодня занимаешься?

Оля неопределенно пожала плечами.

– А то приходи к нам, у Женьки вечером дежурство, я одна буду.

Придешь?

– Не знаю, к урокам надо готовиться.

– Ага, потом еще картошку копать, корову доить.

– Какую корову?

– Вот и я думаю – какую? А тут – посидим, пластинки погоняем, выпьем по рюмочке для аппетита. Покумекаем, как жить дальше. Это надо же, паразит, что возомнил. И Васька – хорош гусь. Он позвонил тебе вчера?

– Сегодня утром. Так это ты ему велела?

– Не совсем так, но около того. Ты не отчаивайся, будет совсем плохо, Женька что–нибудь придумает, он у меня мужик толковый. А сегодня заходи.

– Если смогу. Ты извини, у меня, правда, времени нет.

И все–таки не выдержала. Разревелась посреди улицы. Первый раз за эти дни. Подальше от глаз, она свернула в сквер возле перрончика узкоколейки, безлюдный в дневные часы, а там безбоязненно лила накопленные слезы: вчерашние, позавчерашние... Да и о завтрашних не забыла. Она очень старалась. Но когда слезы кончились, услышала, что за спиной тоже кто–то хнычет, словно помогая ей, кто, кроме Семы Ворона, мог догадаться до такой помощи.

– Уходи, сейчас же уходи,– сказала Оля, не оглядываясь.

– Он и тебя набил?

Она понимала, что нужно встать и уйти, ни просьбы, ни угрозы на него не подействуют. Нужно перестать разговаривать с ним, перестать его замечать. И все–таки оглянулась. И вскрикнула. На бледном лице Семы ярко выпячивались распухшие тяжеленные губы. Они показались ей черными. Но не страх и не брезгливость, а желание обнять, утешить этого тщедушного малого с изуродованным ртом нахлынуло на нее. Оля даже шагнула к нему, на мгновение забыв о том единственном поцелуе. Шагнула, но одумалась.

– Нет! Уходи! Я же тебе сказала.

– И меня набил, и тебя набил. Тебе тоже больно?

– И меня набил, и тебя набил,– повторила Оля.– Это я его попросила. Видишь, какая я злая. Все мы злые. Иди, Сема.

Он стоял и плакал.

До начала урока оставалось десять минут. А в классе нужно было крепиться, чтобы ученики не догадались, каково ей: слушать хихиканье за спиной и притворяться, что ничего не понимает и уж, по крайней мере, не принимает на свой счет. Хорошо еще, бестолковый Пушкин никак не мог уяснить, почему диагонали прямоугольника равны между собой. Три раза она провела доказательство вместе с ним и хоть немного отвлеклась от самоуничижительных дум. Но прогремел звонок, и началось: <Ударить слабоумного еще омерзительнее, чем ребенка. Сколько говорилось и писалось, что сильных людей отличает доброта, и <добренький>, обаятельный рубаха–парень останавливает в темном переулке дурачка и терпеливо убеждает его, разговаривает на мужском

языке, а убедив, торопится доложить той, которая вдохновила его, тоже добренькой и очаровательной...>

В учительской Оле сказали, что директор просил ее зайти. За десять–пятнадцать шагов она успела напридумывать возможных напастей, вспомнила каждую встречу с директором, каждое слово, сказанное им, и его улыбочное лицо, мягкие движения, вкрадчивый голос приобрели совсем определенную окраску.

Она вошла в кабинет и встала, закусив губу, стараясь и взглядом и позой подчеркнуть свою независимость.

– Садись.

Обращение на <ты> только подтвердило ее подозрения.

– Ничего, я постою.

– Да садись же,– директор попытался усадить ее.

Оля резко отдернула руку и приготовилась вlepить пощечину, если он еще раз прикоснется.

Но директор расхохотался.

– Ладно, стой, если хочешь. Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

– Знаю!

Он снова закатился, задергался в безудержном хохоте и еле выговорил срывающимся голосом:

– Ну молодец! Героиня!

Лицо у нее горело. В кабинете было раскрыто окно, а воздуху все равно не хватало.

– Значит, знаешь. А я все собираюсь у тебя спросить, как там поживает Василий Афанасьевич Кучин?

– С кафедры истории? – удивилась Оля .

Она не понимала, при чем здесь Кучин.

– Да, да, да,– закивал директор и, предваряя вопросы объяснил:– Когда-то я у него учился. Забавнейший старикан. Ты знаешь, что он до пятнадцати лет не умел читать, а в двадцать шесть уже преподавал в институте?

– Знаю, а вы в каком году окончили?

– Семнадцатый год работаю. И не заметил. Так не ушел он на пенсию?

– Нет.

– И по–прежнему вас девками называет?

– Девками,– повторила Оля и попросила: – можно я сяду?

– Нет, теперь нельзя,– засмеялся директор и пододвинул к ней стул.–

Понимаешь, есть у нас еще люди, которые считают своим долгом информировать начальство обо всем, что происходит в коллективе. Я

лично тебя не виню и в сплетни не верю. Ситуация фантастическая. Если честно признаться, я толком не знаю, зачем тебя вызвал и что должен тебе говорить. Может, если, конечно, не трудно, ты расскажешь, откуда все пошло. Только, ради бога, не насилуй себя.

– Так нечего и рассказывать. Увидела, как плачет парень. Самой было очень хорошо, решила и его утешить, поцеловала и пошла со знакомыми дальше. А он вообразил невесть что, цветами начал забрасывать. Вот и все.

– Когда я учился, в моде было стихотворение: <Добро должно быть с кулаками>, с кулаками, конечно, можно не соглашаться. Но как помочь тебе выпутаться из этого тупика?

– Не знаю.

– Знаю, что не знаешь. Я тоже. Фантастическая ситуация, впрочем, это я уже говорил. Ты, случайно не куришь?

– А это имеет значение?– Оля резко встала.

– Да сядь ты, не пугайся. Просто сам бросил, а тут захотелось.

Перебьюсь. Значит, опять тетя Лиза. В свое время и я конфликтовал с ней. Мой брат, например, утверждает, что мнительность – профессиональная болезнь гостиничных работников, но поскольку у меня нет его опыта проживания в гостиницах, я смотрю на тетю Лизу под другим углом. У нее все время кто–то виноват: сначала в том, что одна воспитывала сына, кстати он учился с твоими знакомыми, потом, что сын отстал от ровесников, последнее время он работал грузчиком в одном городском гастрономе, потом его и девушки не любят... В последнем, наверняка, виновата ты. А завидовать и злобствовать можно бесконечно – эти чувства насыщения не знают, извини за выражение, хуже солитера. Но детей тебе с ней не крестить и нервы на нее тратить не стоит. Тем более, что я договорился насчет комнаты для тебя, у нас же не город. Вот Сема Ворон – Здесь я ума не приложу. Видишь, какие Дон–Жуаны в нашем поселке живут. Может, попробовать медицину подключить?

– Что вы!– испугалась Оля.

– Эх, святая наивность, ты при ком другом не вздумай его защищать, а то сплетни еще кудрявее станут. Ладно, иди отдыхай. Главное, не считай, что ты одинока и все против тебя. Не будешь?

– Постараюсь.

– Вот и хорошо.

А цветы ее дожидались. Рассыпанные по скамейке, они привяли за день. Никто их не забрал, и Оля – не взяла, едва взглянула и торопливо прошла

мимо. Потом, уже в постели, она вспомнила, как они лежали, потерявшие упругость, распластанные по доскам, вжавшиеся в них – цветы словно стеснялись своей ненужности. Точно так же, как она сама сжималась под любопытными взглядами, когда стояла под окнами Василия... Оля все хотела встать и убрать их, но так и не поднялась. Что должна сходить к Валерии – она тоже помнила...

Поздно вечером к ней постучались. Она забыла запереть дверь. Не дожидаясь разрешения, в комнату вошла тетя Лиза. Оля лениво взглянула в ее сторону и осталась лежать.

– Вот те на! К ней свататься пришли, а она спит.

– Почто смеешься, Лиза?

За спиной хозяйки Оля увидела высокую худую женщину.

– А что я такого сказала? У тебя – жених, у меня – невеста. У тебя – Голубь, у меня – Голубка.

– Что он тебе, дорогу что ли перешел? Не слушай ее, девушка.

Тетя Лиза включила свет и присела к столу. Оля поднялась с кровати. Женщина осталась возле двери. Деформированное от стирок шерстяное платье сидело на ней как на девочке–переростке. Оля уже догадалась, что это мать Семы, и не знала, как себя вести.

Она смотрела на заглаженные складки на рукавах и отчетливо представляла, как женщина доставала это парадное платье и долго утюжила перед тем, как отправиться на встречу.

– Чего ж ты, Дуськ, пришла и молчишь?

– Садитесь, пожалуйста, – с опозданием предложила Оля. – А вы, тетя Лиза, шли бы к себе.

– Ишь раскомандовалась, когда надо будет, тогда и пойду.

– Выйдите, пожалуйста!

Оля еле сдерживалась, чтобы не закричать. Хозяйка зло рассмеялась, но встала.

– Ладно уж, потолкуйте по–родственному. Только не долго, в одиннадцать часов прошу любить и жаловать. А может, Дуськ, невесту–то в дом уведешь?

– Выйдите немедленно!

Оля рванулась к ней, но с ноги слетел тапок, и она остановилась.

– Что вы, бабы, не надо, – испугалась мать Семы.

Не в силах унять дыхание, Оля не могла выговорить ни слова.

Пытаясь сохранить достоинство, тетя Лиза поджала губы и плавно вышла. Потом уже из коридора Оля услышала: <Учительница для кобелей, мы еще посмотрим...>

Полубосая, она проковыляла к двери, повернула два раза ключ и какое-то время оставалась стоять спиной к комнате.

Потом услышала тихие всхлипывания:

– Что же делать-то, а?

Не знаю, – еле выговорила Оля.

Она присела напротив. Шелковый платок на голове женщины сбился набок, и она не поправляла его. Сидела, зажав ладони между костлявых колен, и вздрагивала.

– Уж ты бы, девушка, сделала что-нибудь, а?

Оля молчала. Она сама собиралась просить. Сама надеялась, что мать может уговорить Сему. А тут оказалось, к ней же и за помощью пришли.

– Вчера заявился, а на лице живого места нет. Зачем ты его так? Вовку-то, его здоровые мужики впятером не одолеют. А мой что, он разве виноват, что таким народился.

Слова вроде бы и упрекали, но звучали как просьба. Видно, голос уже привык оправдываться. И от этого Оле становилось еще хуже. Ну в чем виновата перед ней эта несчастная женщина?

– Он ведь смиренный так-то. Разве где на поминках выпьет. А теперь, ровно кот какой, каждую ночь пропадает. Лиза говорит, что бухгалтерша заявить собирается и сама чего доброго заявит, такая ненавистница. Ты бы хоть пожалела.

– Как я его пожалею?

– Не знаю. Только нельзя ему такому беспокойному ходить. В воскресенье у Ильиных сороковины, напоят мужики да подучат чему-нибудь. Страшно мне.

Платок совсем съехал на плечо. <Шелковый. Тоже, наверное, парадный, – подумала Оля. – Разве удержится на таких реденьких волосах>. Она опустила голову и посмотрела на свои парчовые шлепанцы, выписанные по почте из Еревана. Ей стало стыдно, и она поджала ноги.

– Если бы я знала, что надо делать.

– Да уж как-нибудь. Боюсь я за него. Совсем слушаться перестал. Лиза говорит, что Васильев очень сердится, может, и милиционера прислать. А ведь там без меня он совсем пропадет. Помогла бы нам.

– Не могу же я за него замуж выйти.

– Да что ты говоришь, куда ему жениться. Только как бы чего не вышло. Пока Оля переживала, стыдясь своих глупых слов, мать или услышала шорох на улице, или почувствовала, что сын где-то рядом.

– Здесь был только что, – прошептала она. – Ох, наказание мое. Пойду от греха.

Оля выпустила ее и подошла к окну.

Мать остановилась на дороге и позвала:

– Семушка, сына, пойдем домой.

Сема не выходил. Где-то рядом прятался, или матери просто показалось, что он был рядом.

С удивлением, но без радости, Оля вспомнила, что наступает воскресенье. От чего она будет отдыхать? Мать Семы просидела у нее больше часа, а Оля так и не нашла, что ей сказать. Она и теперь не знала. Обещал подумать директор. Обещала Валерия, к которой Оля так и не сходила. Но что они обещали? Подумать. Как бы они и впрямь не упрятали Сему. И все из добрых побуждений...

– Гости ушли? – спросила тетя Лиза через дверь.

– Не ушли и не уйдут никогда! – крикнула Оля.

Тетя Лиза молчала, но Оле еще долго казалось, что она стоит под дверью и слушает. Оля включила транзистор, чтобы как-то развлечься, принялась наводить порядок в чемоданах, а потом заметила, что не просто разбирает вещи, а укладывает их в дорогу. Вскоре и комната стала нежилой и сиротской. Оля вырвала из тетради листок и написала директору записку. Положила сначала на кровать, затем на стол, а подумав, достала конверт и надписала адрес. Тетя Лиза давно закрылась в своей конуре. Обитатели дома приезжих утомнились. Поезд в город отправлялся в половине третьего. На скамейке лежал свежий букет красных георгинов. Утренних, завядших цветов не было. Скорее всего Сема же и убрал их. Оля уже вышла за калитку, но возвратилась. Рук не хватало и букет пришлось прижать локтем. Со стороны это выглядело, наверное, некрасиво. Но улицы были безлюдны.

ИРИНА (ЛЯЛЯ) НИСИНА

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Педагогический институт. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живёт на Голд Кост в штате Квинслэнд. Главы из повести и отдельные рассказы опубликованы в многочисленных журналах, сборниках и газетах («Нева», «Новый журнал», «Стороны света»,

«Крещатик», «Чайка», «Австралийская мозаика» и др.).

ПИДОРКА

Глава первая. Дети

Пидорку привезла тетка Наталья, приехавшая на материны похороны. Там на кладбище Вера, старшая, трясла на руках неумело замотанного в одеяло трехмесячного Юрочку. Он заходился плачем, как будто чувствовал, что потерял мать, а главное, еду и возможность выжить. Шел сорок седьмой год, второй год после победы, и шестой год голодной и холодной жизни. Кладбище за эти годы разрослось так, что впору было, по словам соседки тети Маруси, автобус пускать. Тетка приехала перед самыми похоронами. Никто не обратил внимания на невысокую худенькую и до глаз замотанную в темный платок, женщину. Юрочку утром покормила соседка Бася, но она еще на прошлой неделе стала жаловаться, что молока не хватает, и чтобы Юрочке искали другую мамку. Ее Сашуне было почти полтора года, он ел кашу как большой, но ночью требовал мамкино молоко, а молоко у Баси уже пошло на убыль. Рыдая над маминой могилой, Вера не обратила внимания, когда кто-то забрал у нее из рук Юрочку, и поняла, что брат замолчал только когда все разошлись, и семья осталась стоять над свежей могилой. Надя и Люба, младшие Верины сестры, утром пролезли через дырку в заборе в парк, и набрали на стадионе букеты ромашек. Ромашками и засыпали мамину могилу. Тетка Наталья, взяв младших за руки, и медленно повела их по дорожке к выходу с кладбища. Отец, скрипнув протезом, обнял за плечи Веру и огляделся, ища сына. Женщина в черном платке сидела с ним на траве в тени дерева. Размотав платок и прикрыв одним концом грудь, она кормила Юрочку. Вера с отцом подошли ближе.

- Ти ж мій малесенький, ті ж мій хлопчик гарний, ти ж моє сонечко, - приговаривала жінчина. – Голоднесенький, худесенький, мамку поховали, як ми без неї будемо жити? Хто хлопчика нагодує? А хто поміє? А ти вже обрепузився до вухів! Ти ж мій малесенький! – ворковала над мальчиком она.

- Кто это? - спросила Вера у отца. - Она с тетей приехала, что ли.

- А, - отец словно проснулся, - с Наталкой... - Он со всхлипом вздохнул, и они с Верой молча наблюдали как жінчина ловко переложила пеленки сухой стороной к маленькому и снова завернула его в одеяло. Она завязала свой черный платок и, подхватив уснувшего Юрочку, поспешила за теткой, которая остановилась и вместе с Любой и Надей поджидала остальных в конце аллеи.

Вера с отцом тоже пошли за ними. В молчании они погрузились на подводу и так же молча поехали домой. Люба с Надей плакали, уткнувшись с двух сторон в теткин подол. Вера, забрав у незнакомки ребенка, невидяще смотрела перед собой.

Дома соседи уже вымыли полы и собрали на стол. Бася сварила борщ, тетя Маруся нарезала винегрет и отварила чугунок, привезенной теткой молодой картошки. Вера положила спящего Юрочку в кроватку и принесла из кухни хлеб и две луковицы. Дядя Гриша, муж тети Маруси выставил поллитровку. Взрослые молча выпили. Чуть позже пришел с работы Басин муж Миша, принес селедку. Тетка Наталья быстро почистила ее и подала к столу. Незнакомка молча сидела у самого края стола, ела борщ, хлеба взяла полкусочка, водку пригубила. Платка она так и не сняла. Когда завозился Юрочка, она первая вскочила со стола к нему, и села кормить.

- Це сусідка моя, - об'яснила, нарештє тетка. – В неї дитина померла, вчора поховали. Нехай у вас живе, Юрка годує. Вона самотня, ані родичів, ані чоловіка, нікого не має.

Отец лишь безразлично кивнул, пусть живет, мол. Скоро совсем стемнело и тетка Наталья, помыв посуду и отослав младших спать, стала собирать вещи. Она забирала близняшек к себе в село, а потому сложила в узелок их летние платышки и штанишки с майками. Вера засунула в завязанный уже тючок позабытые теткой Натальей сестрины панамки. Незнакомая жінчина ходила во двор, потом расстелила на полу возле Юрочкиной кроватки старое ватное одеяло, подложила под голову маленькую подушку в цветастой наволочке, и сбросив старые тапочки, легла. Платок она так и не сняла. Вера брезгливо оглядела ее черные

пятки и ушла в кухню, где отец все так же безучастно сидел за столом глядя на их семейный портрет. Этот портрет делали в Фотографии на главной улице. Маму только выписали из родильного, она была еще очень слаба, но храбрилась, улыбалась, и фото получилось на зависть. Мать с отцом оба красивые и с невозможно счастливыми лицами сидели на стульях. Юрочка в одеяле, завязанном лентой с большим бантом, лежал у них на коленях. Двойняшек Любу с Надей рассадили по обеим сторонам родителей, а Вера, как старшая, стояла позади. Такая вот хорошая последняя фотография получилась.

Тетка Наталья подседа к отцу, стала гладить его по спине, что-то неразборчиво приговаривая. Вера разобрала «в тебе ж діти». Тетка Наталка с отцом говорила только по-украински. А Вера все понимала, но отвечала всегда по-русски. Она училась в русской школе, и дома всегда говорила по-русски и с отцом, и с мамой. Люба с Надей месяцами жившие в селе у тетки, старательно подражали старшей сестре, но между собой говорили по-украински. В сентябре им пора было идти в школу. Отец хотел отдать их в украинскую школу, но Вера настаивала, чтобы они ходили вместе с ней в школу возле входа в парк. Мама тоже хотела, чтобы Вера водила сестричек в школу, все-таки она старшая, присмотрит за малыши. Люба с Надей родились в конце августа сорок первого года. Город уже был занят немцами. Роды принимала соседка тетя Маруся, она же и выхаживала маму, которая больше месяца не могла оправиться после тяжелых родов. А Вера с первого дня занималась малышками. Мама, чуть поднявшись на ноги, стала ходить с тетей Марусей «на поденку». Они наладились обстирывали новое начальство и их жен и «профурсеток». Иногда их звали и на кухне помогать, это когда к начальству приходили гости. Платили мало, но хоть и впроголодь, а оккупацию они пережили. А в сорок четвертом, сразу после освобождения города, вернулся отец. Вера помнит, как он пришел на костылях в новой шинели и с солдатским сидором за плечами. Она его сразу узнала, стала обнимать, повисла на шее, чуть не свалила его на пол. Люба с Надей, которые никогда отца не видели, дичились, не подходили к нему, прятались за диван. Когда мама забеременела Юрочкой, тетя Маруся советовала ей «скинуть», но маме казалось, что теперь все беды позади, муж вернулся, война закончилась. Мама так и не отошла после родов, и через три месяца после рождения Юрочки умерла. Слезы у Веры от этих воспоминаний ручьем потекли, и она схватила кухонное полотенце и стала их вытирать. Она села за стол рядом с отцом и

приникла к его плечу, слушая рассказ тетки Натальи о незнакомке, спавшей на полу рядом с Юрочкиной кроватью.

- Вона сирота, жила у двоюрідного дядька з милості. А він парубок показний, ну і сподобалася вона йому чимось, вже не знаю як у них склалося, але взимку сорок другого повінчалися вони з Іваном. Вона року через півтора дитинку народила, тільки помер він. Потім в сорок четвертому Іван пішов з німцями, а її вагітною залишив. Вже не знаю, чому з собою не взяв. Хлопчик у неї народився, такий вже гарненький. А вчора помер синочок її від глотошної. У селі ж до трьох років цицькою годують, то молоко в неї є. Вже вона плакала за дитинкою, так плакала! Це ж усе що від її Івана лишилося. Сам він або згинув, або в чужих краях ховається. А до нас в село енкаведисти приїжджали, ну чекісти. Все питали, хто і чим при німцях займався, як виживали, та хто поліцаєм був. Іван її конюхом при німцях служив. Але злякався залишатися, і з німцями пішов. Нехай вона у вас поживе, Юрка вигодує, потім шукати перестануть, в село повернеться. Сусідам кажіть, що небіжка мого чоловіка. Добре?

(- Она сирота, жила у двоюрідного дядьки из милости. А он парень видный, ну и приглянулась она ему чем-то, не знаю как у них сложилось, но только зимой сорок второго повенчались они с Иваном. Она года через полтора ребеночка родила, только умер он. Потом в сорок четвертом Иван ушел с немцами, а ее беременной оставил. Уж не знаю, почему с собой не увез. Мальчик у ней родился, уж такой хорошенький. А вчера помер сыночек ее от глотошной (дифтерии). В селе до трех лет грудью кормят, молоко у нее есть. Уж она плакала за ребеночком. Это же все что от ее Ивана осталось. Сам он либо сгинул, либо в чужих краях прячется. А к нам в село энкаведешники приезжали, ну чекисты. Все спрашивали, кто и чем при немцах занимался, да как выживали, да кто полицаем был. Иван ее конюхом при немцах служил. Но побоялся остаться, и с немцами ушел. Пускай она у вас поживет, Юрочку выкормит, потом искать перестанут, в село вернется. Скажете соседям, что племяшка мужа моего. Хорошо?)

Отец покивал тетке, потом тяжело поднялся, и скрипя протезом ушел спать. Вера легла с теткой Натальей. Легла она с краю, готовая ночью вскочить к Юрочке, но братик за всю ночь даже не пискнул. Вера впервые выспалась, а утром обнаружила, что завтрак приготовлен, чайник на столе, а Люба с Надей умытые и одетые уже готовы ехать.

Тетка Наталья обняла Веру, расцеловалась с отцом, и ловко вскарабкалась на козлы. Вера махала сестричкам рукой пока телега не повернула на Хмельницкое шоссе и пропала из виду.

Отец за столом допивал чай. Женщина в черном платке сидела у Юрочкиной кровати.

Вера подошла к ней поближе. Женщина оказалась совсем молодой, с чистым розовощеким личиком, курносый носиком и полными губами. Она несмело улыбнулась Вере.

- Как вас зовут? – спросила Вера, и поправилась. - Як вас звати? Сзади подошел отец, обнял Веру за плечи.

Женщина встала, лицо ее приняло испуганное выражение.

- Как же тебя зовут? – повторил отец.

- А Пидорка... - прошептала она.

- Как? – не поверила Вера, смеясь – Апи-дор-ка?

- Федора, значит, - объяснил отец. – Не бойся, Пидорка, никто тебя здесь не обидит. Живи без страха. За Юрой смотри, ну, может что по хозяйству поможешь. Вот, Вера у нас старшая, она тебе все покажет. А я на работу пойду, - вздохнул он. – Все, на людях буду, забудется... Эх, Танечка...

Вера показала Пидорке кухню, рассказала про правила в квартире, где стирать, да как мыться. Вместе с Юрочкой сходили они в угловой магазин, принесли хлеба. Тетка Наталья вчера оставила картошки и полмешка моркови и молодых бурячков. Пидорка покормила Юрочку и прошмыгнула на кухню варить борщ. Мама варила все овощи, потом натирала на терке, а картошку добавляла уже в самом конце. А Пидорка нарезала ножом сырые овощи, и валила в кастрюли все вместе.

- Так разварится же картошка! – удивилась Вера.

- Ні, - прошептала Пидорка, - буде гарній борщ. У нас в колгоспі всі так варять!

- Вот кАал-хоз-ни-ца! – возмутилась Вера. Она умела варить борщ, и считала, что знает все тонкости, мама научила. – У нас в кАлгоспе!!! Вечером отец ел борщ и нахваливал. Вера злилась. Юрочка хорошо ел и спал теперь всю ночь напролет. А Пидорка мышкой сновала по комнатам. Домашние дела, раньше занимавшие все Верино время, она делала играючи. И в магазине успевала очередь выстоять, когда на карточки крупы давали, и рубашки отцу выгладить. И у Веры впервые после рождения брата появилось свободное время. В конце лета приехали Люба с Надей, им пора было в первый класс. Пидорка нагладила им платья, а заношенные тапочки она непонятно чем отполировала, и приготовила девочкам белые носки. Как-то получилось,

что она стала членом семьи, и сразу стала всем нужна. Юрочка поправлялся, Пидорка уже сажала его в подушки, чтобы он мог смотреть на сестричек. Отец немного отошел от горестей, снова стал улыбаться. И денег как-то хватало на еду, даже на конфеты-подушечка, совсем не так как раньше, когда вечно занимали у соседки Баси до получки. Вера подслушала как тетка Наталья, привезшая Любу с Надей, шептала Пидорке: -И не думай у село сунуться. Энкаведисти про тебе питали. Казали, що у тебе повинні бути цінності що у євреїв відбирали! («И не вздумай в село соваться. Энкаведисты про тебя спрашивала. Говорили, что у тебя должны быть ценности что у евреев отбирали!») Подружиться с Пидоркой у Веры не получилось. Но и отыскать недостаток в ней тоже не выходило. Все Пидорка делала молча, не поднимая глаз. Она тихонько улыбалась Юрику, гладила ею же заплетенные косички сестричек, преданно ухаживала за отцом. Веру она явно боялась, слушалась, и всегда смотрела на нее с опаской. Пришла холодная осень, а из одежды у Пидорки была только телогрейка и тот самый черный платок. Даже чулок не было. Да что чулок! Вера поняла, что у нее и штанов-то нет, и с удовольствием рассказывала об этом на коммунальной кухне Кате, дочке тети Маруси. А сама тетя Маруся услышала, да пошла за Пидоркой, завела ее к себе в комнату и подарила ей две пары трико и ночную рубашку. А Веру пристыдила. И с Катей они в тот вечер поссорились. А все из-за этой колхозницы! Ну, с Катей они, конечно, помирились, но Вера с той поры рассказывать про Пидорку остерегалась. а отец велел Пидорке носить материно пальто. И дал тете Марусе денег, чтобы она Пидорке чулки купила. Туфли материны ей подошли, а зимой она и кофту мамину надевать стала. Хорошо отец мамыны бурки белые Вере отдал, они хоть и большие пока, но настоящие взрослые. И Вера уже почти взрослая. И почти отличница, и звеньевая. И Мотя из десятого Б на нее засматривается и до дому провожает. А сестрички, вот глупые, к Пидорке ластиться стали, обнимают ее после ужина, а она их спать укладывает и песни им поет. Поет неплохо, с чувством поет. И отец слушает, и сама Вера иногда увлекается. Зима пролетела. На Пасху приезжала тетка Наталья. Рассказывала новости. У них в селе шесть человек забрали в НКВД. И тех, что на немцев работали, и тех, кто из этой проклятой Неметчины вернулся.

- А ти сиди! – наставляла тетка Наталья Пидорку. – Не в колгоспі за трудовні робиш. Дівчатка тебе люблять, Юрко за мамку вважає. Сиди тихо, може ця біда повз пройде.

(- А ты сиди! – наставляла тетка Наталка Пидорку, - Не в колхозе за трудовни работаешь. Девчонки тебя любят, Юрка за мамку считает. Сиди тихо, может эта беда мимо пройдет.)

В субботу короткий день, и отец приходил с работы пораньше. Они с Верой должны были пойти на кладбище подправить мамину могилку. В прошлый выходной поставили ограду и крест с табличкой, теперь надо было красить. Краска в банке уж месяц как стояла в сарае. Вера, посланная в сарай, банки не нашла. Отец тоже ее не обнаружил. Пришли из магазина Пидорка с Юрочкой. Ребенка она держала одной рукой, а в свободной несла корзинку с молочными бутылками и кирпичом хлеба.

- Фарбу не шукайте, я вже пофарбувала, - сказала она. - Учора день хороший був, соняшний. Ми з Юрком і пішли. Він спав на горбочку, а я фарбувала. Фарба, тільки, вся пішла. - тихо и виновато добавила вона.

(- Краску не ищите, я уж покрасила, - сказала она. - Вчера день хороший был, солнечный. Мы с Юрком и пошли. Он спал на пригорке, а я красила. Краска, только, вся ушла.)

Вера помогала отцу срезать дерн и обкладывать холмик на маминой могиле. На зеленый теперь холмик она положила букет ромашек. Они присели отдохнуть на лавочке у ограды.

- Почти год прошел, - вздохнул отец. – Как повезло, что Наталка привезла к нам Пидорку.

- Пфф – выдохнула Вера, - эту колхозницу!

- Ты язык свой попридержи, - прикрикнул отец. – Девчонки в ней души не чают. Юрочка бы без нее помер. – он помолчал. - Хорошая она женщина. – Отец снова долго молчал, и вздохнув, добавил: - Я, наверное, женюсь на ней.

- Ты что!!! – Вера вскочила с лавочки. – Папа, даже не думай, я против, я... - она задохнулась. – Пусть едет назад в село, в свой колхоз! Папа, ну ты сравни ее с мамой, как же так можно!

- А на четверо детей кто пойдет. – резонно заметил отец. – А жить бобылем совсем не сладко. Мне сорока еще нет, что ж мне рядом с Танечкой ложиться? И жили хорошо, и любили друг друга, но ее-то больше нет!

- Ты не можешь! Ты на этой Пидорке не можешь жениться! – Вера затопала ногами и побежала к выходу с кладбища.

Дома она исподлобья смотрела как Юрочка, переваливаясь, косолапит от отца к Пидорке, потом к Любе, потом обратно к Пидорке.

- Мама, смотри какой он смешной, - заливалась смехом Люба, а тихоня Надя обнимала Пидоркину руку. И Вера поняла, что ничего уже не

исправить. Все! Покатилась семья под откос. Если эта Пидорка станет командовать отцом, то образования сестрам не видать, а Юрочка, бедный, вырастет таким как хлопцы на рынке, гогочущие и пьющие водку из горлышка. Тетка Наталка продавала на новом базаре картошку и кукурузу, и всегда брала Веру с собой в помощницы. Вера этого не любила, но терпела, потому что распродавшись, тетка всегда покупала ей подарок. В прошлом году, когда они с теткой ходили вдоль рядов, прицениваясь к туфлям, эти хлопцы стали к ней приставать, а один хулиган задрал ей платье. Тетка на них заругалась, но хулиганы только гоготали и кричали всякие гадости. Неужели ее маленький Юрочка вырастет таким, думала Вера. Наверное, в тот вечер у нее и сложился план, который она стала претворять в жизнь. Через год Вера окончила семилетку и поступила в медицинский техникум в Гайсине. Она еще зимой начала уговаривать отца, доказывая, что Пидорка справляется с домашней работой, а сестры уже знают дорогу в школу, и ходят вместе с соседским Семкой, а тот большой и уже в третьем классе. К весне отец сдался и разрешил. Вера окончила седьмой класс почти на отлично, и в техникум пошла легко. Тетка Наталья вызвалась отвезти ее в Гайсин и поселить у своей двоюродной бабки Мотри. Бабка за квартиру деньгами брать отказалась, ей нужна была помощница по хозяйству, и Вера была очень довольна, что отцу не придется ей помогать. Напоследок поиграла с Юрочкой, уложила его спать, и стала собираться. Когда на тетку телегу погрузили Верин чемодан и узел с постелью, Пидорка расплакалась:

- Дитина ж мала, куди вона іде від батька, хто там тебе нагодує, хто приголубить!

Вера и сама чуть не расплакалась, прощаясь с отцом, но сдержалась, потому что сестры на них смотрели. Про себя решила, что, она должна вести себя как взрослая – учиться едет, жить будет самостоятельно. Любу с Надей обняла, расцеловала, обещала приезжать хоть раз в месяц, и зашагала к телеге.

- Віронька, доця, а зі мною, - закричала вслед Пидорка, и побежала за ней по двору. Догнала, обняла, прижала к груди. – Бережи тебе Б-же! - И, к Вериному стыду, перекрестила ее на виду у всего двора. Вера бегом добежала до телеги, села рядом с теткой Наталкой и лицо руками закрыла. Ужас, пережиток какой!

Девочки махали им панамками, Вера глядела назад до самого поворота на Хмельницьке шоссе.

- І за що ти на Пидорку зла? Чим вона тобі не догодила? Батько одягнений чисто, дівчата доглянуті, Юрасик зростає. Якби не вона, то ти б у свій технікум не поїхала, сіла би вдома та й сиділа з дитиною, кінець навчанню! – говорила ей тетка дорогою.

(И за что ты на Пидорку злишься? Чем она тебе не угодила? Отец одет чисто, девочки ухожены, Юрочка растет. Если бы не она, то ты бы в свой техникум не поехала, сидела бы дома с ребенком, и конец образованию.)

- А чего она лезет крестить меня, - огрызнулась Вера. – Я в комсомол вступать буду, а не в церковь ходить!

- Розумна дуже! Хрестить, бо ти хрещена! – прикрикнула тетка, но дальше ругать не стала, ехали они молча. Под вечер тетка Наталка свернула с дороги на Ковалевку. В этом селе у нее жила крестница, у нее они и заночевали. На другой день уже под вечер доехали, наконец, до Гайсина.

- А со своими повидаться ты на автобусе будешь ездить, - наставляла Веру тетка. – Без вещей, налегке, за полдня доберешься!

Наутро тетка уехала, ей надо было возвращаться поскорее, дни были горячие – страда. Председателя с трудом уговорила чтоб отпустил на пару дней. Она тоже перекрестила Веру, и только та открыла рот возражать, сердито сказала: - Цыть! - И так сказала, что у Веры пропало желание возмущаться.

Учиться в техникуме Вере очень нравилось. И классы, и практика в больнице. И относились к ним не как к детям, а как к будущим медработникам, и даже обращались к ним на вы, вроде как ко взрослым. Баба Мотря ее работой не нагружала, да и хозяйство у нее было небольшое. Утром курам насыпать, собаку покормить, коту молока плеснуть. В погреб бабке трудно было спускаться, Вера всегда сама лазила. И со стиркой помогала. Стирала баба Мотря сама, а воды натаскать уже нелегко было. И в баню ходить зимой баба Мотря боялась по скользким улицам. Но все эти обязанности нисколько не тяготили Веру, и она полностью сосредоточилась на учебе. Ей не было трудно, все-таки была почти отличницей в одной из лучших школ города. Да и учеба всегда давалось ей легко, она запоминала материал на занятиях, дома ей оставалось только повторить.

Впервые Вера поехала навестить домашних в конце сентября. Пидорка засутилась, достала припрятанные конфеты и пряники, и все причитала, что не знала о Веринем приезде, что с вечера не поставила тесто.

- А мука в нас є, - приговаривала она, - и хліба зараз дають досить, нам вистачає. Дівчаткам я з собою в школу даю, і Юра хліб їсть, навіть корочку гризе зубками. Такий вже гарний хлопчик!

Вера кивала ее словам, она видела, что Юрочка хорошо развивается, каждое слово повторяет, и ходит очень хорошо, ножки ровно ставит. Он и кашу ест ложкой, Пидорка только в конце докармливает, размазанное по тарелке собирает. Девочки прибежали из школы, обнимали Веру, приставали с расспросами. Взахлеб рассказывали о новой учительнице, у которой муж постовой милиционер. А сама учительница очень красивая, с косами, и у нее юбка в складках. А мама сказала, что из складок можно было еще одну юбку выкроить.

- Какая мама? – тут до Веры дошел смысл трескотни сестер.

- Мама Пидорка! – объяснила Надя. И снова начала рассказывать про новый класс и про трамвай, который идет до базара Каличи, а потом поворачивает обратно на вокзал, и гремит под окнами их класса так, что даже учительницы не слышно.

Пришел отец, обнял Веру как взрослую, стал рассказывать ей о своей работе, говорил почти как с равной, и Вера очень гордилась своим новым положением. Она держала Юрочку на руках пока Пидорка накрывала стол, но, когда все сели ужинать, мальчик стал тянуть руки к Пидорке, и Вере пришлось отдать его.

Вера погостила два дня, встретила с подружками, сходила с соседкой Катей в парк, даже с Мотей Яблонским случайно увиделась. Они нос к носу в парке столкнулись. Мотя уже получил разряд и работал электриком на химзаводе, сразу после школы устроился, а в институт заочно поступил. Он, как и Вера был старшим в семье, надо было помогать матери, в семье двое младших.

- Деньги неплохие, мамке полегче стало нас тянуть, - рассказывал Мотя. – А на следующий год буду пробовать в школе устроиться, все-таки уже на втором курсе буду.

После ужина отец принес из спальни мамы серьги, маленькие висюльки грушками, и подарил их Вере. Сережки были дешевенькие, но очень ей памятные, их носила мама, и Вера расплакалась как маленькая, правда, скоро успокоилась. Но пока она всхлипывала, Пидорка успела прижать ее голову к своей груди и гладила ее по голове как маленькую. Вера убрала ее руки и вскочила со стула. Девочки ничего не заметили, а отец покачал головой, вроде с укором.

В следующий раз Вера приехала домой на Октябрьские праздники. И тетка Наталка приехала, подгадав, чтобы повидаться с племянницей.

Снег в тот год упал рано, но мороз был совсем небольшой, для детей раздолье. Отец с Басиным Мишей уже залили для детей горку, и Вера разок прокатилась с сестрами на санках. Пидорка испекла пироги с капустой, наварила «свого» борщу, налепила вареников с творогом, - целый пир получился. Потом они еще долго сидели за столом, играли в лото. Пидорка с ними не играла, она сидела тихонько у стола с Юрочкой на коленях, а когда малыш стал засыпать, унесла его в спальню. Вечером они всей семьей пошли посмотреть «иллюминацию» из разноцветных лампочек. И все бы хорошо, но отец, выйдя на улицу, привычно взял Пидорку под руку. Тетка Наталка подхватила его с другой стороны, а Вере осталось везти Юрочку на санках.

- Ну и ладно, - думала она, - пусть! Я все равно не дам ей решать важные вопросы, я с отцом договарюсь чтобы со мной советовался. Я уже взрослая, с моим мнением надо считаться!

Юрочка ехал на санках, Надя с Любой бегали вокруг них, поднимая снежную пыль, и хохотали.

- Ти, Вірунька, з пальтішка свого зовсім виріюсла, - сказала ей по дороге домой тетка Наталка. - Я вже казала Павлові що дам половину. Нехай пошиють гарне пальто, бо ти в нас вже дівка на видання.

Вера рассмеялась и благодарно сжала теткину руку. На выданье в шестнадцать лет! Смешно!

- Ти не дуже зуби скаль, - рассмеялась и сама тетка. - В мене в шіснадцять років вже Маринка була, і я Петром вагітна ходила. И улыбка пропала с ее лица. Петро с войны не вернулся, и младшие Володя и Василько там же сгинули. А Маринка, старшая, померла в стылую голодную зиму тридцать третьего года. Тогда же помер и муж тетки Наталки. Похоронив мужа, собрала она детей и пешком отправилась с ними в город к брату. Как дошли, и как прошли кордоны, один Б-г знает, но дошли, спаслись тогда, а на войне спастись не довелось. Вера обняла тетку за плечи, потерлась щекой о пушистый мех ее колушка.

В конце декабря начались каникулы, и Вера с теткой опять свиделись в городе. Пидорка с гордостью показывала темно-синее сукно для Вериного пальто.

- Ніч висиділа під дверима крамниці, але ж дивись який файний колір вибрала! - восхищалась она.

Дядя Йося, отец соседки Баси, закончил шить Верино пальто к концу каникул. Вера в нем казалась сама себе совсем взрослой. Ей даже в

автобусе на Гайсин какой-то взрослый парень предлагал познакомиться. Знакомиться она не стала, уж не дура, но внимание ей польстило. Так вот с редкими побывками дома еще целый год пролетел. Второй семестр третьего курса показался Вере очень тяжелым, появилось много специальных предметов, и она не приезжала домой с нового года до самых майских праздников. В конце апреля приехала нагруженная зимними вещами. И пальто зимнее привезла с собой, чтобы в мамином шкафу оно дожидалось зимы. Вешая пальто в шкаф, Вера заметила, что в нем появилось незнакомое платье, а на самом дне шкафа лежали два отреза материала. Любопытство пересилило, и Вера пощупала платье, которое оказалось мягким и шелковистым, а потом вытащила из шкафа материал. Один отрез был голубой с цветами по краю, второй красный в белый горошек, - мечта, а не расцветка. Она аккуратно уложила все обратно. Неужели это для нее? Вера уже привыкла, что к каждому ее приезду Пидорка что-нибудь ей покупала. То новые чулки, то белье, то клеенчатую сумочку как у соседки Кати. К прошлому ее приезду Пидорка пошила ей две новые ночные рубашки из белого с цветочками ситца. Она освоила мамин Зингер, и все время что-то строчила, то торбочки, то новые наволочки, то юбочки для Любы и Нади.

После ужина, когда младшие ушли спать, отец рассказал Вере о том, как появились в доме эти вещи. В село на имя старой Галины, соседки Пидорки, привезли посылку. Посылка была вскрыта и наполовину пуста, кто знает, что там еще было, и что липкие руки проверяющих не захотели отдать по адресу. Но и половина ящика была полна нездешних вещей, темно-синее с кружевным воротником нарядное платье, три разных отреза материала, и детский матросский костюмчик. Тетка Наталка отдала старой Галине один отрез потемнее, и забрала остальное.

– Це Іван Пидорці прислав! – догадалась она. Энкаведисты приїжджали в село, допрашивали старую Галину, но она нічого не знала, ні хто їй прислав, ні хто такий отправитель посылки Джон Мазур.

– А вещи из посылки я по селу раздала, сыночки, - оправдывалась старуха. – И не помню уже кому, девятый десяток разменяла.

- Живий мій Іванко, - радовалась Пидорка, узнав про посылку. – Тепер дівкам сукні пошюю, а мій хлопчик гарний на парад у костюмі піде!

- Пидорка, так ты все еще своего Ивана любишь?- допытывалась Вера.

- Він мій чоловік , ми вінчани, - тихо отвечала Пидорка.

- А папу ты любишь? Вы же давно вместе спите, - не отставала Вера.

- З Павлом во гріхе живемо. Не можна вінчатися коли чоловік живий, - объясняла Пидорка.

Вера смеялась. Да как же это? И тот не муж, и этот не муж!

- От нащо це даремно базікати, - захищалась красная лицом Пидорка. – Так життя зклалося, ми вже це змінити не можемо. – И предложила: - Давай будемо сукню твою шити, блакитню з квіточками!

Пидорка обмерила Веру, подросткую и оформившуюся за последний год, и стала кроить ей голубое платье.

- Материал какой мягкий, тоненький, через кольцо протянуть можно! - с завистью сказала, заглянувшая к ним соседка Бася.

Глава вторая. Внуки

Когда Вера приехала на летние каникулы, голубое платье ждало ее в шкафу, отглаженное и даже с пряжкой на поясе. Из красного отреза вышло два летних платья Наде и Любе, Пидорка добавила белого полотна на кокетку и планку, и рукавчики тоже сделала полотняные. Платья получились просто загляденье!

В воскресенье днем отец взял их в парк, и Вера даже не очень сердилась, что он шел под руку с Пидоркой. Перед выходом она насильно сняла с Пидорки платок, а ее густые каштановые косы уложила короной на голове, пришили булавками. И платье из посылки заставила надеть, ну, чтоб отцу не стыдно было с ней в парке гулять. Получилась Пидорка очень даже ничего, и тетя Маня и Бася одобрили. Вера с сестрами шла впереди, все трое в новых платьях, да красивых каких, люди на них глазели, прямо оборачивались!

Вечером Вера снова пошла в парк уже с соседской Катей, дочкой тети Маруси. Билеты они никогда не брали, влезали через дырку в заборе, но по аллеям ходили важно, как большие. Катя была старше Веры, ей уже сравнялось девятнадцать, у нее были виды на одного паренька, и она хотела встретить его в парке как будто случайно. Катиного парня они не встретили, хотя гуляли долго. Зато встретили Мотю, Вериного школьного ухажера. Тот был в новом костюме, в шелковой рубашке и даже в галстук. Мотя сразу стал рассказывать, что его выдвинули на работу в райком, и он скоро станет «номенклатурой». Хвастался, конечно, но выходило что все это правда. Потом Катя встретила каких-то своих знакомых, и отошла, оставив их с Мотей на скамейке. Мотя сразу придвинулся к Вере поближе и предложил назавтра сходить в кино. Или на пляж, или просто погулять. А еще можно взять в райкоме машину и покататься за городом. А еще... Тут вернулась Катя и напомнила, что они обещали быть дома в одиннадцать, а уже без четверти, и надо бы

поторопиться. Мотя проводил их с Катей до дому, и уговорился встретиться с Верой назавтра в шесть у кино.

- Верка, он на тебя запал! – восхищалась Катя. – Еще бы, такое платье! Цвет яркий, за сто метров видать. Заграничный материал, конечно. Пидорка ваша, небось, на базаре отыскала. И пошито по-модному! Она зоркая, все видит! Счастливая ты Верка, такую мачеху отхватила. Они разошлись спать, но Вера еще долго ворочалась, не могла уснуть. Мачеха! Вот же слово какое злобное. Пидорка не злая, она глупая, некультурная, в школу не ходила... Тут Вера подумала, что Пидорка, наверное, и читать толком не умеет.

- Ні, не вмію я читати. - ответила ей утром Пидорка. – Навіть літерів не знаю. Рахувати гроші можу, але не багато. Та в мене ніколи багато й не було.

Лето пролетело быстро. Вера виделась с Мотей почти каждый день. В конце июля он пришел к ним домой знакомиться. Пидорка напекла пирогов «треба вшанувати!», называла его по имени отчеству, чем смешила и Веру и Мотю, и даже отца. Когда сели за стол, Пидорка постелила Моте на колени вышитый рушник.

В Гайсин Мотя отвез Веру на райкомовском «газике». И обещал приезжать и ее проводить. И в машине на прощание стал обнимать и поцеловал в губы, Вера даже увернуться не успела. Потом еще целовал, и еще. А потом предложил пожениться немедленно, прямо здесь в Гайсине в ЗАГСе и записаться. Тут у Веры туман в голове прошел, и она из машины поспешно вылезла, а Моте сказала, чтобы даже и не мечтал жениться. Ей училище оканчивать надо, да и до восемнадцати лет отец ни за что не позволит, и потом...

- Правильно! – сказал Мотя, вытаскивая из машины ее чемодан и корзинку с гостинцами для бабы Мотри. – У тебя в апреле день рождения, значит, свадьбу сыграем на майские праздники. А с отцом твоим я сам поговорю, - успокоил он Веру на прощание.

Весной и сыграли свадьбу. Пидорка добыла Вере новые босоножки, и веночек ей сделала из белых розочек. Вере веночек показался мещанским, но соседки так восхищались, что она решила веночек оставить. Моте уже выделили комнату в райкомовском общежитии, они с Верой вместе ее побелили, вымыли окно, а Пидорка пошила занавески. Перед свадьбой Пидорка позвала Веру в спальню, и выдвинула из-под кровати большой чемодан.

- Це твоє в'язно, ну, придане. Тут постільна білизна, рушники, халати нові, сорочки. Я весь рік шила, знала що Матвій твій чекати не буде,

одружитися зхоче. А подушки Наталка завтра привезе. І ковдру вона вам приготувала. Червону, блискучу! Я мануфактуру побачила в рядах на базарі, а грошей при собі не було. Бігом до Павла на роботу бігла, аж захекалась, і назад бігом. Але ж купила! – с гордістю розказувала Пидорка.

Вера полная благодарности даже обняла Пидорку. Но ее «захекалась» все равно резало ей слух.

Через два дня после свадьбы Вера уехала обратно в Гайсин, до дипломных экзаменов оставалось две недели. Окончила училище Вера в числе лучших, и Мотя настоял, чтобы она сразу же поступала в медицинский институт. Вера поступила, успела порадоваться удаче, а в конце августа поняла, что беременна.

- А я у вас на що, - вытирала ей слезы кухонным полотенцем Пидорка. - хіба погано я Юрасика доглядала? Такий гарний хлопчик, розумний, здоровий, хоч зараз в школу віддавай! Я і вашого пригляну, і вашого виросу, і нема чого плакати. Дитина від Б-га, раз посилає вам, то треба родити.

- Вот видишь, Верочка, - радовался Мотя, - как все устроилось! Счастье что у нас Пидорка есть, не работает, дома сидит, и нам помочь сможет. Танюшке сравнялось три годика, когда появился Алешка. Вера еще училась, но стараниями Пидорки, академический отпуск в институте не брала, и через две недели после родов уже вышла в больницу на практику.

- Мамадора, мы с бабой Дорой вместе за Алешкой смотрели. Она меня спать укладывает и велит чтобы я следила за Алешкой, ну, чтобы он из коляски не убежал. Я его караулила и уснула. Но он все равно не убежал! – докладывала Танюшка вечером, обнимая Веру.

- Что это еще за мама-дора? – укоряла Вера дочку. – Говори правильно, не выдумывай!

- Баба Дора – это дорогая бабушка, - обстоятельно объясняла малышка, значит, дорогая мамочка – мамадора!

- Це Бася придумала, - улыбалась Пидорка. – Казала, що Пидорка – це Дора по-їхнему. А дітям так легше - баба Дора тай годі!

Переубедить Танюшку оказалось невозможным, и Пидорка стала бабой Дорой для всех внуков.

Она вынянчила Танюшку, потом Алешку. Потом Надину Валю, а после еще и Юрочкину Анжелу. Всех детей отвела в первый класс, постояла в уголочке на торжественной линейке, любуясь своими «малими», и пошла домой готовить обед, «бо ж ввечори прийдуть діти». И дети приходили

часто, и с удовольствием ели Пидоркины борщи и вареники, и пирожки, которые она неизменно пекла на каждый день рожденья, непостижимым образом запоминая их даты и не пропуская ни одной.

Надя, Люба и, конечно, Юрасик называли ее мамой, и только Вера звала ее Федорой, но и она после «бабы Доры» потеплела и стала называть ее Пидоркой.

А посылки приходили каждый год. Сначала из Англии, потом после большого перерыва из Австралии. В посылках были теплые кофточки, отрезы на платья, шелковые косынки. Старая Галина давно померла, но тетка Наталья уговорилась с почтальоншей, и втихаря забирала посылки, отдавая той какую-нибудь вещь. Пидорка шила платья Вере, Наде и Любе, а теплые кофточки распускала на нитки и вязала свитера для Юрочки. А когда отец заболел, она преданно за ним ухаживала, да так, что даже строгий врач Вера, не смогла сделать ей ни одного замечания. В день похорон отца Пидорка снова надела платок, и уже никогда его не снимала.

Они выросли, выучились, переженились, обзавелись своими детьми, и остались очень близкими, собираясь на все праздники в старой родительской квартире. Вместе пережили они раннюю смерть Вериного Моти, и неожиданную гибель Любы, похоронили тетку Наталку. Вместе перевезли Пидорку обратно в родное село, а в их старой квартире поселился Верин сын Алексей с семьей. Юра и Надин муж Вася отремонтировали старую Пидоркину хату, и весной во дворе уже цвели мальвы. Пидорка теперь с утра до ночи обихаживала огород, чтобы дети, изредка навещавшие ее, увозили в город свежие овощи и «свою» картошку. Она никогда их не тревожила их, просто всегда ждала и всегда была им рада.

В конце восьмидесятых семья стала больше зависеть от Пидоркиного огорода. Весной Юра с Васей сажали картошку до самого оврага, а Вера с Надей даже перед хатой под мальвами сеяли редиску. Приезжали теперь уже с внуками каждые выходные – и детям раздолье, и Пидорке радость. Она уже не справлялась сама с огромным огородом, но исправно варила борщи для всей «родины». Внуки всегда просились к бабе Доре, и когда дети были заняты, Вера сама везла их в село, благо, Мотя покойный ее обучил вождению, и машина бегала исправно. Огорчало Пидорку только то, что ее любимый Юрасык очень от нее отдалился. Юра стал известным в городе хирургом, женился на дочке зампредисполкома, и теперь даже сестер редко приглашал к себе. Надя с Васей в его круг «не вписывались», а Веру он не звал чтобы не обидеть

Надю. К Пидорке он с женой приезжал и вовсе редкою Вера сама возила к бабе Доре его дочку Анжелу. Но повзрослев, и Анжела уже не хотела часто ездить в село. А Пидорка и у Нади, и у Веры выспрашивала новости о своем Юрасыке: здоров ли, готовит ли его жена «жидкое», «бо без борща люди хворіють», и чистые ли у него рубашки, бо «на нього хворі люди дивляться, і хто ж буде йому довіряти якщо він нефайно вдягнений».

Однажды, встретив Веру и накормив ее борщом, Пидорка не стала сразу расспрашивать про Юрасыка, а протянула ей неоткрытый конверт.

- Ось! Я так чую, що це лист від Івана, - сказала она. – Прочитай-но мені, ти ж знаєш що я неписьменна.

«Добрий день, люба моя Пидорко! – читала Вера. - Пише тобі твій чоловік Іван. Сподіваюся ти в доброму здоров'ї. Люди кажуть, що зараз за листи з-за кордону до в'язниці не забирають, то вирішив написати. Немає мені пробачення що покинув тебе, але не мав я надії вижити в тому пеклі, то хтів хоч тебе й дитинку зберегти. Хто у нас народився? Як доля твоя склалася? Пишу і не знаю, може тебе вже й на цьому світі немає, а може ти собі чоловіка знайшла і щаслива з ним.

Я вже тридцять років живу в країні Австралії. Тут є трохи наших з України, то тримаємось разом. Будували величезну електростанцію, а потім поїхали до міста Брісбена, бо тут теж коїться велике будівництво. Напиши мені, люба, прийшли мені звісточку, Пидорка, хоч два рядки попроси когось написати. Хто в селі нашому живий, хто помер, не повіриш, я всіх до єдиного пам'ятаю, кожного в обличчя, кожен куточок. До цього, твій чоловік Іван»

Глава третя. Проводи

«..А Павло сильно поранений був, на протезі ходив. – диктовала Вера Пидорка. - Жінка в нього померла, а хлопчик малесенький залишився без мамки, то й він помер би якби не була я з молоком. Як Петрика поховали, Наталка Грищенко мене вмовила їхати до Вінниці, до брата її, бо ж енкаведешники були б забрали. Двадцять шість років я у місті прожила, Павлових діток виростила, одружила, щей діточок їхніх до школи винянькала. Жили ми з Павлом як чоловік з жінкою, він мене ніколи не ображав, дуже чемний й лагідний був. А як поховали його, то й поїхала я до нашої хати доживати. Діти мене провідують, допомагають, нема на що скаржитись й дуже я їм за це вдячна...

Ти питався, чи я стала дуже груба, так не стала, така як була. Не тяжке життя прожила, не в селі, той не набрала.» - Пидорка перестала диктовать, підперла рукою щеку и тяжело вздохнула.

- Віронько, доця, ти ж читала що Іван мене до себе кличе в цю Асралию. І що мені робити? Їхати боюся, а як не Їхати, він же ж мій чоловік вінчаній.

- Так, Пидорка, не спеши, дай мне время обдумать, посоветоваться. Австралия – не ближний свет, обратно не наездишься. Если уедешь, то с концами, сюда не вернешься, - пыталась успокоить ее Вера.

- Та я ж кажу, Віронько, - сморкалась в фартук Пидорка. – Я й сама не хочу вас покидати, але ж ми вінчані. Я ось ходила до батюшки в сусіднє село. Він каже що з Павлом я во гріхах жила, а якщо Іван мене прийме, то повинна я їхати до Івана. От якби усім разом їхати, і діти й онуки... Вернувшись домой, Вера позвонила Юре и Наде и назавтра они приехали к ней. Вера жила в самом центре, в доме, который в народе называли обкомовским. Квартиру эту получил Мотя, который всю жизнь проработал в горисполкоме. Когда-то их было четверо, а теперь Вера осталась в этой просторной квартире одна. Она уже могла выйти на пенсию, но одиночество просто изматывало, и она продолжала работать, но и после работы старалась не оставаться в квартире надолго, придумывала причины, чтобы не сидеть дома. Большая комнате с блестящими бордовыми портьерами на окнах, которые когда-то так нравились Вере, теперь нагоняла тоску.

Вера рассказала Наде и Юре о письмах и о том, что первый муж зовет Пидорку к себе в Австралию.

- Ну, я точно не поеду! – сразу откликнулся Юра. – А мама, если хочет, пускай едет. В конце концов, она уже столько лет одна! Вдруг там сложится, и поживет она сколько суждено в достатке. За границей против нас все богатые!

- Что ты говоришь! – возмущилась Надя. – Это ж не ближний свет, это ж навсегда с мамой прощаться! Она нас вырастила, а мы ее с рук долой!

- Жизнь идет вперед, - урезонил ее Юра. – Мы все не молодеем, а мама скоро совсем старенькая станет. Ты за ней ходить будет, или Вера? А за границей старики живут как в раю. Я на конференции в Швеции был, нас водили, показывали. Да мы за сто лет таких условий не обеспечим.

- В дом престарелых!?! – ужаснулась Надя. – Да как ты можешь! Я сама за мамой ходить буду!

- А хочет ли мама чтоб за ней ходили? – спросил Юра. – И добавил, - Она еще сама хочет о ком-то заботиться.

Они помолчали.

- Такие перемены в жизни, - задумчиво сказала Вера, - не каждый решится. А Пидорка смелее чем я думала.

- Просто мама так понимает свой долг, - буркнул Юра. – На старости лет ехать неизвестно куда, да неизвестно к кому!

- Ну почему неизвестно, - вступилась за мать Надя. – Мама мне рассказывала, что у них с Иваном любовь была, и как он ее в старой юбке замуж взял. И дети у них были, только умерли. Мне мама и могилки их на кладбище показывала, когда мы с ней тетину могилу весной убирала.

- А я бы тоже хотела свою жизнь кардинально изменить, мне только отправной точки не хватает, - призналась Вера.

Она оглядела нарядную комнату, которой раньше так гордилась. Когда был Мотя, Танюшка, Алешка, - все было по-другому. А теперь Моти с ними нет, Танюшка с мужем-моряком живут в Севастополе. Алеша выкупил соседские комнаты в их старой квартире, и сделал шикарный ремонт. Получились четыре спальни и большая гостиная, сделанная из двух комнат тети Мани. И кухня огромная коммунальная, где теперь стоит большой круглый стол, сделанный когда-то отцом. И еще сто лет простоит...

- Ты человек свободный, внуки в школе, пенсию оформишь, — вот тебе и отправная точка, лучше не придумать! - убеждал Юра. - Поезжай с мамой в Австралию, присмотришь к этому Ивану, что за человек, как к маме относится. А то вдруг бандит какой, обидит ее. Она ж у нас жизни не знает, не работала, детей нянчила да хозяйство вела.

- А сколько маме лет? – вдруг спросила Надя.

- Тетка Наталка говорила, что в сорок втором ей шестнадцать было, венчать было можно. Значит она... двадцать шестого года, - подсчитала Вера. – Это что ж получается, что она всего на одиннадцать лет меня старше! Я всегда думала, что она старая, ну, не старая, но старше намного! – она помолчала. – Это потому, что она всегда вела себя с нами как мать. Даже со мной...

- Лично я никуда не поеду, сказал уже, - повторил Юра. – У меня работа интересная, я такие операции делаю, что из Киева приезжают смотреть. А что я буду в этой Австралии делать? Десять лет пытаться экзамен на врача сдать? И не сдам, и квалификацию потеряю. Да экзамен этот еще не сдал никто!

- А ты, Надя, что думаешь? – повернулась к сестре Вера.

- Ну, я - как Вася скажет, - улыбнулась Надя. – Вот подлечится, выйдет из госпиталя, тогда и поговорим серьезно.

Вера только вздохнула. Она уже все знала и три дня мучилась, подбирая слова, и не зная, как сказать Наде.

Надиного Васю похоронили через три месяца.

- Доця моя рідна, красуня моя білявенька, сонечко моє, дитинонька бідна, - приговаривала, утешая плачущую Надю Пидорка, - А Вася ж тебе кохав, Вася тільки тобою й дихав, тільки на тебе дивився, тільки тобою і жив, серденько...

После поминок, когда друзья, наконец, ушли, а Алексей повез Пидорку домой в село, сестры убрали со стола, перемыли посуду, и потом долго сидели на диване. Каждая думала о бедном Васе, о рано умершем Моте, и о своем недолгом счастье. В тот вечер Вера и приняла решение.

Алеша не возражал, Танюшка тоже согласилась, что надо помочь бабе Доре. Надина Валя и Юрина Анжела сами загорелись ехать в Австралию, ну, хоть в гости.

- Бабулечка, - обнимали они Пидорку, - мы к тебе в гости приедем кенгуру посмотреть.

А Танюшка, приехавшая на проводы, потихоньку возмущалась: – Ну куда баба Дора прется на старости лет! Живет здесь в достатке, дети-внуки приезжают, все есть. На край света! Зачем?

- Так там у бабы Доры муж! – защищала Пидорку Валя. – Столько лет не виделась, а посылки ей всю жизнь посылал, помнил, значит, любил.

Вера вспомнила про свое голубое платье из первой посылки. Как давно это было, как хорошо им было с Мотей. Потом Пидорка платье это для Танюшки перешила. А материал был яркий, не выцветал, не снашивался.

- Да какая любовь у деда с бабой!? – удивлялись внуки. – Вот скажи, бабуля, - приставали они к Вере, - ты могла бы влюбиться по переписке?

- Все! – Вера хлопнула ладонью по столу. – Хватит разговоров. Мама приняла решение, давайте его уважать! – Она встала и оглядела длинный стол под яблонями, за которым собралась вся семья. - Не много счастья выпало на долю нашей мамы и бабушки. Она о нас заботилась как могла, жизнь свою нам отдала. Сложится в Австралии, мы все будем за нее рады. Не сложится, заберем маму обратно, сами будем заботиться! За мамино счастье! – Вера подняла свой стаканчик. Все молча выпили, стали закусывать, передавая друг другу хлеб и плетенку с пирогами. А Пидорка уже спешила из летней кухни с миской вареников и глечиком сметаны.

- Віронька, доця, яка ж ти в нас розумна! – тихонько сказала она Вере, присев, наронець, к столу. – Так гарно сказала, так добре вирішила. Боронь Б-же, не зможу я в тій Асралії жити, поїду назад до вас. Тільки хату мою збережіть, не продавайте поки що.

Сказала так, и заплакала. Плакала Пидорка тихо, чтобы никого не беспокоить, как всю жизнь прожила, так и плакала: без всхлипов, без рыданий, только слезы текли по щекам, да дрожали прижатые к груди руки со вьевшейся чернотой огорода. Сидевшая слева от Пидорки Надя стала ее утешать, прижала ее голову к груди и гладила по голове как маленькую. Юра вынул из кармана трубочку с валидолом, заставил мать взять таблетку под язык. Пидорка вскорее успокоилась, а когда Вера с Надей уже хотели разливать чай, встала и попросилась: - Віруня, я щось сказати хочу!

Взрослые зашикали на детей, все взгляды устремились на Пидорку, стоящую с «гранчаком» в руках.

- Діти мої любі, - начала Пидорка. – Їду я далеко, і так може статися, що ми й не побачимось на цьому світі. Я вже стара, нянькати малих не здатна, бо вони вже спритні для мене. Позвав мене мій чоловік Іван. Він за мене старіший, мабуть вже хворіє, доглянути нема кому. Хто ж піклуватиметься про нього, якщо не його дружина? Я батька вашого доглянула, дітей як своїх виховувала, за всю його доброту віддячила. Тепер повинна я йти до мого чоловіка. Дякую вам, діти, бо ніколи не бачила від вас нічого, окрім хорошого. Ви дали мені сім'ю та повагу. Нехай Б-же береже вас... А я вже поїду... – Голос у Пидорки сорвался, но подняла она свой стакан и не отрываясь выпила, а слезы из глаз так и бежали.

А у Веры, когда говорила Пидорка про уважение, и про то, что за их доброту сполна расплатилась, тяжело на сердце стало. Не уважала она Пидорку, а сама добротой ее пользовалась, подкидывая ей детей, а потом и внуков. Пидорка иной день и котлет для них нажарить успевала. И когда прибежала Вера забирать деток домой, ждал ее увязанный в теплый платок казанок или кастрюлька. И принимала она это как должное – взяли Пидорку в семью, вот, пускай для семьи старается. И платья из материала Пидорке присланного она с сестрами принимали как должное: они молодые, им нужнее, а Пидорка и не ходит никуда. Дарили они Пидорке домашние халаты из цветочного ситца и теплой фланели, тапочки домашние покупали, отдавали свои старые свитера и жакеты, а она вязала себе из ниток теплые шали. Вера вспомнила, как однажды принесла Пидорке зимние сапожки. Мотя покупал на спецобслуживании,

да не угадал с иностранным размером, малы оказались. Ни Вере, ни сестрам они не подошли, и достались Пидорке. Как же она восхищалась модной обувкой, раз в жизни случайно к ней попавшей!

- Вне времени жизнь прожила наша мама, - проговорил Юра, садясь на Пидоркино место между Верой и Надей. – Как она там то приживется? Они смотрели на Пидорку, а она споро мыла посуду, которую подносили ей Валя и Анжела. Юрина жена Наташа и Алешина Катя вытирали тарелки. День теплый, солнечный, ни облачка на небе. Женщины в ярких сарафанах, в легких босоножках. Только Пидорка в темном платье в мелкий горошек, белым платком повязана, да на ногах старые тапочки.

- Надо ей хоть пару нормальных платьев купить, - подумала Вера. – и тапки новые обязательно, а то опозорится перед этим Иваном. Он, наверное, уже давно австралийцем стал, в пиджаке да с галстуком, а тут к нему Пидорка из Вербки. З -пид Вербок!

Самолет стал снижаться, и Пидорка уже привычно ухватила за Верину руку и закрыла глаза. - ...іже есі на небесі... - шептала она.

- Пидорка, да открой глаза, - тихонько уговаривала ее Вера, - посмотри какой красивый город Брисбен. Ты здесь жить будешь, неужели тебе не интересно глянуть с высоты? Смотри!

Пидорка опасно приоткрыла один глаз, глянула в иллюминатор, зажмурилась, потом открыла оба глаза и испуганно зашептала: -...та буде воля Твоя... - но глаза уже не закрывала, с удивлением всматриваясь в чужой город, который раскинулся под ними во всю необъятную ширь.

- Мабуть ще й більше за наш Київ, - сказала она. Вера только хмыкнула. А Пидорка снова схватила ее за руку, потому что земля стала стремительно приближаться. Самолет покатился по летной полосе гася скорость, все захопало, благодаря пилотов за мягкую посадку, и Вера тоже присоединилась к аплодисментам. Повернувшись к Пидорке, она с удивлением увидела, что Пидорка тоже хлопает в ладоши.

- Так усі плещуть, - смутилась та, - ну і я стала. А шо...

Вера сняла с ленты сначала свой чемодан, потом, откатив его к Пидорке, вернулась и нашла взглядом старый Надин чемодан, в который они уложили Пидоркины вещи. Они пошли по стрелке на паспортный контроль, и Пидорка, как испуганный ребенок, держалась за Верину руку, словно боясь затеряться в шумном улье аэропорта. Перед самым выходом в зал прилета, Вера оглядела Пидорку, поправила ей воротник платья, пригладила растрепавшиеся спереди волосы.

- Причепурила мене як наречену, - через силу улыбнулась бледными губами Пидорка. – Щей вельон прикрутити, тай можна весілля грати. Як Иван мене схоче, то схоче й негарну, бо хто вже файний мого віку... - руки ее дрожали, и она никак не могла просунуть руку в ремешок сумочки. – Не звикла я до ваших сумок, - оправдывалась она когда Вера помогала ей. – Ну, з Б-гом! – и шагнула к распахнувшимся перед ней дверям.

Глава четвертая. Иван

- Алло, Надя, связь пропадает, алло, ты меня слышишь? – Вера дождалась ответа и продолжала рассказывать. -У выхода в зал толпа народу, полно встречающих с именами на табличках, а мы мимо проходим, уже дошли до последнего встречающего, вышли в зал. И никто нас вроде и не встречает, а Пидорка уже плакать готовится, я, знаешь, тоже испугалась маленько. Вижу, стоит чуть дальше мужчина высокий такой и в вышиванке. Ну да, да, в нашей, в украинской рубашке. Я Пидорку под локоть толкаю и на него показываю. А она белая вся стоит и мне шепотом: - Це я, це ж я вишивала! – Да как кинется ему навстречу. А он к ней! Весь аэропорт на них смотрел рот открывши! Как они друг на друга наглядеться не могли, как обнимались... - Вера всхлипнула. – И ведь седые оба, и женаты были всего ничего, и так... Не понимаю! Ну да, есть машина, местная, Холден называется. И я первый раз слышу! Нет, не в квартире, а в собственном доме. С гаражом и беседкой. Ну все, я прощаюсь, меня к столу зовут. Тут Пидорка уже наготовила всего, и когда только успела! Мы вчера вечером прилетели и сразу спать легли. А сейчас гости пришли. Тут у нас, вроде, вторая свадьба. Нет, не смеюсь, а удивляюсь. Все, пока. Я завтра еще позвоню. Вера положила трубку телефона обратно на комод, и подошла к зеркалу. Эту комнату Иван, когда показывал им с Пидоркой дом, назвал спальней. - Я й дзеркало купив, й комод поставив, на тебе чекаючи. У шуфлядках пусто, ти свое нижне сюди клади, а плаття у шафу вішай. – говорил он. Пидорка вроде и слушала, но казалось не слышала его, только смотрела на него и качала головой и каждые пять минут принималась плакать. - Вы ей лучше кухню покажите, - предложила Вера. – Она делом займется и плакать перестанет.

Иван потянул Пидорку в кухню, просторную, с окном в сад. Под окном рос куст жасмина, и запах его расходился по дому. Все окна были открыты, слышно было и пение птиц, и шум проезжающих машин.

Пидорка сразу повязалась фартуком, и захопотала, вынимая продукты из холодильника.

- А кастрюлі де в тебе, Іван? Ти мабуть друзів покликав, хтось прийде ввечері? А де овочі? І буряки є? – Пидорка суетилась у кухонного прилавка. – Ножи в тебе гарні, гострі! – похвалила она. – Ти борща пісного хочеш, або с кісткою?

Вера, присев на маленький кухонный диванчик, с удивлением наблюдала за Пидоркой, так быстро освоившейся в чужой кухне. А на плите, которую для нее зажег Иван, уже стояла кастрюля с кипящим борщом. Пидорка терла картошку на деруны, мыла помидоры и огурцы, звала Веру делать салат, и при этом безостановочно говорила с Иваном. Они перечислили всех, кто жил в селе, от первой хаты до последней у самого леса. Иван помнил все имена, спрашивал про детей односельчан, кем стали, куда уехали. Он подробно расспрашивал о родных и знакомых, но Пидорка чаще всего отвечала «забрали», «з Сибіру не повернувся», «на Донбас поїхав» или «помер».

- Майже півсела зникло! – жаловался Иван. – Нема вже нашої Вербки! Зпочатку голод, потім війна, та ще після війни катували! А що Віруня наша не розмовляє українською?

- Вона все розуміє, - захищала Веру Пидорка, - і розмовляти може. В місті мало хто розмовляє, бо багато російських шкіл.

- Може зараз щось зміниться, - вздыхал Иван, - побачимо. А я маю для Віруні дуже гарного хлопця, але він тільки українською розмовляє. Він тут народився, батьки його мові навчили, а російську він і не чув ніколи. Гарний хлопець, чуєш, Віруня?

Вера даже покраснела. При чем тут она к гарному хлопцу? Она уже давно ни о чем таком не думает, старая для хлопцев, бабушка. И вообще она здесь не за этим! Но вечером, когда собрались Ивановы друзья, она как бы ненароком разглядывала этого «хлопца». Был он высокий, энергичный, поджарый и быстроглазый, с седым чубчиком, и громким хорошо поставленным голосом. Андреем звали. Был он школьным учителем математики, преподавал в каком-то колледже. Одет был несерьезно – в майку и шорты, да в шлепанцы, но приехал на новой и блестящей машине. Оказался Андрей интересным собеседником, и просидели они с Верой на веранде часа полтора, все говорили о жизни, сравнивали «а як у вас».

Когда гости разошлись, и Вера с Пидоркой домыли тарелки, Иван обнял Пидорку за плечи и тихонько сказал ей:

- Ну що, жінка, веди свого чоловіка до ліжка...

И что-то было в этих словах только им двоим понятное, потому что поглядели они друг другу в глаза, и перестали замечать что вокруг них творилось. За руки взялись как дети и в спальню пошли.

Вере даже неудобно стало, словно она в замочную скважину подглядывала. Развесила она кухонные полотенца, и поспешила в свою комнату на первый этаж. Разделась, легла в постель, и задумалась. Старые Иван с Пидоркой, за шестьдесят обоим, неужели у них еще это самое может быть? Но как-то получалось что может, иначе не смотрел бы так Иван, со значением смотрел. И Пидорка бы не покраснела вся... Выходит и в старости можно как молодые! А у нее после Мотиной смерти и в мыслях такого не было. И ворочалась Вера в постели, и думала о своей одинокой надвигавшейся старости. Вроде все у нее в жизни было ладно, и любовь с Мотей, и детки, и работа любимая. Было. А теперь? Ревновала она Пидорку, что ли, завидовала? Уснула она поздно, почти под утро.

Назавтра вечером закомандовал Иван ехать в украинский клуб. Вы, мол, должны посмотреть на австралийскую еду, да на людей, кто что ест, кто как одевается. Пидорка, которая с утра глаз с него не сводила, даже слова возражения не вымолвила. У нее в шкафу с десятков платьев висело, что Иван купил, ее ожидая, выбирай любое. И косынкой он не велел «в люди» повязываться, хотя дома Пидорка все равно покрывалась платком. Принарядились они, в общем, и поехали. У клуба ждал их Андрей, Энди, по-здешнему. По всему видно было, что частенько ходили мужчины в этот клуб, почти все здесь друг друга знали. С ними здоровались, и Иван всех знакомил и с Пидоркой и с Верой. Про Пидорку говорил, что жена, а Веру называл падчерицей. И удивлялась Вера, как легко принял этот, проживший всю жизнь вдали от семьи, и жену и совершенно чужую ему взрослую дочку. Многие кто подходил к их столику, говорили по-украински: те что помоложе чуть запинаясь, а люди Иванова поколения словно всю жизнь в Украине прожили. Покончив с едой, перешли они на веранду. Андрей принес им с Пидоркой еще по бокалу вина, а себе и Ивану пива.

- Не люблю я цього вина, - шептала Вере Пидорка, - Ще чарку випити можу, а вино – це панський напой! А ти випий, доця, може у вас з Андрієм зладиться.

- Это ты меня на что толкаешь? - удивилась Вера. – Это уже четвертый бокал сегодня.

- Я не штовхаю, Віруня, я раджу. Ти вже скільки років недоторкою живеш. І він без баби знудьгувався. А чоловікові сама знаєш яка ласка потрібна. Он-до Іван козликком скаче!

А Иван и вправду сегодня был другим. Он шутил, громко хохотал вместе с окружавшими его людьми, наслаждался вниманием, с которым его знакомые расспрашивали Пидорку о ее жизни. Все они улыбались, размахивали стаканами с пивом, и задавали вопросы с неподдельным интересом. И это тоже удивляло Веру: ну какое им дело до ее жизни? Но ведь спрашивают, да про такие мелочи как цвет докторских халатов, или сколько лет надо учиться чтобы стать доктором. Если говорили по-английски, то она смысл вопросов почти всегда понимала, но говорить по-английски не могла совсем, и за нее говорил Андрей. А если обращались по-украински, то она, привыкнув за годы работы говорить с пациентами на их родном языке, отвечала тоже по-украински. И то, что Андрей приобнял ее за талию уже казалось естественным, и его куртка накинутая ей на плечи, и то что они в обнимку спускаются по лестнице, а с веранды им свистят и смеются. Андрей усадил Веру на переднее сидение, пристегнул ремень и повез ее в темноту. Уснула она сразу же, всю дорогу проспала и не проснулась даже когда Андрей вытаскивал ее из машины. Открыла она глаза только когда утром разоралась прямо под окном ранняя птаха. Пела она странно, выводя целые музыкальные фразы. Вера немного послушала заморскую птицу, глядя в белый потолок и пытаясь сообразить, где она находится, а потом тихонько повернула голову и увидела спящего рядом Андрея. Она завозилась и поняла, что раздета, и спала в одной комбинации. Вера попробовала вспомнить хоть что-нибудь, но вспомнила только последний бокал вина, а дальше ничего вспомнить не могла. Так было или не было?

- Було, - словно отвечая на ее немой вопрос сказал, не открывая глаз Андрей. – Вже все між нами було, согрешили! – і потянувся обняти її. – Швидко біжи до ванни, будемо ще грішити.

Вера из постели пружиной выскочила. Уже в ванной, умывшись и расчесав волосы, она вспомнила глупую приказку о том что «Поздно пить Боржом». Ну, раз уже было, то теперь глупо притворяться недотрогой.

К Ивану с Пидоркой они приехали аж к полудню. Андрей выключил мотор и взял Веру за руку.

- Я хочу повінитися, Віронька, - сказав он. - Вчора між нами нічого не було. Ти відразу ж заснула, а я роздягнув тебе, трохи помилувався тобою, та й ліг під бочок. Це мене Пидорка навчила. Вчора мені каже: -

Не обдуриш, не продаш! А ти така сором'язлива, взагалі не схожа на наших австралійських жінок. Ти б ще півроку збиралася!

- Ах ти ж... – начала Вера, но Андрей закрыл ей рот поцелуем, и задержались они в машине до тех пор пока на веранду вышел Иван и позвал их обедать.

Вера сразу прошмыгнула к себе в спальню переодеться, а Андрей, безо всякой неловкости сел к столу дожидаться обеда. Пидорка уже несла ему тарелку с дымящимся борщом когда Вера смущаясь поднялась к ним.

- Ти ж моя гарнесенька, - обняла ее Пидорка, - сідай їсти, бо тобі треба сили. Андрій хоче взяти тебе за жінку. Ось у Івана питає благословення. Будеш у нього газдинею, знову очі заблищать як в молодості.

Вера, держась за руку Андрея, стояла перед высоким худым священником, и слова звучащие под высокими сводами, не достигали ее понимания.

Как же это получилось, что жизнь ее изменилась вдруг, в одночасье, без ее желания, да так круто, как будто две половины ее существования совсем не связаны друг с другом? Она была пионеркой, потом комсомолкой, злилась на Пидорку, убежавшую из дому на рассвете святить куличи в Пятничанской церкви, не давала ей окрестить Юрочку (хотя тетка Наталка с Пидоркой все равно окрестили брата, когда она уже училась в Гайсине). Она, Вера, прожившая полжизни с Мотей Яблонским, коммунистом и райкомовским инструктором, мама Тани и Алешки, известный в городе врач, глава большой семьи. Да когда она шла по главной улице с ней здоровались на каждом шагу! А здесь ее никто не знает, да что там ее не знают, она даже языка здешнего не знает, трех слов связать не может. Ни профессии, ни квартиры своей. Вера вспомнила как она гордилась своими бордовыми портъерами, как расставляла в серванте хрустальные рюмочки... И шубку каракулевую жалко, и шапочку норковую!

Андрей сжал ее руку, и Вера поняла, что обращаются к ней.

- Обіцяю, - сказала она, и другая половина ее жизни началась.

И все было в этой жизни: и любовь, и слезы, и ссоры, и подарки, и путешествия, и работа. Был и цветник перед домом и ремонт, и авария на новой машине, и болезни, и купание в океанских волнах, и неудачное замужество Нади, которая приехала на их с Андреем свадьбу, да так и осталась с Пидоркой. Но ни разу не пришлось Вере пожалеть, что благословила ее Пидорка связать свою судьбу с Андреем. И как двадцать лет прошли-пролетели, как эти годы растаяли?

После смерти Ивана Пидорка резко сдала. Еле-еле ходила, с помощью Нади спускалась в сад и сидела в кресле весь день. Почти каждый день пересматривала Пидорка дерматиновые привезенные с собой альбомы с фотографиями детей и внуков, и блестящий нарядный австралийский с фотографиями Ивана. И каждый раз повторяла с тоской:

- Як там мій Юрасик... Хоч би ще разочок його побачити.

Ушла она тихо, никого не побеспокоив. Шла по комнате, держась за комод, а потом посмотрела на Веру и Надю, сидевших за столом и сказала:

- Вибачайте, донечки, але я мабуть далі не піду... - И медленно опустилась на пол.

Хоронили Пидорку рядом с умершим три месяца назад Иваном. Вера с Надей стояли возле могилы и слушали как хорошо говорил о Пидорке Андрей.

- Ми сьогодні ховаємо Пидорку Іванівну Дацюк, уродженку села Вербки Вінницької області в Україні. Разом з нашою Україною пережила вона голодомор, жахи війни і повоєнні голодні й холодні роки.

Прожила Пидорка Іванівна довге життя, і стільки всього було в її житті, що іншим не вистачило б трьох життів. Четверо дітей і четверо онуків виростила вона, була матір'ю багатодітної сім'ї, і для кожного знаходила ласку і добре слово. І зустрічала кожен день з посмішкою, і всі бідування для неї не були негодою, бо була вона великою працівницею! Вже літнєю Пидорка Іванівна вирушила у кінець світу щоб доживати з коханим чоловіком. І ось вона ляже у землю поруч з ним. Поклоніться люди великій працьовитій неньці!

И при этих словах обруч, стягивавший много лет Верино сердце, вдруг лопнул. И слезы хлынули у нее из глаз, и с криком – Мама, мамочка моя любимая! – бросилась она к стоявшему у могилы гробу. Андрей перехватил ее, обнял и горькие Верины слезы впитались в его рубашку. А когда опустили Пидорку в могилу, то Надя молча развязала старенький белый Пидоркин платок, в котором хранилась привезенная по ее просьбе «рідна земля з-під мальв коло хати» и высыпала на гроб.

ВЛАДИМИР ПАХОМОВ

*Родился 13 апреля 1948 г. Ленинград.
Образование высшее - геолог.
После окончания института в 1971 г.
работал в Приморье и на Крайнем Севере
(Колыма, Чукотка)
С 1998 года проживаю в США г. Нью
Йорк.
Печатался в журналах и
Альманахах России
Рассказы на военную тематику не
печатались.*

ГОЛОС ГОРЫ

хроника одного восхождения

*"Ну как же тебе рассказать, что такое Гора?
Гора-это небо, покрытое камнем и снегом"*
Ю.Визбор

За 2 дня и 8 часов до трагедии.

Мы стоим перед Горой во время короткой передышки перед первым промежуточным лагерем. Надсадное, тяжёлое дыхание людей, который час на лыжах преодолевающих крутой подъем смешивается со свистом низовой метели, почти сразу зализывающей следы. Да-да, не заметающей, а именно зализывающей жадными голодными языками каких-то неведомых животных. Струйки горячего пота, буквально прожигают немые молодые, сильные тела под насквозь пропотевшей одеждой, иногда он зависает на бровях мутными солёными каплями. На протяжении нескольких часов я вижу только спины впереди идущих, взял и откинул капюшон куртки и тут же замер, ошеломлённый открывшейся передо мной картиной. Гора оказалась совершенно непохожей на виды открыток с белым конусом на фоне голубого неба, даже совсем не такой, какую я видел на вулканостанции.

Склон обрушился на меня невероятно низким небом, состоящим из снега, камней и пугающе близких облаков. Что-то равнодушно-

взирающее, и вместе с тем, угрожающее таилось в глубинах бесчисленных кулуаров, изрезавших склон и переходящих в каменные гребни, торчащие как чёрные обломанные резцы огромных злобных хищников.

Мне почудилось, что в свист ветра вплетается едва различимый шепот, вселяющий неясную тревогу, какое-то ничем не объяснимое предчувствие, уже не оставлявшее меня впоследствии. Тогда я еще не понял, что это был Голос Горы.

От автора.

Эта повесть основана на реальных событиях и исключительно личных впечатлениях автора, принимавшего участие в зимнем восхождении на вулкан Ключевской* (Камчатка) в феврале 1970 года. Описанные в жанре хроники события фрагментарно вошли в повесть А. Димарова «Вершина» (журнал «Знамя» № 5 1986) и документальные очерки одного из участников восхождения В. Дахина «Трагедия» 201, и Ю.Берсенева (Записки Географического Общества. Приморский край, 2020).

Многое из уже написанного, несмотря на документальность, показалось мне не совсем точным и отчасти субъективным, граничащим с неприкрытой предвзятостью. Поэтому возникло желание в хроникально-художественной форме изложить мое собственное видение событий тех далеких лет.

Основой хроники послужил сохранившийся уникальный документ - мой сухой, бесстрастный рассказ, записанный 24 февраля 1970 года (пятьдесят лет назад!) и напечатанный на разбитой пишущей машинке в присутствии свидетелей.

Почему я выбрал ключевым в достаточной степени затертое слово - трагедия? Я надеюсь, уважаемый читатель, вы найдете ответ на этот вопрос, если дочитаете до конца мое видение того незабываемого восхождения.

Двумя неделями ранее.

Из откровений бывалого альпиниста

«Зачем люди ходят в горы? Только не потому, что они обожают горы, и уж совсем не потому, что среди них есть и такие, которые предпочитают любоваться горами со смотровых площадок или с живописных зеленых долин, борта самолета и корабля.

На мой взгляд есть две группы покорителей гор.

Первая (и самая надежная) те, кто решил доказать, в первую очередь самому себе, что он может ЭТО, одержать победу над собственными страхами и сомнениями, нередко в надежде именно там обрести настоящих верных друзей. В последствии многие из них заболевают горами - одной из трудноизлечимых болезней души. Один из моих знакомых альпинистов, лежа в больнице, после очередной травмы в сердцах изрек:

«Доктор! Если я не смогу ходить в горы - пусть лучше я вообще не смогу ходить!!»

Вторая группа альпинистов это те, кто пытается (как правило тщетно) доказать любимой девушке, друзьями просто знакомым, что они не хуже, а даже лучше других, им важно подобным поступком подчеркнуть собственное превосходство. Именно эти горе альпинисты часто непредсказуемы и, в большинстве своем, создают проблемы при восхождениях как себе так и окружающим. Как правило, они ходят в горы эпизодически, но любят рассказывать об этом в надежде произвести неизгладимо впечатление на окружающих.

Есть еще и третья (не основная) группа. Это люди с ярко выраженным авантюрным характером. Обычно им хватает одного восхождения, как порции постоянно необходимого адреналина.

«Парня в горы тяни - рискни...»

В.Высоцкий

Хочу представиться - Владимир, студент 4-го курса геологического факультета ДВПИ, город Владивосток. Фамилия моя - Пахомов, может слышали? Ну, она станет известной значительно позднее, да и то только в определенных кругах.

Студенты конца 60-х... Как мы были непохожи на все последующие поколения! Объединенные в сообщества, связанные интересами и пристрастиями, мы представляли собой целый пласт жизни, отличавшихся несокрушимой верой в будущее, особой чистотой отношений и дружбой, которую многие пронесли через года. Мы, как на праздник, шли на все демонстрации (7-го ноября и Первое Мая), «гусарили» (пили дешевое вино, играли в карты) с неудержимым бессшабашным весельем, пели под гитару песни Высоцкого, Окуджавы, Визбора и свои студенческие.

Подрабатывали на разгрузке вагонов и грузили корабли, работали по ночам в кочегарках (я даже был делегатом городского слета кочегаров),

робко и неумело ухаживали за девчонками. Касаясь последнего, я знал не одного однокурсника, который к 5-тому курсу ни разу не поцеловал девушку!...Вы можете себе это представить?

Мы выросли на фильмах и книгах, в которых добро всегда побеждало зло, писали плохие и не совсем плохие стихи и песни, мечтали о дальних странах, но обязательно с возвращением на единственно любимую родину.

Кто бы сказал мне тогда, что через много лет эти строки я буду писать в другой стране...

Обладая весьма заурядной внешностью и тщедушным телосложением, я пытался (и не без успеха) компенсировать данное от природы усиленным занятием спортом : легкая атлетика, лыжи, футбол, бокс, фехтование ! Но кто бы знал, как иногда не хотелось вечером тащиться через дождливый сумеречный город на тренировку.

Конец зимней сессии и, впереди - каникулы! Вернувшись с главпочтамта, где отбил родителям лаконичную (что расписывать то) телеграмму:

«Сессию сдал вылетаю домой», в прекрасном расположении духа я брёл по коридору общежития.и, вдруг, мгновенно отреагировав на легкое похлопывание по плечу, я резко обернулся, кто это меня отвлекает.

- Анатолий?-

Мы были едва знакомы – парень учился в параллельной группе, был старше меня и кажется руководил группой однокурсников, которые увлекались спелеологией и альпинизмом. Ребят я этих, конечно знал, но в то время (да и, честно говоря и впоследствии тоже) это были просто знакомые.

- Привет, Володя! Ты вроде лыжами занимался...

Пытаясь придать внушительность фигуре, тем не менее сдержанно, я ответил: -Ну, вообще то первый разряд имею, а что?-

В этот же вечер я согласился принять участие в увлекательной прогулке (так мне казалось тогда) по Камчатке в составе группы альпинистов, конечная целью которой - первое в истории зимнее восхождение на высочайший вулкан Евразии – Ключевской (около 4800 метров).

Прошло столько лет, но я и сейчас я не могу понять, почему я согласился?

Судите сами - с этими ребятами у меня не было даже дружеских отношений, остальных участников группы я вообще не знал.

Мои представления об альпинизме базировались на фильме «Вертикаль» и слова – «страховка», «ледоруб», «крючья», звучали как таинственная музыка. Кроме того в нашем кругу бытовало устойчиво негативное отношение к туризму вообще, да, честно говоря, к спелеологии тоже. Скорее всего, это было проявление моего тяготения к авантюризму, не раз впоследствии проявившегося в сложнейших жизненных ситуациях.

В мои обязанности входила подготовка лыж, установка креплений, инструктаж и т.д.

Вопросы возникли с самого начала. Мне нужно было поставить на туристические лыжи обычные неутепленные лыжные ботинки на жестких креплениях. Для катания, скоростного бега и прогулок это было весьма приемлемо, но когда я узнал, что группе предстоит пройти по бездорожью километров 80, да с грузом, да при минус 30, я как то засомневался что ли...

Но зная, что руководители –люди опытные, я быстро отогнал копошащиеся в душе сомнения. Меня также не то что бы насторожило, скорее удивило, что никто не спросил о наличии у меня соответствующей одежды и обуви.

Как оказалось впоследствии, все мои сомнения и опасения были не напрасны.

8 дней и 2 часа до трагедии.

Аэропорт «Озерные Ключи» город Владивосток.

Здесь я впервые встретился со всей группой, весьма разношерстной как по составу и по возрасту. Трое ребят с нашего курса: Анатолий Скригитиль, Виктор Дахин и Володя Берсенов уже имели опыт восхождений, в том числе(правда летом) и на Ключевской вулкан.

Володя Берсенов... Из всего нашего курса он был самым одаренным. Сын известнейшего геолога, будущего доктора наук и автора тома «Геология СССР. Приморский край» он с завидной легкостью разгрызал самый твердый гранит науки, нередко приводя в замешательство, а иногда и просто перебивая преподавателей на лекциях. На базе серьезного увлечения альпинизмом и спелеологией Володе, безусловно обладавшему качествами лидера, удалось объединить группу единомышленников и, как мне тогда казалось, друзей. Но уже после моего первого и, в достаточной мере тесного общения, я убедился в справедливости старого, как мир постулата: «В любого вида дружбе - дружит только один, а второй позволяет с собой

дружить». Говорить Берсенева старался весомо, ломающимся баском и, держась с заметным оттенком превосходства, что можно было бы легко списать на юношеский максимализм, если бы не выраженную (безусловно унаследованную от отца) нетерпимость к любому мнению, кроме его собственного.

Виктор Дахин - невысокий, темноволосый, немногословный и очень надежный. Не обладая заметными (в том числе и организаторскими) способностями находился в тени своих кумиров – Володи Берсенева и Анатолия Скригитиля, был непререкаемым участником всех походов, посещения пещер и восхождений.

Руководителем группы был и самый опытный в ее составе Виктор Якубенко.

Прочно, и видимо давно закрепившееся за ним прозвище – Капитан, как нельзя лучше подходило к его ладной, невысокой и с первого взгляда внушающей надежность фигуре. Умные, пронзительные глаза, светлые с выраженными залысынами волосы. Мы сразу почувствовали взаимную симпатию, которую сохранили после трагических событий на протяжении нескольких лет.

Анатолий Скригитиль - второй руководитель группы. Фанат альпинизма в самом лучшем смысле. Невысокого роста, худощавый, он производил впечатление атлета, состоящего из костей и стальных мышц. Узкое лицо, нередко с заметной черной щетиной, монголовидным разрезом цепких, изучающих собеседника темных глаз.

Валерий Коробков - моторист, водолаз, невысокий, кряжистый, немногословный и, в целом, надежный, как весь Приморский флот.

Сергея Лобанов - кинооператор, который должен был снять фильм о восхождении для Приморского телевидения - открытый для общения, неунывающий весельчак, несомненно душа любой компании. Он, как и я, не имел никакого понятия об альпинизме, но принять участие в экспедиции согласился сразу без уговоров. Необычные и иногда суровые обстоятельства часто обнажают истинную суть таких людей, срывая тщательно оберегаемую маску (что мне не раз впоследствии приходилось наблюдать), но Сергею в полной мере удалось сохранить все лучшие свои качества в ходе экспедиции.

Последним участником группы был лейтенант Советской армии Павел Павлов. Не скажу, что он мне сразу не понравился, но что то было в нем, какое то не настоящее что ли? Это очень трудно порой выразить словами, но его мешковатая (ну, не для армии) фигура, подчас

неуловимый взгляд глубоко посаженных глаз за поблескивающими стеклами очков, почти всегда полунасмешливый тенорок создавали именно это впечатление.

И оно не оказалось ошибочным....

Примечательно, что никто из всей группы не занимался спортом регулярно (ну они все, конечно считали достаточно редкие походы в пещеры и еще более редкие восхождения самым главным спортом) и всегда относились к людям, непричастным к этому, с оттенком снисходительного превосходства.

Ровно 6 дней до трагедии

Провинциальная гостиница в поселке Ключи. Номер (комната) на 4 кровати, все удобства в конце коридора, но в кафе, обставленном со спартанской роскошью и гордо именуемым рестораном,еда оказалось на удивление вкусной и по вполне приемлемым ценам.

Весь день и до позднего вечера занимались подгонкой снаряжения, укладкой рюкзаков. Разумеется, храня молчание (мой номер во втором десятке), я с недоумением и скрытой тревогой отметил, что вся подготовка к восхождению носила (как бы это помягче выразиться) беспорядочно- торопливый характер. Об этом красноречиво свидетельствовало следующее:

- в оставленных лишних вещах оказались кеды!!!(это зимой то) и множество других мелких,абсолютно ненужных предметов быта, захваченных с собой как бы впопыхах:

- часть основного снаряжения: ледорубы, трикони* были получены в последний момент в Петропавловске;

- подробности маршрута до Ключевской (около 75 километров бездорожья) узнали только сегодня вечером;

-туристические легкие спальные мешки, конечно годились для лыжного похода, но для восхождения при температуре ниже минус 30 (я еще не мог знать, что температура наверху будет минус 50 и с сильным ветром) вряд ли были пригодны. Правда, как я узнал позже, спальный мешок Берсенева был пуховый.

- в одежде преобладали брезентовые штормовки и свитера (у многих не шерстяные), и у некоторых - куртки на искусственном меху;

- не было рации. .

Осознание этого произошло позже. Отсутствие серьезной подготовки к экспедиции было непростительно и горы нередко наказывают за

подобное легкомыслие, что нам предстояло понять и пережить это очень скоро.

Из положительного следует отметить:

- лицевые маски и удобные бахилы;
- очень хороший (по тем временам) набор продуктов: кофе, колбаса, печенье, сгущенное молоко;
- и, безусловно, позитивный общий настрой всех участников экспедиции.

3 дня и 6 часов до трагедии

Пришли на вулканостанцию Апахончич у подножия Горы. Добротный бревенчатый дом, несколько полузаметенных снегом сараев. Хозяева-вулканолог Фешин и рабочий, он же каюр, встретили нас дружелюбно, а собачьи упряжки веселым дружным лаем.

После 3-х дневного лыжного перехода навалившаяся свинцовая усталость валила с ног,

и, вежливо отказавшись от предложенной (столь необходимой) бани, повалились спать на наспех постеленных на полу спальных мешках.

Особенно вымотал последний переход после ночевки в дымной, рассчитанной на трех человек землянке при полном отсутствии дров (к ночи выяснилось, что проржавевшая труба была полностью забита снегом).

Я и Берсенева ночевали на снегу перед землянкой в найденных грязных и невероятно вонючих кукулях * с комками свалывшейся шерсти внутри. Так что утром мы оба имели весьма непрезентабельный и даже несколько комичный вид, что вызвало, при нашем появлении дружный хохот и подняло настроение после плохого ночлега.

В первый же день стало понятно, что ходить (именно ходить, а не передвигаться) на лыжах практически никто не умеет. Конечно сказалось отсутствие навыков лыжных походов, но, честно говоря, я ожидал большего от Берсенева и Дахина- опытных туристов, которые уставали чаще, чем я мог предположить.

Водолаз, Оператор и Лейтенант, по большому счету, были просто обузой на этом этапе экспедиции.

Капитан и Анатолий Скригитиль преодолевали трудности передвижения почти исключительно на волевых качествах, безмолвно подавая пример остальным. Добавьте к этому рыхлый, проваливающийся выше колена снег под тяжестью рюкзаков, пугающе-безлюдные лавовые поля, равнодушное однообразие которых подчеркивалось

редкими причудливо изогнутыми, низко склонившимися, как в безмолвном поклоне, корявыми березками.

«Как заброшенное кладбище» - подумал я однажды, прокладывая, в порядке очередности (в силу опытности мне приходилось это делать чаще других), лыжню.

К великому сожалению пришлось также признать, что примуса «Шмель» (не самая удачная копия австрийских «Febus») оказались капризными и нередко, неожиданно давали «факелы».

Зато поздно вечером и ночью мы наблюдали картину, забыть которую просто невозможно! Горизонт в направлении нашего движения, являл собой багровое зарево, разрываемое яркими фонтанами огня, со звуками, напоминающими орудийную канонаду. Позже оказалось, что нам посчастливилось наблюдать извержение вулкана Безымянный. «Как линия фронта в военном кино»- подумал я, и вся наша группа вдруг представилась мне разведотрядом, выполняющим важное секретное задание.

Несмотря на все трудности перехода, мы не то что-бы сдружились, а как бы попритерлись друг к другу, незаметно сглаживая шероховатости и трения, неизбежные для любого сообщества различных по характеру людей волею судеб ограниченных тесными пространственно-временными рамками общения. Уже не резали слух, и даже казались забавными казарменные шутки и ветхозаветные анекдоты Лейтенанта, давно махнувшего рукой на критику.

Капитан оказался знатоком японской поэзии. Запомнилось:

«Глядеть на пламя свечи со старым другом
Какая награда для усталого путника...»

Или

« Снег Равнины .
Крик тишины услышь »

И тем не менее , уже не в первый для себя раз я обнаружил, что контактные виды спорта) помогли мне , безошибочно определять реакцию ,и даже внутренний настрой окружающих людей.К тому времени я уже не раз ночевал в лесу один возле костра, слушая и мысленно (а иногда и вслух)общаясь с окружающей природой.Может быть, именно это позволило мне впоследствии слышать Голос Горы?

Разношерстность состава группы , которую я заметил еще в аэропорту Владивостока, четко выявилась во время похода и только укрепила мое мнение о том, что команды в полном понимании этого слова нет и, видимо, не будет. Меня, Оператора и Лейтенанта (да и Капитана, по большому счету тоже) совершенно не интересовали разговоры о пещерах, а Дахин и Берсенев вообще общались особняком. Берсенев явно демонстрировал нарочитое безразличие по поводу утраты привычной ему роли лидера, а может из за сильного переутомления , связанного с экспедицией ,предшествующей нашей (по словам Дахина,) ему действительно было все равно?

Явный дискомфорт ощущал и Лейтенант, не находивших общих тем для разговора. Капитан, по мере возможности, пытался изменить микроклимат в коллективе, но без особых успехов. Анатолий, по причине высокой требовательности к себе, немногословности и некоторой замкнутости характера вообще не тянул на роль лидера. В сумерках из окон вулканостанции стали ближе и хорошо различимы выбросы раскаленных вулканических бомб* напоминающие красные ракеты – сигналы к атаке.

Просыпаясь ночью, я видел прямо перед собой на стене вспыхивающие надписи, озаряющие спящих на полу товарищей неверным красным светом:

«Внимание! Землетрясение!»

И я (да и наверное не только я) чувствовал какое то волнение, смешанное с беспокойством и предчувствием встречи с чем то новым. « Как солдат перед боем... подумал я и заснул.

2 дня и 7 часов до трагедии

Высота 2200 м. Первый промежуточный лагерь. Слабая низовая метель. Накануне вечером я случайно услышал обрывки разговора между Анатолием и Капитаном. Первый (мне показалось) настаивал на дне отдыха, но Капитан был непреклонен. Аргументов я, к сожалению, не расслышал.

Больше никто тему возможного отдыха не затрагивал.

Ранним утром выйдя из дома и с наслаждением вдохнув морозный воздух, я впервые увидел Гору .Она показалась мне не такой красивой, как на открытках или фотографиях.Но ослепительно белый, почти правильный конус с теряющейся в облаках вершиной на фоне голубого неба, рассеянного лучами утреннего солнца, выглядел впечатляюще.

После раннего подъема и завтрака, почти целый день шли наверх и вверх, выбирая места, по мере возможности без снежных наддувов. Все устали, сказывался вес рюкзаков и отсутствие навыков подъема на лыжах по склону, что требовало больших усилий при работе палками. Заметно отставали Дахин, Оператор и Берсенов.

Единственной пилой - ножовкой, предусмотрительно купленной Дахиным во Владивостоке, выпилили в плотном снегу площадку и установили две палатки. Рация, которую мы взяли на вулканостанции не работала или мы просто не смогли ее настроить, но это как то не отразилось на общем настроении.

В сгущающихся сумерках Гора сквозь снег выглядела еще более неприветливо, шевеля бровями низких облаков, несмотря на то, что метель сгладила морщины кулуаров. Уже заметно ощутимый подземный гул напоминал временами рычание огромного зверя.

1 день и 8 часов до трагедии.

«Вот это- для мужчин,
Рюкзак и ледоруб...»
Ю.Визбор

7 часов утра. Подъем, завтрак. Холодно, пронизывающий ветер со снегом.

Пробовали продолжить подъем на лыжах, но через 2 часа, изрядно намучившись и устав, выбрали, на наш взгляд, приметный скальный гребень где оставили лыжи, составив их в пирамиду.

Оглянувшись в последний раз, мне вдруг показалось с вновь проснувшимся чувством неосознанной тревоги, что пирамида напоминает надгробный памятник.

Старались придерживать скалу, так как подъем по фирну* давался значительно труднее, шли в целом дружно, на этот раз без отстающих. Оператор, постоянно ругая камеру и пленку, снимал общий и крупный план.

На высоте примерно 3300 метров, Капитан решил поставить штурмовой лагерь, чтобы утром налегке завершить восхождение.

Как выяснилось позже, было сразу совершено две роковые ошибки.

Первая - еще было достаточно времени подняться выше и установить лагерь на высоте около 3700 – 3900 метров. Более опытные участники группы, конечно понимали это, но возражений не

последовало. Позднее, по этому поводу, Капитан давал следующие объяснения:

- нужно дать больше времени для отдыха перед штурмом, ухудшалась погода, с ней наступала плохая видимость.

Вторая ошибка - поставить лагерь в глубоком закрытом кулуаре на фоне, как нам казалось сквозь снег, весьма приметного скального гребня.

Температура воздуха была явно ниже, чем на первом лагере, что в сочетании с ветром и колючим, слепящим снегом не создавали минимальных комфортных условий.

Потратив массу времени и сил, выпилили в фирне высокую П-образную стенку, за которой поставили две палатки (высота стенки тоже позже сыграла с нами злую шутку).

Берсенев и Дахин (все заметнее общаясь особняком), несмотря на запрещение Капитана, вырыли для себя пещеру, и (забегая вперед), ночевали в ней. По их словам, в пещере было теплее и уютнее, чем в палатке.

Еще на первом лагере было решено, что я не пойду на штурм вершины. Как выяснилось, это касалось и Оператора, так как камера и пленка при этой низкой температуре уже не работали. Тем неожиданнее оказался для меня разговор с Капитаном, сразу после обеда. После дежурных вопросов о самочувствии, он вдруг спросил:

«А есть желание подняться на горку, а?...»

И опять, я уверен, присущий мне авантюризм перевесил здравый смысл и элементарное чувство самосохранения.

Сергей, в отличие от меня, колебался. Последние сомнения его были развеяны, приведенной Капитаном цитатой из кодекса Самурая: «Человек не достигший цели - не достоин права жить!»

Я до сих пор мучаюсь, вопросами: почему он - альпинист со стажем, за плечами которого были Кавказ и Тянь-Шань, предложил это нам, не имеющим даже малейшего опыта? Почему мы все -таки согласились? Почему опять же никто не возразил? Это была обоюдная ошибка, как одно из звеньев в длинной цепи событий, неотвратимо приближавших трагедию.

Много позже я узнал, что Капитан два раза руководил группами альпинистов с несчастными случаями со смертельным исходом, был оба раза дисквалифицирован, как говорится -«до нуля», и снова и снова покорял вершины, подымаясь по ступеням спортивной лестницы.

Большую часть вечера он инструктировал нас, как вести себя на ледовом склоне, пользоваться ледорубом, многократно учил делать грудную обвязку страховочной веревки. Перед сном он объявил всем, что и мы включены в группу на восхождение. Не спали долго; шутили, смеялись, вспоминая забавные случаи. Вынужден признаться, что в глубине души я, конечно же мечтал о восхождении, но сам никогда бы не решился попросить об этом.

И вот завтра я первый раз пойду в связке с ледорубом и рюкзаком! - как в песне! Невероятно Я боялся только одного- стать помехой ребятам завершить восхождение. Исчезли все тревожные мысли и я (наверное с улыбкой на лице) уснул. Проснулся я, ещё затемно, от холода попытался подтянуть ближе колени - не вышло. Судя по всему, остальные уже не спали тоже, но лежали молча, дожидаясь утра.

9 часов до трагедии

«Здесь вам не равнина...»

В.Высоцкий

7 часов утра. Предра рассветные сумерки, облачно, очень холодно. После плотного завтрака (омлет с колбасой, кофе, печенье), Капитан приказал надеть всё самое теплое, переобуться в трикони.*

По непонятным причинам Берсенев оставил в пещере: свитер толстый шерстяной и лыжные брюки, которые почему то спрятал в спальный мешок,

куда, аккуратно свернув, положил и куртку с заячьим мехом.

Было ли это самоуверенностью «бывалого» альпиниста или присущая ему особенность полагаться только на свое мнение - трудно сказать. Попробую высказать еще одну причину – неадекватность этого поведения можно объяснить уже проявившимися симптомами горной болезни, ослабленностью организма в связи с сильнейшим переутомлением.

Впоследствии оказалось, что он не хотел ехать в эту экспедицию, но решил (по его словам) не подводить товарищей.

По тем же непонятным причинам выполнение приказа Капитана (надеть самое теплое) никто не проконтролировал.

Перед самым подъемом я хвастливо - торжественно помахал ледорубом Горе и она ответила, сбросив шапку-снеговик с плоского скального останца, будто говоря : «Ну ,это мы еще посмотрим...».

Прошли примерно 200 м по фирну до границы сплошного натечного льда. Крутизна склона заметно увеличилась до 40-45 градусов.

Капитан приказал всем надеть кошки* и образовал связки*:

Первая: Капитан, Валерий (Водолаз), Оператор.

Вторая: Анатолий, Дахин.

Третья: Берсенева, я и Лейтенант.

Я нес рюкзак в котором были: термос с кофе, 3 пачки печенья, два круга колбасы, конфеты. Второй рюкзак нес Анатолий с термосом кофе с продуктами и аптечкой.

Шли молча, да и сильный мороз, предположительно около – 50С в сочетании со слабым, но устойчивым ветром не позволял даже на минуту поднять с лица уже обледенелые маски. К тому же подземный гул становился все сильнее, заглушая все остальные звуки.

Сначала темп движения замедлила первая связка; у Оператора возникли проблемы с дыханием, как следствие гипоксии* - горной болезни, затем остановилась вторая связка. Позже я узнал, что Дахин, потеряв концентрацию движений, выронил ледоруб, вызвав крайнее раздражение Анатолия.

Эти две незапланированные остановки дорого нам обошлись и если Оператор впервые столкнулся с гипоксией, то в случае с Дахиным, уже имевшим опыт восхождений, сказалась просто слабая (в этот раз) физическая подготовка. Не зря Сережа сомневался – идти или нет, а Дахин и в лыжном переходе все время отставал (силенок не хватало наверное).

Наша связка тоже продвигалась медленнее, потому что Берсенева поднимался по всем правилам подъема по ледяному склону - тщательно рубил ступени, медленно и надежно переставлял ноги. Мне даже показалось, что во всех его движениях был какой то автоматизм, выраженный в вызывающей раздражение повторяющейся тщательности всех приемов восхождения. «Но так наверное и надо» - подумал я. Во время короткого привала (по глотку кофе) Капитан с плохо скрытой тревогой сказал, что график восхождения нарушен и опоздание составляет минимум 3 часа.

7 часов до трагедии

После привала первая связка пошла значительно быстрее и вскоре скрылась из виду, достигла вершины, установила вымпел и сразу же начала спуск. Мы в это время находились на расстоянии 250-300 метров от вершины вниз по склону. Дышать стало заметно труднее,

разряженный ледяной воздух, проникая сквозь почти полностью покрытую льдом шерсть маски вдруг стал вязким, лишь с частыми глотками поступая в легкие, руки и ноги внезапно стали тяжелыми и даже, как бы чужими, но наши связки, стуча ледорубами, упрямо продвигались к вершине.

Собрав всех, Капитан объявил о немедленном спуске в лагерь. Все кроме Берсенева (который безучастно, по крайней мере с виду, выслушал это) запротестовали, было обидно до злых слез и даже заверения, что восхождение будет зачтено всем, никакого утешения не принесли и казались ненужными.

4 часа 30 минут до трагедии

Спустившись метров на 150, сквозь внезапно разорванные облака с пугающей неожиданностью увидели неестественно багровое солнце, предзакатные лучи которого ярко осветили ранее скрытый за облаками и снежной пеленой, склон. То, что открылось, повергло многих из нас в состояние близкое к шоку - никто не увидел лагеря! Вместо одного скального гребня, возле которого мы поставили лагерь и которого, как нам казалось, мы придерживались при подъеме, вдруг увидели несколько гребней, удивительно похожих друг на друга. В неровном свете стремительно падающего за горизонт солнца, черные скалы на мгновение сложились в дьявольскую ухмылку и сквозь гул я явственно услышал издевательский шепот Горы: «Ну и что теперь?...» Только сейчас мы осознали, какую ошибку допустили не оставив никого в лагере. Капитан уверенным (как показалось, больше для самого себя) жестом указал направление спуска.

1 час 20 минут до трагедии

Все три связки шли не друг за другом, а параллельно в пределах видимости.

На первый взгляд, ничего не изменилось, но даже на расстоянии в движении связок ощущалась какая-то суетливая нервозность, неуверенность что ли...

Берснев вдруг стал чаще останавливаться и дергать страховку, срывая меня и Лейтенанта, что стало вызывать сначала глухую, а потом и неприкрытую злость, как будто именно он был виноват в том, что я так и не был на вершине. Тогда я думал, что все еще впереди и не мог знать, что это была первая и последняя ГОРА в моей жизни!

После очередного рывка, я вдруг услышал его изменившийся до неузнаваемости голос Берсенева и , подбравшись , увидел что ледоруб он не держит и тот просто висит на петле. Более того - рука была без рукавицы, которая висела на резинке и цвет руки напоминал стеариновую свечку. Он с трудом стоял на ногах и , кажется, даже не заметил , что я уже возле него.

Лейтенант дернул меня за веревку, как бы спрашивая- что случилось? Я отчаянно замахал руками и закричал, пытаясь перекрыть гул и шум ветра.

Капитан подошел необычайно быстро. Он попытался напоить Берсенева кофе из термоса и тот сделал один глоток, потом кофе потекло по подбородку. Не тратя времени на разговоры, связки были перегруппированы следующим образом:

Я, Водолаз и Оператор- Дахин, Лейтенант- Капитан, Берсенов и Анатолий.

Капитан приказал продолжать спуск по упрощенно - ускоренной схеме: страховка одним ледорубом - другие скользят вниз на длину связки. Это дало ощутимые результаты - натечный лед остался только на отдельных участках. Значит до лагеря оставалось не более, чем 250 метров и забрезжила надежда на благоприятный исход восхождения .

Трагедия

Позже я узнал , что в это время у Берсенева начался бессвязный бред, он пугал имена товарищей, беспорядочно - конвульсивно шевелил руками и через короткое время потерял сознание, бессильно обвиснув на руках Анатолия и Капитана. Я тогда не знал, что это были признаки тяжелой высокогорной гипоксии, которые уже проявлялись у него во время летнего восхождения. Знали ли об этом руководители восхождения? Кто теперь скажет...

Сильнейшее переутомление(о котором я упоминал ранее) сыграло свою зловещую роль, многократно усиливая болезнь.

Напрасные (да и совершенно ненужные в таких случаях) попытки напоить его кофе ,растереть лицо руками, встряхнуть, растормошить заведомо успеха иметь не могли и свидетельствовали только о растерянности не только нас ,но и руководителей . Единственным средством спасения, в таких случаях, был немедленный спуск вниз, хотя бы метров на 300, тепло, горячий чай...А между тем невидимый бесстрастный метроном неумолимого времени отсчитывал последние, так необходимые всем, драгоценные минуты !!

В это время две связки, еще не зная и конечно не осознавая случившееся в оцепенении стояли у кромки обширного фирнового поля.

Смертельно-ледяное дыхание Горы охватывало стоящих, проникая под одежду и маски, пытаясь парализовать волю к сопротивлению и оставляя лишь чувство нестерпимого холода., связывавшего в мертвый узел длинную цепь совершенных ошибок.

Наступила ночь. В горах она наступает внезапно, окутывая вязкой темнотой все, что кажется еще минуту назад было различимым и, в этот момент, переход от света к тьме был просто ошеломляющим.

Собрав всех, Капитан глухим, но твердым голосом объявил, что ночевать будем на склоне. Мне вдруг показалось, что груз ответственности за жизни доверившихся ему людей не пригнул, а как бы наоборот приподнял его над всеми.

Я, Дахин, Водолаз и Оператор по его отрывистому приказу лихорадочно рубили ледорубами пещеру, мешая друг другу выгребали фирн руками. Наше прерывистое дыхание тонуло в гуле и свисте ветра, пот застывал на сильнейшем морозе. В пещеру (собственно она больше напоминала плохо вырытую медвежью берлогу или просто глубокую нору) втащили уже не подающего признаков жизни Берсенева. Потом попеременно вползли Капитан, Анатолий, Лейтенант, Оператор и я.

При тусклом свете единственного фонарика вскрыли аптечку. Это была стандартная аптечка общего пользования: бинты, вата, йод, какие то таблетки... и даже (как говорили позже «диванные» альпинисты) если бы там была камфора, андреналин или еще чтонибудь внутривенное., Кто бы из нас, не имея малейшего понятия, мог бы все это использовать?

Изо всех сил все пытались отогреть медленно остывающее тело Володи Берсенева. Сейчас я уверен, что тогда ему помочь было уже просто невозможно и(как это не жестоко говорить) нужно было думать о максимальной возможности спасения остальных.

Лучше было бы для всех если бы на вершину пошли только две связки: Капитан, Анатолий, Лейтенант и Водолаз.

Трагедии можно было бы избежать, но для этого нужно было бы согласие Берсенева, которое он конечно же не дал бы. Для него уже все закончилось, для других(пока еще не подозревающих об этом) кошмар только начинался). Капитан, Анатолий и Лейтенант пытались делать искусственное дыхание «рот в рот». Я безуспешно растирал оголенную грудь и слушал - поступает ли воздух в легкие. Примерно через полчаса

я сказал, что воздух в легкие не поступает. Это были первые за все время произнесенные слова, в гнетущей тишине пещеры. Почти час Капитан и Анатолий, все еще не веря случившемуся, продолжали дышать в рот к тому времени уже остывшему товарищу. Как то очень буднично, устало и без выражения Капитан произнес: «Толик - он мертв». Оператор коротко придушено вскрикнул. Чувство, испытанное мною при этих словах, я больше не испытывал никогда. Ближе всего это было к ощущению отстраненности, как будто все это происходит не со мной и какому-то непонятному, граничащему с постыдностью (потому что ни ощущения безвозвратной потери, ни страха не было) облегчению, как после неприятной и тяжелой работы. Вынужден заметить, что это состояние, как будто все чувства, казалось навсегда замерзли, сохранялось еще несколько дней и, по видимому, не только у меня.

А между тем Водолаз и Дахин спали рядом в отдельно вырытой пещере и еще не знали что нас стало на одного меньше. Мы лежали молча, было темно и страшно холодно. Спали ли мы - не знаю, скорее это было краткое забытие при полной потере чувства времени.

Все ждали рассвета в какой то безумной надежде, что утром все будет по другому, и что случившееся не более, чем дурной, кошмарный сон. И вдруг, во время очередного тяжелого забытия я услышал шепот, да-да шепот и сразу узнал его – это был шелестящий, схожий с пением поэмки Голос Горы. «Ему уже не помочь... срежь кошки... срежь кошки...».

И я, практически не отдавая отчета себе и даже не понимая зачем - сделал это.

9 часов после трагедии

Рассвело, но ясное морозное утро, вопреки тайным ожиданиям, только подчеркнуло произошедшее, благодаря вывешенным Горой разорванными траурными лентами черных скал на фоне слепящей белизны склона, местами подсвеченного розовыми бликами первых лучей солнца.

Дахин, все еще не веря случившемуся, молча стоял над телом друга и слезы, скатившиеся на штормовку почему то не замерзали.

Для еще крутого спуска, но уже по скальным гребням снова перегруппировали связки. Дахин, Оператор, Лейтенант. Я и Водолаз. Капитан и Анатолий с телом Берсенева. Наша связка первой достигла лагеря. Палатки были почти полностью заметены, вход в пещеру завален

снегом. Подал сигналы другим группам, принялись откапывать палатки. Вскоре подошли все. Несмотря на трагизм ситуации, на миг показалось, что мы вернулись домой после долгого отсутствия.

Еще при спуске я отметил, что у Водолаза тоже отсутствуют кошки на ногах. На мой вопрос он ответил, что ночью при спуске у него на правой ноге лопнул ремень, а левую он снял уже в пещере. Мы оба еще не знали, что это спасло наши ноги от сильного обморожения. Согрели чай, кофе, какой то сборный суп, который съели не чувствуя вкуса. Я в этот раз спал в пещере и должен признать ее более комфортные условия. Тело Берсенева лежало возле палатки – чужое, безмолвное, холодное с белым лицом, на котором не таяли редкие снежинки.

20 часов после трагедии

Через час, когда стали снимать трикони, несмотря на продолжающуюся оцепенелость сознания, поняли, что пришла новая беда - ноги у всех были обморожены. Всю ночь пытались их отогреть и растереть, били сложенным шнуром для восстановления чувствительности. Я лежал в пещере и в полузабытьи, слушал страшную ледяную сказку Горы, которую пыталась рассказать разыгравшаяся к ночи метель. Из ребят мало кому удалось сомкнуть глаза - пришла тупая, изматывающая, ни на минуту не прекращающаяся боль обмороженных ног. Стонов не было слышно, но эта боль, как будто пропитав весь окружающий воздух ощущалась почти физически и, вместе с чувством бессилия помочь друг другу, казалось выжигала затуманенное сознание.

1 день и 14 часов после трагедии

К утру ноги у всех, кроме меня и Водолаза потемнели и распухли. Переобуться в лыжные ботинки, с большим трудом отогретье, сравнительно легко смогли только мы, Капитану и Анатолию пришлось их разрезать. Настроение у всех было подавленное, боль не ушла, но с наступлением дня ослабла, как бы обещая вернуться вечером. Поразительно, но никто за это время ни разу не заговорил про Берсенева, старательно избегая не только разговоров, но и отводя взгляды от него. А между тем, он еще два дня назад живой, лежал здесь рядом, уже припорошенный метелью. Часть снаряжения (ледорубы, трикони, кошки) взяли с собой – все остальное пришлось бросить. Спуск к лыжной пирамиде и первому лагерю занял часа три. Почему не остался сопроводить тело Берсенева

вниз его лучший друг – Дахин , хотя он знал, что Капитан и Анатолий пострадали больше всех?

Может, на пределе сил и чувств осталась просто покорность судьбе? Еще через два часа пришли изможденные Анатолий и Капитан с телом Берсенева, обмотанным штормовкою. Капитан выразил возмущение, тем что группа ждала их, вместо того, чтобы продолжать спуск и приказал всем немедленно идти на вулканостанцию, а лично мне добраться туда, как можно раньше. Выбравшись на кулуар я, не разбирая пути, закладывая вираж за виражом помчался вниз. Вдруг, почувствовав резкий удар и пролетев в облаке снежной пыли метров 15, я с трудом поднялся. Обе лыжи были разбиты вдребезги. По видимому, из за слепящей белизны склона и выжатых морозным ветром слез, я не разглядел припорошенный снегом скальный выступ. Испытывая легкое головокружение, я вдруг отчетливо увидел, что кулуары - морщины Горы сложились в ироничную ухмылку.
«Эх ты... Ну хоть им помоги, что ли....»

Одним часом ранее

И не друг и не враг, а так...
В.Высоцкий

Перед началом спуска состоялся разговор Анатолия с Лейтенантом и, судя по жестикуляции, на самых повышенных тонах. Много позже я узнал, что Анатолий спрашивал его, как он – альпинист со стажем, не заметил состояния Берсенева и симптомы горной болезни. Реакция Лейтенанта оказалась по моему мнению предсказуемой. Я услышал только обрывки фраз в истеричном тоне: «Да идите вы все! Я подыхать с вами здесь не собираюсь!» и он, теряя равновесие и падая, в одиночку начал спуск вниз...

1 день 15 часов после трагедии

Отряхнувшись и протерев слезящиеся от белизны глаза, я увидел далеко внизу черные точки спускающихся товарищей. Вверх по склону были отчетливо видны две фигуры в некотором отдалении друг от друга.

Не без труда поднявшись, я узнал в первой фигуре Капитана, который на коленях тянул за собой привязанное к лыжам тело Берсенева.

Подошел Анатолий – и я не узнал моего институтского знакомого! На меня глядело чужое осунувшееся лицо с черной щетиной и лишь в глубоко ввалившихся глазах светилась неукротимая воля к жизни. Таким

он навсегда остался в моей памяти. Оба они, как будто даже не удивились моему появлению. Размотав веревку, Капитан глухо и как то буднично сказал:

- Впрягайся, Володя ... Совершенно некстати (несмотря на весь трагизм ситуации) вспомнилась картина Перова «Тройка», только в качестве коренника выступал я. Тело Берсенева оказалось на удивление тяжелым (а может это казалось мне?). Оглядываясь, я видел искаженные болью и страданием лица товарищей, и изо всех сил стискивая зубы, чтобы не заплакать твердил:

- Я тоже стану таким.

Наконец, мы дошли до огромной вулканической бомбы возле конуса Стеллера*, где останавливались по пути вверх на короткий привал. Было решено оставить Берсенева здесь, а мне как можно быстрее двигаться к вулканостанции.

-Ну а мы уж какнибудь за тобой, да Толик ?» - с невеселой усмешкой сказал Капитан. Тот молча кивнул.

20 минут спустя

Из начавшейся метели прямо на меня вылетела собачья упряжка с вулканологом Фешиным. Мы обнялись, как друзья после долгой разлуки. Я сказал ему, где ребята. Помедлив он спросил:- Он тоже там?

Потом сказал, что на вулканостанцию пришли Дахин, Водолаз и Оператор. Где Лейтенант - они не знают. Я пошел своим ходом и, вскоре мимо меня с лаем пронеслись нарты с Капитаном и Анатолием.

Темнело. Ветер закручивал снежные хлопья в вихри, мгновенно рассыпающиеся и возникающие снова. Я уверенно шел по нартовому следу к вулканостанции.

1 час спустя

Уже на подходе навстречу мне снова выехал Валентин Фешин - искать Лейтенанта. Через час он вернулся. Пропавшего нашли собаки, резко свернув в сторону и залаяв. Лейтенант сидел, прислонившись к небольшой вулканической бомбе, и то ли спал, то ли плакал.

Позже Водолаз рассказал мне, что слышал, как Капитан пустым голосом полуспросил Анатолия:

- Кажется, еще один, да?

2 дня после трагедии

Вулканостанция Апахончич. Ночь. Метель.

За два дня первый раз неохотно, но плотно подкрепившись горячей пищей, ребята пытались забыться в тяжелом тревожном сне на полу, подстелив, все, что нашлось. Неровное дыхание смешивалось с приглушенными стонами, боль, как и обещала - вернулась..

С особым чувством вспоминаю атмосферу той ночи, берущее за душу чувство единения, как будто трагедия сплотила нас, сделала ближе.

Чем мы могли поддержать и что сделать друг для друга тогда? Подать кружку воды, поправить изголовье с ободряющим взглядом и скупым вполголоса дружеским словом... За заметным снегом окном далекое зарево с пушечной канонадой, вспыхивающая на стене надпись: «Внимание! Идет землетрясение!» и донельзя усталый голос Валентина Фешина, монотонно и безуспешно повторяющего по рации: «Всем, кто меня слышит! Всем, кто меня слышит! На вулканостанции Апахончич обмороженные люди...»

И вдруг мне снова представилось: Прифронтовой госпиталь в деревенской бревенчатой избе, линия фронта за окном и охрипший голос радиста: «Звезда, Звезда - я Земля! Звезда – я Земля!»

2 дня и 12 часов после трагедии

Темно-зеленый МИ-8 с красной звездой почти бесшумно буквально вывалился из круговерти метели. Дойти до вертолета самостоятельно смогли я и Водолаз, да еще Оператор, поддерживаемый с двух сторон. Остальных несли на носилках. Из иллюминатора последний раз в жизни я увидел Гору - на этот раз бесстрастную, молчаливую, в спокойствии наевшегося спящего зверя. «Даже не попрощалась..», вдруг подумал я. Через час мы уже были в районной больнице посёлка Ключи.

Больница.

Не хочу погружать вас в атмосферу монотонности и однообразия, связанного со сводящей с ума непрекращающейся болью, пребывания в районной больнице. Бессонные ночи с бутылками фуруциллина, на короткое время смягчающего боль, утренние перевязки, после которых ребята еще пару часов лежали молча с крепко сжатыми челюстями.

Отмечу лишь беспримерное (не боюсь этого газетного слова) - да, беспримерное мужество наших лидеров: Анатолия и Капитана, которые ежедневно перенося нечеловеческие страдания, находили силы и нужные слова, поддерживая остальных, делали примитивную гимнастику в

кровати и заставляли других. Очень скоро Оператор, верный себе, уже всюду флиртовал с молодыми медсестрами. И только Лейтенант, заросший рыжеватой щетиной, всегда лежал молча, по возможности повернувшись к побеленной больничной стене.

Отдельно хочу остановиться на персонале больницы и, особенно на хирурге Иване Андреевиче Постригань. Ежедневно он совершал врачебные чудеса при крайне ограниченных возможностях районной больницы, спасая каждый миллиметр пораженных конечностей, шутил, острил, подбадривал как мог. Именно ему я и Водолаз обязаны тем, что избежали ампутации. Вечная память Вам - Иван Андреевич.

Из больницы я дал родителям ну очень содержательную телеграмму: -Все в порядке. Лежу в больнице на Камчатке с обмороженными ногами. Поставьте, дорогой читатель, себя на место родителей, которые ждали меня домой на каникулы.

Возвращение.

Через две недели я вернулся во Владивосток.

Возвращение нельзя было назвать легким. Как Вам описать боль в потухших глазах матери Берсенева и безмолвный вопрос в глазах его отца:

Мне так хотелось ему крикнуть: - Да! Да! Он был лучше меня! Мне просто повезло! Но я не мог ...

Этот же, порой неприкрытый вопрос я ловил в поспешно опущенных глазах однокурсников: «Почему ты здесь, а они там? Почему ты жив, а он нет?...»Что я мог им сказать? Что? Ну а если бы я погиб, вместо него, было бы лучше что ли?

Только теперь я понимаю, что они впервые столкнулись так близко со смертью однокурсника, для многих - друга и товарища, с которым общались еще месяц назад. Неприятие этого, растерянность, граничащая с испугом .

Ну и конечно наше извечное - «Кто виноват?...»

Я, действительно, тогда вернулся один и все, что случилось, воспринималось только с моих слов - пока просто слов !!

Верить или не верить - непростой выбор стоял перед каждым.

Могилу для Володи копали однокурсники под руководством (Джорджа) Юры Марушко, как бы отдавая последние скорбные почести погибшему товарищу. Работа была очень тяжелой - зима, крупные каменные глыбы и могила была готова через три дня, за два часа до похорон. В день похорон шел снег. Стоя рядом с гробом на открытой

машине при крутом подъеме на заснеженный склон Морского кладбища, я вдруг увидел усмешку Горы и, клянусь, - она, показавшись мне, сочувственно прошептала:

- Не вини никого и себя тоже... так уж сложилось...

Вместо эпилога

...Но спускаемся мы, кто на год, кто совсем
В.Высоцкий

Вскоре вслед за мной выписался из больницы и вернулся домой Водолаз – Валера Коробков. Остальные выписались значительно позже – последним Анатолий, почти через полгода. Оператор потерял два пальца на ногах и три на правой руке. Его недоснятый фильм хранится у меня на диске.

Капитану, Дахину и Лейтенанту ампутировали четверть стопы на каждой ноге. Анатолий Скригитиль потерял половину стопы на обеих ногах.

Уже через полтора года он опять был на восхождении !!!

Спустя год при тяжелой для нас обоих встрече Капитан кричал:

-Да, я виноват! Тысячу раз виноват! И наказан за это инвалидностью!

Но где были вы все!! У нас же не армия! Почему никто не возразил мне!

Ни разу! Что мог я ему сказать...

Я специально не называю виновников трагедии, как это « успешно» делали до меня, оставляя это Читателю.

Да и надо ли это?

Послесловие.

Вот уже более 50 лет каждую весну я теряю ногти на правой ноге, и каждую весну в начале февраля мне снится один и тот же сон - заснеженный склон Горы со скальными гребнями, как черными обломанными резцами и сложенными в равнодушно-ждушую усмешку морщинами кулуаров.

Примечания

*Вулкан Ключевской- самый высокий действующий стратовулкан Евразии.

Высота колеблется от 4750 до 4850 м над уровнем моря.

*Кукуль- спальный мешок, сшитый из шкур оленя, мехом внутрь.

Позволяет спать в любую

погоду и при любой самой низкой температуре.

*Фирн - плотно слежавшийся, многолетний, частично перекристаллизованный снег.

*Трикони - стальные зубчатые набойки на подошвы горных ботинок для альпинизма, как правило, целиком охватывающие рант подошвы.

*Кошки - металлические пластины с клиновидными зубьями для противоскольжения по

ледовому склону со строповым креплением на обувь

*Связка - группа альпинистов, связанная одной страховочной веревкой.

Связка-тройка является самой надежной, но скорость её ниже, чем у двойки.

* Гипоксия - кислородное голодание - основной патологический фактор горной болезни. Усугубляющие факторы - физическое переутомление, охлаждение, тяжелые погодные условия: мороз, ветер, бессоница.

На Камчатке в условиях морского влажного климата симптомы гипоксии могут проявляться уже с высоты 1500 метров.

*Бомбы – сгустки лавы, выброшенные при извержении, частично или полностью затвердевшие в полете.

*Конус Стеллера – побочный кратер вулкана Ключевской

ИННА РЕЗНИЧЕНКО

Родилась, выросла и водила туристов во Львове. Переехала в Австралию более 20 лет назад, любит вкусно кушать, ездить по разным местам и общаться с понравившимися людьми. Стрелец. Пишет внезапно и неожиданно для всех.

ИСТОРИЯ ЮТЫ

Юта попала к нам в семью уже в зрелом возрасте – ей было почти 6 лет.

В молодости она была чудо, как хороша: шелковистая длинная шерстка, блестящие глаза с длинными ресничками, черненький аккуратный носик. Юта даже выигрывала соревнования и конкурсы и была чемпионкой Москвы. Ее хозяйка, Ева, держала питомник йоркширских терьеров (или по-простому, йориков) и пыталась вывести свою особую линию.

С Евой мы познакомились, когда она приехала во Львов на выставку, ей нужно было выгуливать кандидата в чемпионы по улицам, чтобы придать ему смелости. Кандидата звали Буся, это был маленький вертлявый пацан, чемпионом он не стал, но зато оказался гулякой и бабником. В дальнейшем, Ева больше не возила его по выставкам, а держала в питомнике за главного пахана и повелителя гарема.

С Евой связана поездка в Чехию. У тамошней заводчицы Моники были очень красивые собаки, и Ева хотела влить кровь чешских йориков в представителей ее линии. Она уговорила меня поехать с ней для моральной и физической поддержки. Я опрометчиво согласилась. Мне казалось, что питомник будет выглядеть типа миниатюрного зоопарка, где каждая собачка сидит в своей золотой клеточке, ест из серебряной мисочки и пьет из хрустального бокала.

Реальность оказалась суровой. Штук 30 йориков жило у Моники в огромной комнате, кое-где были раскиданы подушки с торчащим поролоном. Обои на стенках на уровне роста собак были обгрызены и обделаны. Пол был в жутком состоянии. Сами собаки бегали в каких-то невообразимых клоунских комбинезонах, волосы были накручены на

папилыотки, почти у всех на лапах были ботиночки. Как оказалось, все это великолепие собакам надевалось, чтоб сохранить товарный вид перед выставками. И жуткий, непрерывный лай, бесконечный и исполняемый тоненькими противными голосочками.

Ева выбрала себе щенка-мальчика, Моника нас сразу полюбила от души и уговорила поехать с ней назавтра в Польшу, помочь на выставке и вообще развлечься. Я сделала вторую ошибку и снова согласилась. Мне хотелось приключений. И я их получила.

Ехали мы всю ночь на машине Моника. Границы мы какие-то переезжали, конечно, но это было незаметно, кроме того я сидела скрючившись на заднем сиденье, зажатая клетками с собаками, и пыталась немного подремать. Помню только, как настойчиво Моника требовала с ней разговаривать, чтоб она не уснула за рулем, и как Ева покупала ей бесконечные стаканы кофе на всех заправках.

В 7 утра мы были уже на месте и помогали Монике расставлять ее добро. Посмотреть город никак не удавалось, так как я сторожила выставочных йориков, дремлющих на бархатных красных подушечках, в то время как Ева с Моникой бегали по залу в поисках знакомых, покупали своим собакам заколки для волос и другие причудалы, и попутно критиковали соперников. Затем Ева вернулась ко мне и долго сидела, смотря задумчиво вдаль, и явно напряженно о чем-то думая. Часиков в 12 дня она позвала меня на улицу покурить:

– Я передумала брать щенка Моника. Она слишком много за него хочет и вообще он не такой красивый, как я думала. А давай ты сейчас пойдешь и ей это скажешь!

От неожиданности я согласилась и пошла сообщать новость Монике. Дальше все происходило очень быстро. Нас обозвали шлюхами и мошенницами. Нам четко сказали, в каком направлении мы должны идти. Наши чемоданы вышвырнули из багажника. Нам долго кричали в след, что Евино имя будет навеки опозорено среди чешских собачников и что таких наглых особ, как мы, больше не впускают на территорию Чехии, Словакии и Польши. Мы брели с чемоданами по улицам незнакомого города с Евиными русскими рублями в кармане, которые не принимали ни в одном обменнике. У меня были доллары, но Ева финансировала поездку, поэтому я не проявляла инициативы до поры до времени.

Как мы добирались до Львова, с двумя пересадками на автобусах и с ночевкой на автовокзале, я не буду рассказывать. И Польшу, и Чехию я

видела только из окна автобуса и почти все время ночью. Главное, мы добрались, и добрались целыми и невредимыми.

И вот, пока мы сидели в Варшаве на автовокзале, Ева предложила мне забрать Юту. Ей были даны самые лучшие рекомендации: красавица, тихая, спокойная, к туалету приученная. На вопрос, почему такое сокровище отдадут, ответила, что вот молодость прошла, щенков она рожать больше не может, на выставки ее уже не повезешь, короче – отправляют собаку на пенсию. Ну, а чтобы я больше почувствовала ценность собаки, за нее Ева просит всего \$50 – сущие пустяки.

Моя свекровь давно просила маленькую собачку для души, и чтоб носить на руках. Я согласилась.

Так Юта оказалась у нас.

К туалету она действительно была приучена. Беда в том, что наши с ней мнения, что такое туалет, сильно отличались. Мне казалось, что туалет – это улица, а Юта считала, что посреди комнаты на ковре – самое место. Когда я попробовала предъявить Еве претензии, она громко смеялась, ей казалось, что все это очень смешно. Пришлось Юте пару раз объяснить, где туалет. Девушкой она оказалась сообразительной и проблем потом почти не было.

Не умела она и грызть косточки. Вначале их просто глотала, но потом вошла во вкус. С косточками пришла любовь к колбаске, рубцу и другим вкусностям. Очень смешно она ела рисовую кашу, таская ее понемногу из миски и оставляя за собой след из рисинок.

Когда Юта первый раз у нас попыталась залаять, мы растерялись: ее рот раскрывался, тельце тряслось, а из горла доносились какие-то странные тихие сиплые звуки. Снова допросили Еву. Оказалось, что у Юты перерезаны голосовые связки. Ева держала питомник в квартире и соседи жаловались на лай, вот всем ее собачкам и сделали операцию на связки. После этой новости свекровь прониклась жалостью к Юте еще больше.

Как потом оказалось, Ева долго пристраивала Юту по семьям, предлагала всякие коврижки тем, кто ее возьмет. А Ютина родословная, со всеми ее титулами и громкими званиями, осталась у прежней хозяйки. Ева побоялась нам ее отдавать, а то вдруг мы что-то на Юте заработаем.

Юта жила у нас шесть лет. Это была милая собачка, которая играла роль диванных подушек, спала целыми днями и изредка просила, чтоб ей почесали животик. В нее влюблялись все дети и молодые девушки. Свекровь ее обожала.

К сожалению, ее смерть была трагичной.

Мы с мужем переехали в Австралию, а Юта осталась со свекровью во Львове. Через 2 года мы позвали свекровь к нам в гости и она стала искать, кому бы отдать на это время собаку. Выбор ее пал на двоюродную сестру, которая жила в Киеве. Сестра приехала, погостила пару дней и забрала Юту с собой. Ехала она автобусом и, чтобы сэкономить деньги, засунула Юту в большую сумку, а сумку поставила под сиденье. Свекровь вообще-то ей полностью оплатила весь проезд, и за билет на собачку тоже, но от жадности еще не создали вакцины. В пути женщина уснула, в автобусе хорошо топили, так как дело было зимой. Спихватилась она только при подъезде к Киеву. Открыла сумку, а Юта уже была неживая. Задохнулась от жары и от жажды, ведь никто ей в пути и не думал дать попить.

Свекровь в это время летела к нам в самолете, уверенная, что Юта в надежных руках. А эти “надежные руки” позвонили нам, быстро рассказали, что произошло и попросили передать все это свекрови, когда она приедет.

Мы боялись ей сообщить это печальную весть дня три, уж очень она была привязана к маленькой собачке. Когда свекровь в 150й раз попросила позвонить сестре узнать про Юту, нам пришлось все рассказать. Было много слез, почти полгода она отказывалась разговаривать с сестрой, настолько сильна была обида. Потом сестру простили, но о Юте мы вспоминаем часто, она была хорошей собачкой, забавной и милой.

РАЗВОДКА

Семь часов вечера, звонок на мобильник, номер не определен.

– Здравствуй, Айна Реуниченко, сказал вкрадчивый индийский акцент.

– Это Телстра. Как интернет, не подвисает?

– Ой, очень подвисает! ,– заорала я, – все хочу пожаловаться, времени нет.

– Вот мы и звоним, – повеселел голос – твой роутер посылает нам сигналы тревоги (distress calls), похоже, что его захакнули подлые азиатские хакеры, они воруют у тебя энергию для криптовалют и потому виснет комп. Но мы поможем тебе. Загрузи-ка одну программку и наш техник сможет почистить твой роутер. Кстати, посмотри, какой номер MAC на твоём роутере, я проверю, телстровский ли он.

Я послушно посмотрела и назвала ему номер.

– Точно, это он – подтвердил акцент.

Мы загрузили программу Team Viewer и запустили DOS. Мне показали множество бегущих строк и сказали, что это все мерзкие хакеры, потом я долго глядела на бегущие рядки и в конце все буквы-цифры стали красными и высветилась цифра 95%.

– О ужас!!! – закричал голос, у тебя почти не осталось энергии в роутере!!! Щас мы тебя вылечим. Лечили меня Task Manager'ом, показывая, как зеленая кардиограмма превращалась в прямую линию.
– Теперь твой роутер абсолютно здоров, но есть хорошая новость – за твою лояльность и за оплаченные вовремя счета Телстра делает тебе награду в \$400 прямо щас!

Я наострила уши, это слова были как дуновение свежего ветерка в нашем душном, +40 градусном Мельбурне.

– Передаю тебя в финансовый отдел, – попрощался со мной голос.

Финансовый отдел с похожим акцентом был деловит и быстр. Он узнал, каким банком я пользуюсь и попросил подождать пару минут. После попросил зайти в свой аккаунт и проверить, нет ли сообщения о скором получении платежа. Сообщения не было. Голос попросил назвать две последние цифры счета, куда я хочу получить деньги. Я тупо сказала. Меня попросили еще раз выйти из аккаунта. Я вышла. Потом попросили еще раз войти. Я вошла. На счету прибавилось \$4000. Меня попросили назвать сумму, которую я получила. Я сказала. Тут началось самое интересное.....

– О боги!!! – кричал голос – я нечаянно перевел тебе \$4000, а не \$400!!!! Меня уволят!! Помогите мне!!! Умоляю!! У меня жена и трое детей, они умрут с голоду, если меня выгонят!!!!

– Как я могу тебе помочь?

– Срочно!!! Немедленно!!! Беги в 7/11 (маленький супермаркет с банкоматом) перевести мне \$3600 на очень секретный счет! Не волнуйся, я буду с тобой на телефоне и помогу все перевести! Только делай это срочно. Беги, беги!!!!!!!

В мозгу была одна мысль – Надо помочь парню, из-за вшивых \$3600 помрут его дети.

Муж встал стеной в двери. – Я не понимаю, что происходит, но я тебя не выпущу!!! Да и не сможешь ты за раз снять такую сумму.

Я оттолкнула мужа и выбежала на улицу. Муж вскочил, буквально на ходу, в мою машину и мы помчались в ближайший 7/11. Найдя в нем банкомат, я вставила карточку и вдруг! Я не смогла вспомнить свой пин... Цифры путались у меня в голове, я никак не могла вспомнить

очередность, пальцы тряслись и не попадали на кнопки. Еще и муж не давал мне сосредоточиться, так как пытался оттащить меня от банкомата.

Зазвонил мобильник.

– Ну как, ты уже в 7/11? Нашла банкомат?

– Да, я все нашла, но я не могу вспомнить пин..

– Женщина! – заорал голос, – Как можно забыть пин? Немедленно вспоминай!

Он еще что-то орал, но я отключилась. В голове звенело, ноги были ватные, я почти ничего не соображала и мне вдруг стало все равно.

Опустошенная, я вынула карточку из банкомата и вышла на улицу.

Начал моросить мелкий дождик, он падал мне на лицо и колот острыми иголочками. Я начала медленно трезветь. Мы молча сели в машину и поехали домой.

Дома, сгорая от стыда, я позвонила сыну.

– Мам, ты че? – закричал сын – Роутер нельзя хакнуть, это кусок пластмассы!!!!

Телефон снова начал настойчиво звонить. Дети индуса хотели кушать, и он очень старался.

Я кинулась к компу, убрала этот Team Viewer, поменяла явки и пароли, прогнала комп через Кашперского и поехала в полицию. Полицейский посмотрел на меня, как на дурочку, но заявление принял. Решила, что утром в банке попрошу, чтоб забрали у меня эти \$4000, ведь их у кого-то украли и я не хотела этих денег.

Утром я получила мэйл от папы: – Доченька, – писал он – зачем ты сняла с моего счета без разрешения \$4000 и положила себе на счет?

Я все поняла: у нас с папой совместный выход в интернет банк и видно все счета – его и мои. Эти мерзавцы перекинули с папиного счета на мой \$4000, а затем надеялись получить \$3600.

Муж мне потом рассказывал, когда я отошла и мы уже смеялись над ситуацией, что я была как зомби – глаза стеклянные, лицо красное и ему казалось, что из ушей у меня шел дым. Наверное, это кипели мои мозги!

ЮЛИЯ СТАРЦЕВА

Родилась в 1969 г. в Норильске. Окончила с отличием филологический факультет Красноярского госуниверситета (1994), затем Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (1997). Работала корреспондентом, литературным редактором, корректором, главным редактором в печатных и электронных СМИ и издательствах.

Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996), Международного форума писателей «Литературный экспресс Европа–2000» (Москва, 2000), юбилейных мероприятий «Астафьевские дни-95» (Красноярск-

Овсянка, 2019). Член Союза российских писателей. Лауреат двух литературных премий: Всероссийской литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева и сибирской премии «Вдохновение». Обе премии присуждены за роман «Время нереально». В 1998 г. роман выдвигался на соискание премии «Русский Букер» (вошел в длинный список). Живет в Петербурге. Автор трех книг: «Избранная проза» (США, 2013), «Двуликий сирич» (СПб, 2017), «Время нереально» (Красноярск, 2019). Романы, повести, рассказы, очерки и эссе печатались в журналах и альманахах «День и Ночь», «Звезда», «Вошебная гора», «Новый Берег», «Енисей», «Соло» и мн. др. изданиях. Проза Юлии Старцевой переведена на итальянский язык.

ЧЕТЫРЕ КОТА

(Святочный рассказ)

Посвящаю благодетелю моему – А.В.Л.

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина.

Ломоносов

I
На окраине Царского Села, по-шведски Саарской мызы, вдали от дворца, в уединенной избушке жила бедная старушка-вдовица. Её промысел был гаданье. Многие знатные персоны езживали в её захолустье узнать о капризах Фортуны, раславив Акулину Ивановну мастерицей ворожить на картах. Бывало, раскинет пасьянец и кому что ни предскажет, так и сбудется.

Нынче Святки, и вся Россия гадает. На картах, на бобах, на воске, на кофейной гуще.

В царскосельском дворце, как и повсюду в сочельник, после первой звезды ели медовую кутю с изюмом и орехами, запивали узваром; после всенощной и заутрени в Знаменской церкви сели разговеться.

«Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...»

Цесаревна очень любила церковное пение и милого себе отыскала среди певчих, голосистого хохла-сладкопевца. В тайном браке она уж осьмой год. С другом сердешным об руку и сидела за праздничной трапезой, совсем по-домашнему, прихлёбывая светлый токай. Круглое лицо, осунувшееся за долгие постные дни, разгорелось румянцем, ясные глаза сияли.

Цесаревне за тридцать лет, а всё славится красотой – статная, белогрудая, синеокая и златовласая Венера Российская. При Дворе обеих Анн-правительниц «Петрову искру», природную русскую, опасаются курляндские немцы, завещание же матери ея, царицы Екатерины, спрятали под сукно яко небывшее.

Царскосельская вотчина даёт мало доходов. По скудости казны Елисавета Петровна, императорская дочь, носит скромное платье белой тафты, подбитое чёрным гризетом, словно монастырская послушница-сиротка, «сорока-белобока».

Вокруг каменного дворца, конюшен, скотного и птичьего дворов и хозяйственных построек, домов челяди – всё лес дремучий, снегом закутанный; перспективная дорога через дубраву ведёт в Питербурх. Порой видали вблизи дворца диких зверей, недаром охота – благородная забава госпожи Царского Села с юных лет.

Повар малого, цесаревнина Двора, Иоганн Фукс, потрафлял охотничьим вкусам: к столу подавали кабанью голову в рейнвейне, медвежью лапу разварную с брусникой, жирных гусей-лебедей да уток, золотых фазанов и цесарок, а вот яблочного духу не терпела Елисавет Петровна (сия новая богиня любви и красоты не приняла бы золотого яблока от пастушка Париса), брюшко жареной дичи набивали сливами да ананасами из дворцовой оранжереи. Привозные устерсы, любимые цесаревной, плескались в новомодном вине из Шампани, будто в пенной волне морской.

*«Дева днесь Пресущественного раждает и земля вертеп
Неприступному приносит, Ангели с пастырьми славословят, волхви же
со звездою путешествуют...»*

– Коль славно, что персидские звездочёты шли за Вифлеемской звездой, дабы поклониться Богомладенцу Христу. Премудрые цари провидели судьбы народов земных и тайны небесные, а всё же пастушки препростые, чистые сердцем, узрели Спасителя допреж тех владык, Каспара, Мельхиора и Валтазара, – молвил учительно духовник, о. Феодор Дубянский.

– Я бы хотела узнать свою судьбу, – задумчиво сказала цесаревна. Отчего-то ей грустно стало в великий Господский праздник.

– На Святках можно устроить, серденько моё, – отозвался Разумовский. В нежные лета красавец Алёша был пастушком, да привезли его в обозе с бочками венгерского из цветущей Малороссии в холодный Питербурх, к москалям, а там взыскала милостями Фортуна. Метнув взором на духовного отца, занятого лакомой гусиной ножкой, прошептал: уж так заведено в крещёном народе, в сию пору не столь грешны гаданья, забавы ради.

Все несут дары Богомладенцу, волхвы – злато, ливан и смирну, небо – звезду, земля – вертеп.

II

Борей дул во все щёки, озлобясь. Студёно, люто, в такую пору добрый хозяин пса за ворота не выгонит. Оконца обветшалого домишки

закутаны снегом. То зима-царица закрывает плечи горностаевым палантином накануне Нового года.

– Отворяй, бабка, гости приехали! Акулина Ивановна! Заделье есть! Огонёк в оконце задрожал. Прошлёпала туфлями ворожея.

Вошёл, отряхавшись от снега, арапчонок с горящей свечою в шандале, следом – горничная девушка, за нею – боярышня в собольей шубке, крытой белым глазетом, и камердинер, исполин ростом; в крошечной горенке сразу стало тесно. «Красавица! Миндальные ручки твои, яблочные щёчки! В светлицу пожалуйте», – кланялась гадалка цесаревне, прочим же велела ожидать здесь.

С широкой лежанки печи прыснул кот, другой мягко вскочил на лавку из угла, третий белой тенью просквозил из кухоньки, четвёртый так и спал на укладке, открыв золотой глаз на хозяйское «кис-кис». «А коты в судьбу верят, потому с хвостом, хвост-маятник, хвост-суд, хвост-приговор тебе, а всё малый кот», – воркотня хозяйки, спешившей усадить гостью поудобнее. Цесаревна глядела во все ясные глаза на Акулину Ивановну и её зверинец.

Три кота белых, в тёмных турецких фесках на лбу и ушках, хвосты – дымчатыми трубами, хотя бы и лисе, черно-бурой красе, хвост такой гош. На крестце у каждого – темно-бурым пятном карточная масть: у одного бубны, трефы у другого, третий отмечен пиковым тузом.

Четвёртый кот – черныш Маркиз, в белых перчатках да в сапожках, на мурлишке белая маска, пуховое жабо белее снега – а на нем чернеет пятном сердечко. Усы у всех четырёх – хотя бы и лейб-куманцам впору.

– Сведем-узнаем, красота ненаглядная, долго ли тебе сиротою горькою плакаться, – подавая цесаревне засаленную колоду – снять карты, приговаривала ворожея. – Ты, Елисавета Петровна, суть «Дама Соeur!» Поглядела строго в очи, словно не убогая старушонка говорила с высокой гостьей, – пифия, сивилла!

– Червы суть Чаша искупительной Крови Христовой, червы суть Жертва и Сердце Мира...

Ложились ряды рубашками, и, открывая лицо, сокровенное говорили в сочетаниях дамы, короли и валеты.

Главная карта – королева червонная с веером французским – закрыта чёрными виньями. Цесаревне вспомнился недоступный Версаль, отвергнутое русское сватовство, и как долго она, байстрючка, бастардка, привенчанная, старилась в девках; памятны и чёрные дни при Анне Иоанновне. Прекрасные голубые глаза опечалились, прижмурились в ресницах густых.

Вещий пасьянец чинно ложится в руках Акулины Ивановны, карта за картой, али то мечет судьба шальной баламут?*

«Дама Соeur!» Дитя Фортуны и Любви!

Карты кривлялись, гримасничали, перемигивались в глазах цесаревны.

– Бардадым** твой рядом во всю жизнь, ты дама парная...

Толковала ворожея просто, с прибаутками, дескать, в новый год с новым счастьем, а выходило мудрёно:

– Батюшка твой царил, матушка твоя царевала, и тебя, сиротинушка, престол ждёт, тебе слава и держава! Не будь простодырой распустёхой, превеликое Щастие в белы ручки плывёт – не упусти мимо. Десять лет с лишком мучаешься ты, упустивши благой случай, и претерпела множество скорбей. Настаёт новый год, бьёт твой час, надея наша русская, дерзай!

Чёрный котик потянулся, белой лапкой пасьянец поправил.

– Всё будет твоим, но с условием.

Карты взвихрились вещими птицами. Мелькнули грандиозный царскосельский плафон с Россией торжествующей, веселье бальной залы, в золоте, зеркалах и огнях, сырой плеск Бельта, блеск русских штыков. Мир, благодать и возлюбленная тишина. На клиросе дворцовой церкви, далеко и внятно, детские голоса пели тропарь Рождеству Христову. Малороссийская песенка баюкала цесаревну. Лепетал и гулил младенец.

– Не то в одинокой келье полынную горечь изопьёшь.

Упала на стол карта: на коленях та же червонная краля, ей ножницами постригают длинные золотые волосы.

Что же это за пасьянец?! Что за нелепости грубые? Кем та небывалая карта намалёвана? Кто-то тебя нарочно подучил, карга старая, ведьма... Акулина Ивановна!

– Не бойся, не бойся, красавица, Царь-девица... испей водицы. Вижу, вижу, говорю что вижу: заточение взамен заточения, дитя за дитя...

Такой расклад. Карты правду говорят. Иначе не сладится по-твоему.

Возьмёшь чужое дитя, зато отдашь своё.

– Ради привременных радостей мира сего я не отрекусь от вечного блаженства! А ежели достигну престола отеческого, клянусь всем святым, что и смертной казни в России при мне не станет! Клянусь...

Мяукали протяжно четыре кота. Ворожея сказала твёрдо:

– Души твоей продать не требуют. Однако же родное дитя ты отдашь.

Насторожив уши, чёрной молнией метнулся Маркиз, в когтях пискнула мышка.

Золотой о столешницу звякнул. «Даме Соеиг» меньше червонца невместно дать за гаданье в щедрый вечер.

И милый, чернобровый всполошился в другой горенке:

– Ой, лышенько! Серденько мое, пошто плачешь?.. Огорчила дура старая цесаревну!

Домой, домой, в санки да во дворец. А морозко знай скачет по ельничкам, по березничкам, по сырым боркам, по веретейкам.

ПРИМЕЧАНИЯ.

**Прим. Баламут – шулерская колода с особым порядком карт, при котором все или почти все карты биты.*

***Прим. Бардадым – трефовый король, в переносном значении – здоровенный малый, верзила.*

Ш

Красного янтаря резная табакерка: под купами дерев любезные сидят, обнявшись, у ног Фиделька – символ любви неизменной, три амура поодаль: один на арфе играет, другой сладкий плод вкушает, третий горюет над могилой. Данцигские мастера резали безделушку, в ту пору Питербурха ещё не заложил батюшка Пётр Алексеевич.

– Дражайшая Лизетта, подайте-ка табакерку Вашу, я требую.

– Право же, государыня моя сестрица, в ней вышел табак; кавалеры, без сомнения, одолжат Вас душистым зельем, не так ли, милый маркиз?

– Подайте сюда табакерку, Елисавета Петровна, сей же миг! Я с Вами шутить не намереваюсь.

Труха летит на чёрно-белые шашки пола, пахнет мятой и канупером.

Роковая записочка в руках Анны Леопольдовны, изумруды в перстнях полыхнули, как глаза разъярённой кошки.

– Здравы будьте, государыня сестрица, многая лета, – лепечет, побелев круглым лицом, цесаревна в ответ на звонкое «апчхи» регентши.

– Вижу, что Ваши ближние люди, дражайшая Лизанька, соскучали по Шлиссельбурху. Буду иметь с Вами разговор суровый. То всё французская интрига, знаю сама!

Кабинет уединённый; с тёмного портрета кисти Каравакка пробирает взором отечная, злобная покойница Анна Иоанновна в порфире.

– Что это, матушка, слышала я, будто Ваше Высочество имеете корреспонденцию с армией неприятельской?.. будто лекарь Ваш ездит к посланнику де Шетарди? Мне советуют немедленно арестовать Лестока.

Я слухам о Вас не верю, но надеюсь, что если Лесток окажется виноватым, то Вы не прогневайтесь, когда его задержат!

– Я с неприятелем Отечества моего никаких альянцев и корреспонденций не имею, а когда мой доктор ездит до посланника французского, то я его спрошу, и как он мне донесет, то я вам объявлю. Записочка сия внушена горькою нуждою, я всего лишь хотела призанять в долг дукатов у маркиза де Шетарди. Со ста тысяч содержания, условленного родительницей моей, тётушка Анна Иоанновна (кивок на портрет угрюмой самодержицы) ускромилла меня до тридцати тысяч в год. От той причины я вошла в долги и долги. Платить людям жалованье нечем, кровля дворца в Царском Селе обветшала, я заложила драгоценности матушкины... Мне штопают чулки!

Слёзной влагой поплыли чудные голубые очи. Анна Леопольдовна, имея нрав переменчивый, обняла красавицу и сама всплакнула.

– Мы это поправим, сестрица Лизетта, только будьте верны присяге... Год, начавшийся гаданьем у царскосельской ворожеи, истекает, кончается стылый ноябрь.

Месяц огнистый, как оброненная Петровым конём подкова, над Зимним дворцом. Адмиралтейство золотой иглою штопает небо по иссиня-чёрному шёлку.

IV

Кому – скипетр, кому – чётки.

Жарко молилась цесаревна пред богородичным образом Знаменья в царскосельской церкви. Голова от бессонной ночи шла кругом. Сердце трепетало. Она не была столь храбра, как её покойная матушка, да и царственный отец не отличался природным мужеством, однако превозмогал страх в сражениях и роковых событиях.

«Так предопределено судьбой, ея веления неизбежны».

А фамильные драгоценности Елисавета Петровна и впрямь заложила: переворот весьма требует денег, мешок серебряных рублей роздан лейб-гвардейцам. И вот казарма Преображенского полка среди ночи услышала: «Вы знаете, чья я дочь!»

– Други мои! Вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною! Как служили отцу моему и вашему, Отцу Отечества, так и мне послужите верностью вашей!

Предстало сонным гренадерам видение: цесаревна в чёрной кавалерийской кирасе и белых лосинах в обтяжку, в белом парике, в

косице чёрный бархатный бант, – точно длился придворный машкерад. Андреевская лента небесного цвета через плечо.

Капут немцам! Виват, Елисавета!

Летели метелью карты, в Зимний дворец лезли бардадымы – верзили преображенцы...

Подскользнувшись в ботфортах, неловкая в тяжёлой кирасе, Елисавета Петровна упала в снег; два исполина тотчас приняли на мощные плечи задохнувшуюся от волнения и азарта цесаревну.

В покоях Зимнего дворца сонная тишь. Государь император почивал в зыбке, прикрытый стёганым, голубого атласа, одеяльцем с чёрным мехом. «Отнюдь не будить его Императорское Величество!» – велено гвардионцам, и те, стоя навьютяжку с оружием, ждали, покамест Иоанн Антонович проснуться изволит. Мех вдруг ожил – муркнул и поднял рыльце чёрный с белой манишкой кот, золотые глаза впились неотрывно в цесаревну. Чёрное сердечко на белой шее. Откуда взялся?

Четыре четырки, две растопырки, один вертун да два яхонта.

Младенец Иоанн Антонович в руках тётушки смеялся и гулил.

– Малютка, ты ни в чём не виноват! – молвила Елисавета Петровна прилюдно.

Целый день цесаревна разъезжала по Питербурху с младенцем на руках, не зная, что предпринять. Родители его, герцог Антон Ульрих и правительница Анна Леопольдовна, все приближённые немцы схвачены и заключены под крепкий караул. В заточение отправят и малолетнего императора.

Через три дня издан манифест, в котором провозглашалось: цесаревна Елизавета Петровна вступила на престол «по законному праву, по близости крови к самодержавным родителям».

Виват! Виват!! Виват!!!

Громы преображенского марша да клич гвардии, пушечная пальба.

Державная столица просияла фейерверками; золотой вензель *E I* крутился в небе, рассыпая хвост кометы (точно так бывало при государыне матушке Екатерине Алексеевне).

Месяц качался над Городом, как опустелая колыбель.

...Слава и суета мира сего – шелуха невесомая, полова на весах Господних. «Пеките блины! Пеките блины! Вся Россия-мати, пеки блины!» – с воплем побежит зимою по стогнам петербургским блаженная Ксения, вдовица вещая, ряженная в мужний мундир; в самое-то

Рождество Христово представится русская душою императрица Елисавета Петровна, и поминать её станут, по русскому обычаю, блинами.

Блистательное и милостивое многолетнее царствование Возлюбленной Тишины сменится пышным и славнейшим царствованием премудрой Фелицы. Из блаженной Авзонии похитят, возмут увозом законную дочь покойной императрицы Елисаветы Петровны и графа Алексея Разумовского и, заточив в московском Иоанно-Предтеченском монастыре, силою постригут во инокини.

Августа Дараган проживет в обители двадцать пять лет, станет преподобной старицей Досифеей, наставницей братьев Путиловых, будущих старцев Оптиной пустыни, позднее – молчальницей. И не расстанется старица Досифея с портретом императрицы Елисаветы Петровны до конца дней своих. Невинный страдалец, убиенный заточник Иоанн Антонович, и подавно блажен в очах Господних.

А что же коты Акулины Ивановны? А коты и на земле грешной вхожи в алтарь церковный, куда не смеет войти сама императрица Российская, и после, изживши девять жизней, в райской ограде гуляют и Страшного Суда не боятся.

Петербург

30 декабря 2021 – 16 января 2022

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

Редактор Галина Лазарева

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Родилась в Казахстане. Археолог. Сделала самостоятельное археологическое открытие в Хорезме. Четверо детей: сын, сноха, внук, племянница. Им и посвящала первые стихи и сказки. До приезда в Австралию работала на радио города Ташкента, как оператор и участник литературно – поэтических программ на русском

и узбекском языках.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕШКИ В АВСТРАЛИИ

Все любят фантазировать, правда? Фантазии бывают разные: сказочные и правдивые. В нашей истории про тушканчика, которого мама с любовью называла Бешкой, больше правды, чем вымысла и началась она в пустыне. В этом удивительном месте на Земле, где казалось бы невозможно выжить без воды, обитает множество животных, птиц, насекомых и рептилий.

Бешка жил со своей мамой в уютной норке. Она была очень глубокой и имела два запасных выхода, которые чуть-чуть прикрывались землей. В случае опасности мама быстро открывала земляную “пробку” и все оказывались на свободе. Но, в целом, жилье считалось теплым и надежным.

Бешка родился в апреле, когда пустыня наполняется пением птиц, запахом молодой травы и первых цветов. Он был совсем маленьким, когда мама впервые разрешила выйти из темной норки. Мир, в котором оказался Бешка, встретил ярким солнцем, удивительными ароматами и красивой рекой, за золотистыми барханами.

За лето малыш подрос, научился самостоятельно находить в песке вкусные клубни растений и их семена. А иногда мама водила его на поля, где угощала душистыми семечками арбузов, дынь и подсолнечника. От этих лакомств песчано-серая шубка тушканчика становилась блестящей и пушистой, зубки – острыми, а коготки – цепкими.

Вслед за летом, неизменно приходила осень. Ночные холода напоминали обитателям пустыни: пора готовить зимовье! Высунув мордочку из норки, Бешка подолгу наблюдал за большими стаями птиц, печально кричащих где-то высоко-высоко в небе.

– Куда же они улетають? Разве им плохо здесь, на нашей реке?

Не догадывался Бешка, что совсем скоро он узнает: куда они улетають... Долгими зимними вечерами, когда по пустыне гуляла холодная стужа, мама рассказывала Бешке истории, которые слышала от старого пеликана Джамбо. Он жил в тихой заводи за барханом уже много-много лет, казался толстой, неуклюжей птицей, на коротких ногах с перепонками. Он медленно плавал и не умел нырять. На нижней части длинного широкого клюва, находился мешок. Пеликан терпеливо ждал на мелководьи, всматриваясь в глубину, не пропуская ни одной проплывающей мимо рыбки: все оказывались в том самом мешке под клювом. О том, что Джамбо лучший рыболов, знали все.

Каждую весну и осень пеликан встречал и провожал перелетных птиц. Они отдыхали в его заводи и приносили на своих крыльях занимательные рассказы о далеких странах и увлекательных путешествиях. Очень скоро Бешка понял: мир-это не только его дом и река за барханом, есть еще множество других стран, не похожих друг на друга, но каждая, по-своему, прекрасна. И родилось в нем страстное желание: увидеть, хотя бы некоторые.

Как-то, холодным утром, Бешка, тайком от мамы, отправился к реке.

Джамбо, как всегда, занимался ловлей рыбы.

– Здравствуйте, дядюшка Джамбо! – громко поприветствовал Бешка.

– Здравствуй, здравствуй, дорогой. И чего тебе не спится в такую рань? –

– простуженным голосом прохрипел пеликан.

– Я хотел бы у Вас расспросить о дальних странах. Расскажите, пожалуйста.

– О какой бы ты хотел услышать?

– А какая самая далекая и самая красивая?

– Австралия, конечно. Она находится в Южном полушарии и дальше только океан, а потом – только льды Антарктиды. Живут там животные, каких мы не видели, и растут диковинные растения, таких не увидишь даже во сне.

– А как туда попасть?

– О, это очень непросто. Нужно много дней идти, лететь, плыть...

– Идти я готов, плыть можно по реке, а вот летать – не умею. Значит, я никогда не увижу эту чудо-страну, – загрустил Бешка.

– Если сильно захочешь, обязательно увидишь, – заверил Джамбо. Вернувшись домой, Бешка рассказал маме о своей мечте. Она заволновалась: ”Дорогой, это так далеко, а ты еще совсем маленький. Путешествовать хорошо бы с друзьями”.

– Я уже не маленький! – возразил Бешка, гордо подняв мокрый носик, – а друзей можно найти повсюду, главное – самому быть хорошим другом. Мама почувствовала, что он действительно вырос и бесполезно отговаривать от этой затеи. Несколько дней спустя, собрала в корзину зернышки, сушеные плоды и пошла к реке провожать сына. На берегу Джамбо, Бешка, паучок и ящерица сооружали “плавательный аппарат” из листьев, прутьев, перьев, словом, из того, что не тонет в воде. Между двумя большими листьями лопуха ящерица проложила сухие прутья и скрепила их ремешками из своей прошлогодней шкурки, а паучок суетливо бегал по краю листа и липкой паутиной склеивал один край с другим. Джамбо принес несколько больших перьев и установил парус. Все готово! Бешка попрощался с мамой, обнял друзей.

– Ты будешь плыть по реке до тех пор, пока она не станет такой широкой, что не будет видно берегов. Знай: ты доплыл до моря, а проверить это сможешь, обмакнув кисточку своего хвоста в воду и высушив на солнце.

– А что должно произойти с моей кисточкой? – интересовался Бешка.

– Она будет соленая, вода же в море соленая! – засмеялся Джамбо. - В этом месте будь внимателен и не пропусти остров, где живут мои родственники – кудрявые пеликаны. Найдешь среди них пеликана по имени Рокки (у него два больших пера на голове). Он укажет тебе путь дальше.

Бешка еще раз обнял маму, друзей, прыгнул в самодельный кораблик и утренний ветер весело погнал его по течению.

Плавание продолжалось несколько дней. В сумерках тушканчик причаливал к берегу и устраивался на ночлег, а с первыми лучами солнца вновь пускался в путь. Наконец, показался остров. Но Бешка ничего не видел: он сладко спал, пригревшись на солнышке. Видел сон, как мама нежно обнимает его и поет колыбельную песенку. Кораблик медленно обогнул берег и поплыл дальше.

Остров становился все меньше и меньше. Путешественник продолжал спать, не замечая, как кисточка хвоста опустилась в воду и ее приметила огромная рыба.

Она подплывала поближе, несколько раз с удивлением рассматривала необычный плавающий объект и, осмелев, изо всех сил схватила кисточку, решив попробовать, не съедобна ли она?

В этот момент Бешка проснулся, вскочил на ноги и только теперь увидел, как далеко от него остров. Он едва не расплакался, но быстро успокоился, решив, что слезами не поможешь. Немного подумав, выдернул два самых больших пера, служивших парусом и примастил их вместо весел. Бешка греб изо всех сил и не знал, что огромная рыба плыла за ним следом и не собиралась расставаться с добычей. До берега оставалось совсем немного, когда преследовательница решила атаковать. Она разогналась и сильно ударила кораблик под водой. От этого удара Бешка вылетел в воду и начал тонуть. Житель пустыни не умел плавать. Что происходило дальше, он помнил не совсем отчетливо. Сначала он оказался в каком-то странном помещении, потом - взлетел, дальше - ударился о землю и открыл глаза. Перед ним стоял Рокки! Он выловил беднягу из воды, принес в клюве на берег и привел в чувства, предложив свежую рыбку.

Рокки-красивый, молодой, сильный пеликан. Его белоснежные перья уложены волнообразно и от этого он, действительно, казался кудрявым. Два длинных пера украшали голову и спускались завитками до клюва. Настоящий вожак птичьей стаи привык принимать решения и теперь, друзья готовились к дальней дороге. На рассвете Рокки разбудил Бешку. – Полезай! – скомандовал вожак с важным видом, широко раскрыв клюв. Бешка подчинился. Прыгнул и оказался в мягком, уютном мешке, но там ужасно пахло вчерашней рыбой. Он мгновенно выскочил обратно, зажав нос лапками.

– В чем дело? – строго спросил Рокки.

– Можно, я полечу у тебя на спине? – робко отозвался Бешка.

– Лететь будем быстро, рискуешь свалиться вниз. Да и силу воздушного потока нужно учитывать, – возразил пеликан.

Что такое “сила воздушных потоков” Бешка конечно же не знал, но продолжал уговаривать:

– Я крепко схвачусь за твои перья, а ты – зажми кисточку хвоста клювом.

Так и порешили. Поднялись в воздух и знакомый остров скоро исчез за горизонтом. Под крыльями долго сияло голубизной море, но вскоре началась равнина, затем холмы и высокие горы. Очень долго летели друзья. Наконец, оказались на берегу Индийского океана.

– Я знаю порт, где швартуются только грузовые корабли, полетим туда, - предложил Рокки.

В порту было мало людей, а у причала стояли несколько иностранных судов.

– Смотри! – воскликнул удивленный Бешка, – какой большой тушканчик и почему он в клетке? Его надо немедленно освободить! На самом деле – мощный портовый кран погрузил клетку с кенгуру на корабль. Немного позже, туда же, отправилась клетка с бенгальским тигром.

– Это не тушканчик, а кенгуру, – пояснил Рокки. – Животное привозили в индийский зоопарк показать ребятишкам, а теперь – отправляют домой, в Австралию.

– Мне необходимо попасть на этот корабль, – воодушевился Бешка, но как это сделать?

– Я знаю! – с гордостью сказал Рокки и снова широко открыл клюв. Тушканчик, без слов, спрятался в мешке под клювом, только хвостик с кисточкой, похожей на флаг, остался снаружи. Пеликан поднялся в воздух, подлетел к кораблю с той стороны, где никого не было и бесшумно опустился на палубу. Бешка живо выскочил наружу, поблагодарил Рокки за помощь и только повернулся, чтобы осмотреться, где бы спрятаться, как увидел, что прямо на них мчится сторожевой пес! Рокки, едва успев перевалиться за перила, плюхнулся в воду. А Бешка проскользнул в клетку с кенгуру. Собака продолжала заливаться громким лаем. Появилась охрана.

– Все пропало! – отчаялся наш путешественник.

Но тут кенгуру подошла к Бешке, взяла его за лапку и спрятала в сумке на животе, где она обычно выращивала своих малышей. Подоспевшие охранники никого не нашли, забрали злую собаку и ушли. К вечеру, теплоход издал протяжный гудок и стал медленно отходить от пирса. Когда наступила тишина,

Бешка смог выбраться из своего нового укрытия и спокойно разглядеть свою спасительницу. Это было крупное, грациозное животное в красивой серо-коричневой шубке, с мускулистыми задними ногами и сильным хвостом, на который кенгуру как бы приседала, когда вставала на задние лапы. Глаза большие и умные, обрамлены длинными ресницами. Кенгуру посмотрела на Бешку добрым взглядом и спросила: "Кто ты? Ни кенгуренок, ни мышонок... Откуда ты и куда направляешься?"

– Я – тушканчик. Живу в пустыне и очень хочу увидеть Австралию. Мне о ней дядюшка Джамбо рассказывал и Рокки тоже. Это моя самая заветная мечта!

– Уже совсем скоро она осуществится. Если хочешь, я познакомлю тебя с моим сыном Кенго. Он славный и веселый, сможет показать много интересного.

Бешка был несказанно рад и целыми днями напролет задавал вопросы. Но одно дело слушать, и совсем другое – увидеть своими глазами. Через десять дней все сошли на берег. Бешка теперь мог не прятаться. Он с наслаждением вдыхал чистый воздух, пропитанный новым ароматом.

– Чем так приятно пахнет? – опять посыпались вопросы.

– Эвкалиптом. В Австралии таких деревьев великое множество. Они высокие, бывают выше ста метров. Деревья растут быстро, имеют полезную листву – она лечит и успокаивает. Возле самого высокого живет моя семья. Мы пришли.

Под роскошным эвкалиптом отдыхала большая семья кенгуру. Увидев приближающихся путешественников, все бросились им навстречу, радовались благополучному возвращению мамы Кенго и с любопытством рассматривали и спрашивали Бешку.

Кенго и Бешка сразу подружились и тут же отправились осматривать окрестности. Гуляли долго, устали и решили отдохнуть. Бешка облюбовал небольшую ровную полянку.

– Я лягу здесь, а голову уложу на бугорок, это будет моя подушка, – объявил он.

Кенго прилег рядом, а его друг, не успев улечься, подскочил с криком: бугорок-подушка вдруг зашевелился. Из-под земли появилось колючее животное. Оно недовольно фыркало и продолжало топорщить иголки, торчащие из плотного меха. У Бешки от неожиданности хвостик поднялся высоко-высоко и кисточка задрожала мелкой дрожью.

– Не бойся, – засмеялся Кенго, – ехидна не опасна. Она сама нас испугалась, поэтому зарылась в землю, а мы не заметили. Ее боятся только муравьи, потому, что она раскапывает муравейники, глубоко опускает длинный липкий язык и лакомится ими. А малыши ехидны, как и мы, питаются молоком. Боятся нужно собак Динго, этих рыжих бродяг. Они редко живут рядом с людьми, любят бродить в одиночку, ловить кроликов, но, когда их много, нападают даже на взрослых кенгуру. От этих рассказов Бешке стало не по себе.

– Давай возвращаться, уже поздно и хочется спать.

В ту ночь наш герой спал так крепко, что даже не видел снов. А поутру друзья отправились к океану, к Коралловому рифу. Завтракали на ходу почками эвкалипта, молодой травкой и подсыхшими семенами растений, выброшенных океаном во время ночного прилива. На десерт Кенго

сорвал необычный красный цветок, состоящий из множества лепестков – иголочек, на конце каждой крупинки сладкого нектара и протянул другу.

– Попробуй, очень вкусно, особенно вот эти медовые капельки.

– Как называется это растение? – понюхав цветок, спросил Бешка.

– Роза, – уверенно ответил Кенго.

– Роза? – Бешка замер от недоумения. – Это не роза. Я знаю, какими бывают розы. У меня на родине она – самая красивая из цветов. Ее не едят, ею любят. Там и запах другой, и форма другая, и цвет не такой.

Тушканчик приводил все новые и новые аргументы, стараясь быть как можно убедительным. Кенго шел по тропинке, немного опередив друга.

В какой-то момент наступила тишина. Он обернулся. Бешки нигде не было. Быстро обежал ту территорию, где только что шел друг. Никого.

– Где ты? Хватит прятаться! – забеспокоился Кенго.

В ответ – тишина. Откуда-то сверху послышался слабый писк. Кенго поднял голову и увидел, как огромный орел сильными когтями ухватил Бешку и поднял в небо. Бедняга даже не успел позвать на помощь.

У орлов – лучшее зрение в царстве птиц, они – знаменитые мастера бесшумного полета и охотничьих стратегий. Даже самую маленькую жертву видят с огромной высоты. Складывая крылья, камнем падают на землю. Редко кому удается избежать их цепких когтей.

Кенго с криком бросился вдогонку. На его крик прибежала вся дружная семья и присоединилась к погоне. Орел крепко держал свою добычу и, посмеиваясь поглядывал вниз. Он нес Бешку в гнездо: там ждали папашу два прожорливых птенца. Но недолго радовался орел: с соседнего откоса, ему навстречу, поднялся такой же громадный хищник, полный желания отобрать добычу. Две сильные птицы сцепились в смертельной схватке. Сначала в ход пошли клювы и крылья, затем когти. Орел выпустил добычу и ринулся в бой. Бешка кубарем полетел вниз в густые травяные заросли.

– Ох, и больно же будет приземляться, – мелькнула мысль.

Но приземление получилось мягким, можно сказать – пуховым. Бешка проворно выбрался из этой перины и прыгнул на землю. Перед ним стояла причудливая птица, во много раз выше тушканчика. Форма тела напоминала шар, покрытый густыми перьями. Ноги короткие. Длинная морщинистая шея меняла цвет, становясь то красной, то синей. На голове-хохолок, напоминающий каску. Птица наклонилась к тушканчику, почти вплотную приблизив свой острый клюв, и стала рассматривать Бешку так внимательно, словно страдала близорукостью.

- Здравствуйте, уважаемый, – робко улыбаясь, сказал Бешка. Ему было очень интересно новое знакомство, но он не знал, чего ждать от очередной встречи.
- Привет, привет, – ответил лохматый шар, после некоторого размышления. – Ты что, с неба свалился? Умеешь летать? А где твои крылья? – сочинил с перепугу Бешка.
- Меня зовут Казуар, а как тебя?
- Бешка.
- Так вот, Бешка, ты прервал своим неожиданным визитом мой завтрак и теперь я намерен его продолжить. А ты завтракал?
- Нет, простите, не успел.
- Тогда присоединяйся. Вот грибы, вот фрукты. Я обожаю переспелые, упавшие на землю и немного подсохшие плоды. Они такие сочные и нежные, – расклеывая один за другим, нахваливал Казуар. Такие фрукты Бешка никогда не пробовал, они казались не вкусными, но он был вежлив и, чтобы не обидеть гостеприимного хозяина, поедал семечки внутри плодов – они ему нравились. По окончании трапезы Казуар заговорил:
- И куда ты путь держишь?
- К Коралловому Рифу.
- Это далеко. Можно попросить страуса Эму, он бегаёт так быстро, что может обогнать старенький автомобиль. Подожди меня здесь. Казуар ушел, но вскоре вернулся.
- Страус Эму не может тебя отвезти, он занят серьезным делом: целых девять недель будет высидывать птенцов, а потом-еще восемнадцать недель, их сопровождать.
- Спасибо, Казуар, я постараюсь сам найти дорогу. А можно задать последний вопрос? Зачем Вам такая “каска” на голове?
- Смешной ты малыш, – улыбнулся Казуар. Без этой, как ты говоришь “каска” трудно пробираться сквозь заросли. А когда появляются на свет мои птенцы, они проламывают своей крохотной “касочкой” скорлупу очень крепкого яйца, а дальше – я помогаю им. Понятно для чего?
- Понятно. Благодарю Вас, я пошел. Прощайте.
- Казуар вывел Бешку из зарослей и проводил до тропы, что вела к океану. И тут они услышали крики и топот. Это Кенго, его мама и еще несколько кенгуру бежали навстречу тушканчику. Кенго подхватил Бешку, поднял над головой и закружил в воздухе. Радости не было конца.
- Как вам удалось так быстро меня найти? – удивился Бешка.
- Нам Лори помог, – ответили все хором, указывая на попугая.

На ветке сидел настоящий красавец в белоснежном оперении с ярко - желтым хохолком, который всякий раз поднимался и раскрывался, как веер, когда Лори радовался. Он жил здесь неподалеку и слыл большим любителем мягких фруктов, зернышек и орехов. Для высасывания нектара из цветка, попугай пользовался смешной щеточкой на языке. На лапках – два больших пальца, приспособленные для лазания по деревям. А самое главное: умел говорить на человеческом языке и подражать многим птицам и животным. Лори оказался свидетелем битвы орлов и первым увидел куда упал Бешка. Он-то и показал дорогу к гнезду Казуара.

Позже, Бешка слушал рассказ о том, как два орла сражались в воздухе, затем повалились на землю и долго продолжали борьбу, пока один из них не обессилел и не сдался. Все это время Лори сидел на нижней ветке эвкалипта и повторял, раскрывая хохолок от радости.

– Уррра! Нашли! Уррра! Нашли! Бешка! Бешка!

Несмотря на неприятное приключение, друзья, в сопровождении попугая Лори, вновь отправились к Коралловому Рифу. Слишком велико было желание увидеть подводную фантастическую сказку. Другого такого места нет во всем мире! Риф состоит из мелких животных и микроорганизмов, которые строят свои домики из известняка, только в особо теплых местах океанского побережья.

– Наш Большой Коралловый Риф имеет протяженность 2400 километров, – с гордостью рассказывал Кенго, – и живут здесь самые красивые рыбки, с удивительными названиями: рыба-шар, рыба-клоун, рыба-хирург.

– А какие самые красивые рыбки? – допытывался Бешка.

– Мне нравится рыба-клоун. Она такая полосатенькая, как те носочки, что мне вяжет бабушка к зиме.

– А у вас бывает зима? – изумился Бешка.

– Да, она начинается в июне и заканчивается в конце августа, – продолжал Кенго.

– Зима в июне? Ты ничего не путаешь? Зима приходит в декабре, – утверждал Бешка.

– Нет, здесь все наоборот: когда у вас лето, у нас – зима. Вот сейчас январь и у нас – лето, – старался растолковать Кенго.

– А у нас сейчас зима. Наверное, снег выпал, – не без грусти сказал Бешка.

– А что такое “снег”?

– Вот тебе раз! Ты что, никогда снега не видел?

– Нет.

– Как же тебе объяснить? Ты знаешь, что такое мороженое?

– Конечно, – обрадовался Кенго.

– Так вот “снег” – это когда вся земля покрыта мороженым: и кусты, и барханы, и даже река. Только оно не сладкое. Но все равно, его можно попробовать.

– Замечательная у тебя родина, – с завистью произнес Кенго, – мороженое лежит под ногами, ешь, сколько хочешь. Я бы хотел увидеть это.

– Мороженое, мороженое, – передразнивал Лори, сидя на плече у Кенго.

– Когда дойдем до океана, нужно найти Утконоса. У него есть необыкновенная лодка с прозрачным дном. В ней интересно плавать: увидишь всех рыбок, что плавают под лодкой, полюбишься звездами.

– Звезды на небосводе. Их хорошо видно ночью, – уточнил Бешка.

– Я тебе о морских звездах толкую. Они живые и обитают на дне рядом с актиниями и морскими ежами, – пояснил Кенго.

У излучины реки, что впадает в океан, живет Утконос – своеобразное животное, лишь клювом напоминающее утку. Живет в норе, но целыми днями не вылезает из воды. Густая шубка не промокает. Ласты с когтями умеют и землю рыть, и под водой грести. Плавает с закрытыми глазами и носом. Под камнями, в иле, находит добычу: мелких рыбок и личинок. Держа за щекой улов, поднимается на берег и начинает заниматься сортировкой пойманного. За этим занятием его и застали друзья.

– Здравствуйте, уважаемый Утконос, – радостно поздоровался Кенго.

– Здравствуйте. Угощайтесь, – отозвался хозяин, удивленно рассматривая Бешку и доставая из-за щеки личинок.

– Спасибо, мы позавтракали. Познакомьтесь, это мой друг из далекой пустыни, он никогда не видел цветных рыбок, кораллов и морских звезд. Дайте нам свою лодку, пожалуйста.

– Конечно, берите. Только не заплывайте далеко и постарайтесь не попадаться на глаза варану. Он вечно голоден и опасен.

У того места, где река впадает в океан, стояла небольшая лодка. Кенго сел грести, а Бешка, широко раскрыв глаза от удивления, смотрел на сказочные чудеса, что происходили под дном лодки: морские звезды всех цветов и размеров лежали на дне, будто освещая путь. Актинии двигались то в одну, то в другую сторону, словно исполняли фантастический танец. Повсюду сновали рыбки в самых невероятных нарядах: то в полосочку, то в крапинку, то красные, то оранжевые, то

зеленоватые, то синие, то с торчащими плавниками, то с хвостами, длиннее самого тела. Зрелище заворожило пловцов. Но неожиданно дно лодки потемнело и сказочный мир исчез. Полтораметровое животное, с округлым телом, покрытым мелкими чешуйками, с сильными когтистыми лапами и длинным хвостом, подплыло точно под лодку и замерло. Голова показалась над водой. Из раскрытого рта появился глубоко рассеченный язык. Маленькие юркие глаза, с хищным прищуром, внимательно рассматривали сидящих в лодке.

– Кто это? – шепотком спросил Бешка.

– Это варан Гульда подплыл под лодку и, если он нас заметит, нам не сдобровать. Но почему он здесь плавает? Соленая вода не для него. Добычи достаточно и на берегу. Он охотится ночью и любит поселяться в чужих норах, а еще когда он дерется, встает на задние лапы, шипит и кусается, -зачем-то добавил Кенго.

Исчез варан так же неожиданно, как и появился. А под дном лодки друзья вновь увидели волшебные картины подводного мира и медленно уплывающего Утконоса. Это он отвлек варана и отвел в сторону, подальше от перепуганных путешественников.

Насмотревшись подводных красот, друзья вернулись домой. На небе появились первые звезды. Хотелось спать. Улеглись под эвкалиптом, где ночевала вся семья. Бешка рассказывал кенгурятам о том, какие красивые, крупные звезды загораются по ночам над его родной пустыней, какие мелодичные песни поет ему мама перед сном.

Вдруг, среди густой листвы, Бешка разглядел незнакомое существо. На спине лохматого, круглого медвежонка, сидел малыш, такой же очаровательный, как и его мама. У них были мокрые кожаные носики, лохматые ушки и блестящие глаза-бусинки. Не спеша, как-бы с ленцой, они передвигались вместе. Срывали молодые листья эвкалипта, внимательно рассматривали каждый, и, тщательно пережевывая, поедали их. Кенго, заметив за кем наблюдает Бешка, стал рассказывать:

– Коала – самые смешные наши соседи. Они так же, как и мы - кенгуру, выращивают одного малыша в сумке на животе мамы. Потом, еще целый год, носят его на спине. А спать любят - медом не корми! Спят всю ночь и весь день на ветках, высоко над землей. И как они не боятся упасть? К вечеру просыпаются, едят и опять погружаются в сон. Тебе очень повезло, что ты увидел бодрствующих коала.

Бешка внимательно слушал рассказ, продолжая рассматривать медвежат. В этот момент кто-то с писком пролетел и шлепнулся между друзьями. Летун оказался очаровательным Кускусом, в светло-серой шубке. Его

лапки с цепкими коготками, торчащие ушки и живот, были розового цвета. Задние лапки с передними соединялись кожаной перепонкой того же цвета. Большие, точно мокрые глаза, виновато смотрели на тех, кого он побеспокоил своим прибытием.

– Простите, я нечаянно сорвался, когда перелетал с ветки на ветку. Мой дом – там, на вершине дерева, я не люблю бывать на земле. Прощайте, мне пора.

С этими словами Кускус, ловко цепляясь за ствол эвкалипта, проворно поднимался все выше и выше и скоро совсем исчез в густой листве. Наступила тишина. Все звери отдыхали. Бешка тоже прилег на бок, закрыл глаза и готовился заснуть, но что-то ему мешало. Из-под земли доносились странные звуки. Совсем скоро, рядом с ним, земля стала шевелиться и подниматься. Наконец, на поверхности показался обитатель норы. Он уселся рядом с образовавшейся горкой земли и, довольный проделанной работой, заговорил сам с собой.

– Ну, вот и все. Я закончил десятый вход, а всего у меня тридцать метров прорытых тоннелей, а в центре – нора для семьи. Теперь, этого достаточно!

– Простите, я до приезда в Австралию, тоже жил в норке с тоннелями, их копала моя мама. Я - Бешка, а Вас как зовут?

– Меня? Вомбат. Это жилище для моей семьи. Хочешь посмотреть как там замечательно внутри?

– Конечно, – обрадовался приглашению Бешка.

Они спускались под землю все ниже и ниже. Становилось прохладно. В том месте, где заканчивался тоннель, начиналась просторная нора. Здесь жило несколько вомбатов и растили одного малыша. Он питался маминым молоком. А взрослые вомбаты – ели принесенную траву. В норе было шумно, но вдруг, на мгновение, все животные замерли и прислушались к тому, что происходит наверху. С поверхности земли доносились глухие удары.

– Опять пожар, – печально произнес старый Вомбат.

– Пожар? – испугался Бешка, – надо предупредить Кенго и его семью!

– Тебе лучше переждать здесь, наша нора безопасна.

Но Бешка не слышал последних слов: он мчался, что было сил по длинному коридору. Скорей! Скорей! Возле раскидистого эвкалипта собралась вся семья Кенго. Все с тревогой поглядывали в ту сторону, откуда ветер приносил запах гари, а горизонт окрасился огненным заревом. Стада зверей торопливо покидали свои норы и логова. Земля гудела от великого движения.

Бешка без труда нашел друзей. Семья отправилась к реке. Перейдя на другой берег по мелководью, звери оказались в безопасности. Огонь, подгоняемый ветром, быстро распространялся по округе и теперь, только сильный дождь или помощь людей с вертолетами, могли остановить стихию.

Пожары в Австралии случаются каждый год. И люди и звери знают, как спастись от этого бедствия, но потери случаются. Да и сама природа быстро восстанавливается: по весне трава зеленеет, а деревья уже через три года, поменяв кору, забывают о страшных ожогах. Огонь с ветром проходят с такой скоростью, что деревья не сгорают дотла, а лишь теряют листву и верхний слой коры. А семена эвкалипта не могут прорасти, пока не побывают в огне. Так распорядилась природа.

После пожара, многие семьи животных и птиц, обосновались по другую сторону реки, устраивали лежбища, вили гнезда, рыли новые норы – те, кого пожар застал врасплох. Жизнь продолжалась.

Красивая страна Австралия! Но Бешка все чаще и чаще вспоминал маму, пеликана Джамбо, паучка и ящерицу, речку за барханом, откуда началось его удивительное путешествие. Там, далеко, в родной пустыне, зима подходила к концу. Он скучал по чарующему запаху весенних первоцветов, по бездонному небу и как-то по особенному – сияющим звездам. Конечно, звезды тут ни при чем. Пришла пора возвращаться.

Кенго очень огорчился, когда узнал о решении друга.

Провожать Бешку пришли все, с кем он успел познакомиться и подружиться. Каждый старался подарить маленький сувенир на память.

Кенго принес бумеранг.

– Ты знаешь что это такое?

– Нет, впервые вижу, – разглядывая подарок ответил Бешка.

– Бумеранг! Он улетает и возвращается. Вот, смотри!

Кенго метнул цветной бумеранг и он со свистом полетел по воздуху.

Летел прямо, но вскоре развернулся и прилетел прямо в лапки.

– Я хочу, чтобы ты тоже скорей вернулся. Приезжай следующий раз с мамой.

Бешка всех поблагодарил и стал подниматься по трапу теплохода с большим пакетом подарков.

– Стойте, стойте, подождите! – кто-то прокричал издали.

Бешка оглянулся и увидел, как бежит по причалу смешное создание на задних лапках, держа хвост на весу, точно боясь его замочить в луже после дождя. Спешила Плащеносная ящерица. Ее желтовато-бурый животик взволнованно раздувался от быстрого бега. Чешуйчатые

складки кожи развивались, как плащ. Она подала маленький сверток, перевязанный голубой ленточкой и сказала, что его попросила передать старенькая бабушка Кенго.

Бешка развернул сверток. В нем были маленькие, теплые носочки, точь-в-точь в такую же полосочку, какой удивила его недавно рыба-клоун. Сердце наполнилось теплым и добрым чувством, хотелось обнять весь мир.

– Прощайте, друзья! Я люблю Вас! Прощай, Австралия! Я еще вернусь!

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (ПОТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ)

90-е годы в России без преувеличения можно назвать временем интеллектуального Ренессанса. Особое место в этом интереснейшем процессе занимает частное издательство «Водолей», основанное в 1991 году сотрудником Областной Томской библиотеки Евгением Кольчужкиным.

В первую очередь «Водолей» обратился к тем поэтам, писателям и философам, которые по разным причинам в течение десятилетий были обделены издательским вниманием, или просто умышленно преданы забвению. Таким образом, «Водолей» продолжил традиции таких символистских издательств начала прошлого века как «Скорпион», «Мусaget» и т.п., переиздавая в первую очередь выходившие в них книги. Для такой грандиозной задумки понадобились тесные контакты с филологами, переводчиками и авторами.

С 2002 года «Водолей» получает постоянную прописку в Москве. Особый вклад в деятельность издательства внес его главный редактор, писатель, поэт, переводчик, историк поэтического перевода Евгений Витковский.

Основная сфера деятельности издательства – Серебряный Век (серия «Серебряный век. Паралипоменон»). Это практически пропущенные, забытые страницы Серебряного Века, изданные добротнo и с любовью. Начиналась эта серия с книги Лидии Алексеевой, двоюродной племянницы А. Ахматовой, за которой последовали тома С. Соловьева, М. Тарловского, С. Петрова, Б. Нарциссова и многих других. Всего к изданию намечено около 200 почти забытых авторов. Открываются совершенно невероятные вещи, каждая книга издательства – это неожиданные встречи, истории, судьбы, достойные отдельного обстоятельного разговора.

Альманах «Витражи» продолжает рубрику «Серебряный век, потерянные страницы». В этом номере один автор.

Знакомьтесь – ИВАН ЕЛАГИН.

ИВАН ЕЛАГИН

Иван Венедиктович Елагин (1 декабря 1918 – 8 февраля 1987) – один из самых значительных поэтов русской эмиграции второй волны. Настоящее имя – Уотт-Зангвильд-Иоанн Матвеев. Родился во Владивостоке в семье поэта-футуриста Венедикта Марта, репрессированного в 1920-е годы. Внук владивостокского краеведа Николая Матвеева-Амурского. Приходится двоюродным братом поэтессе Новелле Матвеевой. Мать, Сима Лесохина, еврейка, в 1919 году попала в психиатрическую лечебницу Петрограда, где оставалась до конца жизни, умерла во время

блокады. Будущий поэт ещё ребёнком был вывезен отцом из Владивостока в Харбин. В 1923 году семья вернулась в СССР. В 1928 году Венедикт Март за ресторанный драку получил три года ссылки в Саратов без права возвращения в Москву, и сын на некоторое время оказался среди беспризорников. После средней школы поступил в Киевский медицинский институт, окончил 3 курса. В 1937 году женился на молодой поэтессе Ольге Штейнберг, более известной под псевдонимом Анстей... В годы Великой Отечественной войны продолжал жить в оккупированном Киеве вместе с женой, откуда позднее был перемещён в Германию. Чтобы избежать возвращения на родину и ареста, перешёл в американскую зону оккупации. В июне 1937 года его отец был повторно арестован и в октябре расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Иван Елагин об этом не знал, он до конца жизни был уверен, что отца расстреляли летом 1938 года. В 1947 в Мюнхене вышел первый сборник стихов. С 1950 года жил в США, взяв фамилию Елагин для ухода от репатриации. Мыл полы в ресторане, работал на фабрике, в мастерской по склейке стекла и т.д. После окончания Нью-Йоркского университета получил докторскую степень, преподавал русскую литературу в Питтсбургском университете. Работал на «Радио Свобода». Автор книг: «Отсветы ночные», «Косой полёт», «В зале Вселенной», «Тяжёлые звезды», «Курган» и др. В России издано «Собрание сочинений в 2 т.» с большим, очень содержательным предисловием Евгения Витковского.

Статья Е. Витковского «Против энтропии» смотри:

<https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vitkovskij-evgenij/protiv-entropii-statji-o-literature/21>

* * *

Мне не знакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей – давно оставленной – России
Мне не хватает русского окна.
Оно мне вспоминается доньше,
Когда в душе становится темно,
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

* * *

Здесь дом стоял. И тополь был. Ни дома,
Ни тополя. Но вдруг над головой
Я ощутил присутствие объёма,
Что комнатою звался угловой.
В пустом пространстве делаю отметки,
Я мысленно её воссоздаю:
Здесь дом стоял, и тополь был, и ветки
Протягивались в комнату мою.
Вот там, вверху, скрипела половица,
И лампа вбок была наклонена,
И вот сейчас выпархивает птица
Сквозь пустоту тогдашнего окна.
Прошли года, но мир пространства крепок,
И у пространства память так свежа,
Как будто там, вверху, воздушный слепок
Пропавшего навеки этажа.
Здесь новый дом построят непременно
И, может быть, посадят тополь тут,
Но заново отстроенные стены
С моими стенами не совпадут.
Ничто не знает в мире постоянства,
У времени обрублены концы,

Есть только ширь бессмертного пространства,
Где мы и камни – смертные жильцы.

Амнистия

Ещё жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.
Вероятно, на пенсию вышел.
Живёт на покое
И дело привычное бросил.
Ну, а если он умер –
Наверное, жив человек,
Что пред самым расстрелом
Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.
Верно, тоже на пенсию вышел.
А если он умер,
То, наверное, жив человек,
Что пытал на допросах отца.
Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел.
Может быть, конвоир ещё жив,
Что отца выводил на расстрел.
Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.
Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

* * *

Мы далеки от трагичности:
Самая страшная бойня
Названа культом личности –
Скромно. Благопристойно.
Блекнут газетные вырезки.
Мертвые спят непробудно.

Только на сцене шекспировской
Кровь отмывается трудно.

* * *

Нежность, видно, родилась зайкой –
Ей слова даются тяжело.
Ей бы медвежонком в чаще дикой
На заре обнюхивать дупло.
Ей бы грызть заостренный и горький
Лист брусничный да лежать во мху,
Слушая, как ветер на пригорке
Треплет тонкоствольную ольху.
А её просили есть в гостиной,
И была хозяйка с ней мила,
Оттого что нежность чинно-чинно,
Очень хорошо себя вела.
Столь необычайное смиренье
Даже озадачило кота:
Кот изобразил недоуменье
Знаком вопросительным хвоста.
Кот нашёл, по-видимому, странным
То, что нежность так себя ведёт:
Кот в любви был старым ветераном,
Помнил, что такое нежность, кот.
Знал, что не унять её томлений,
И умел он на своём веку
Ткнуться мордой в милые колени,
Ухом почесаться о щеку.
Исчезают, как в водовороте,
Выплески однообразных дней.
Вы, наверно, так и не придёте
На свиданье с нежностью моей.

* * *

Он красоту от смерти уносил!
И. Бунин

Олень упал. Пробила шею пуля.
За деревом, его подкарауля,
Стояла смерть в дублёном кожухе,

В папахе старой и с ружьём в руке.
Олень хрипел и скрёб рогами пень,
И, умирая, вздрагивал олень.
Казалось, что он жаловался громко,
Казалось, что, собрав остаток сил,
Он Бунину рассказывал о том, как
Он красоту от смерти уносил,
Как жил в лесу, щипал кусты по скалам
И спал, укрывшись звёздным покрывалом.
И в тот же самый день в больнице где-то
Родился человек и стал кричать.
О нём уже заполнена анкета,
Указаны его отец и мать,
Какой в нём вес, глаза какого цвета,
Стоит на папке номер и печать.
В хранилище особого отдела
Заведено на человека дело.
И кажется, что в папке этой плотной
Весь человек упрятан как живой –
Он с метрикой, он с книжкою зачётной,
С дипломом он и с книжкой трудовой,
Он с паспортом и с воинским билетом,
Он на расправу справкам, и анкетам,
И бюрократам выдан с головой!
Там аккуратно сложен каждый листик,
Там человек измазан дёгтем лжи
И вывалян в пуху характеристик!
И в сыске искушённые мужи
Там только ждут условленного знака,
Чтоб, шутку безобидную твою
Истолковав превратно и двояко,
Состряпать уголовную статью.
А мне бы жить и умереть оленем,
Над озером в заснеженном лесу,
Где каждый вяз могучим разветвленьем
Удерживает звёзды на весу.
Пушай всю жизнь облавы, и погони,
И ледяные ветры всех ночей,

Но только б не за проволокой в Зоне
Под отческим присмотром стукачей.

Скрипач

Звуки тончайшей выточки
Соскальзывали с плеча,
Как будто тянул он ниточки
Из солнечного луча.
Лежала на скрипке щека ещё,
Дрожала ещё рука,
И звук всплывал утопающий
За соломинкою смычка.
И ноту почти паутинную
Он так осторожно сужал,
Что скрипка казалась миною,
Которую он разряжал.

* * *

В различных проявленьях бытия
Усматривал философ связь живую.
Так, например: я мыслю, значит, я,
По мнению Декарта, существую.
Тут логики несокрушимый вал,
Но верить ей не стану раболепно.
Я плохо мыслил, а существовал –
Осмелюсь утверждать – великолепно.
Как знать, на небе пятом иль седьмом,
А может быть, на небе двадцать третьем
Мы будем обладать иным умом
И логику совсем иную встретим.
И может быть, за этим звёздным рвом
Столкнёмся мы с совсем другим порядком,
И мозг, что был природы торжеством,
Слепой кишки окажется придатком.
Опять я убеждаюсь и опять,
Что жалок ум, что интеллект заносчив,
Что мир куда верней воспринимать
На глаз, на вкус, на нюх, на слух, на ощупь.

Из углового окна

Внизу, в пространстве, осаждённом
Домами с четырёх сторон,
Неслись пожарные со звоном
И заворачивал фургон.
Там люди толпами спешили
И в узком уличном плену
Ползли гуськом автомобили,
Как аллигаторы по дну.
И там, в автомобильном гуде,
Там, в разноликой суете,
Пространство распинали люди
На этом уличном кресте.
И, одержим каким-то трансом,
Я услышал в секунду ту,
Как измождённое пространство
Оплакивало пустоту.

* * *

Хлопочет сердце где-то в глубине.
Как моль в шкафу, оно живёт во мне.
От жизни, как от старого сукна,
Осталась только видимость одна.
Всё перетлело, чтобы жить могло
Заносчивое маленькое зло.

Поэт

Он жил лохматым зачумлённым филином,
Ходил в каком-то диком колпаке
И гнал стихи по мозговым извилинам,
Как гонят самогон в змеевике.
Он весь был в небо обращён, как Пулково,
И звёзды, ослепительно-легки,
С ночного неба просветлённо-гулкового,
Когда писал он, падали в стихи.
Врывался ветер громкий и нахрапистый,
И облако над крышами неслоь,

А он бежал, бубня свои анапесты,
Совсем как дождь, проскакивая вкось.
И в приступе ночного одичания
Он добывать со дна сознания мог
Стихи такого звёздного качания,
Что, ослепляя, сваливали с ног.
Но у стихов совсем другие скорости,
Чем у обиды или у беды,
И у него с его судьбой напористой
Шли долгие большие нелады.
И вот, когда отчаяние вызрело
И дальше жить уже не стало сил, –
Он глянул в небо и единым выстрелом
Все звезды во вселенной погасил.

* * *

Я решаю вопрос большой –
Что мне делать с моей душой?
Вот стою я под фонарём,
Говорю ей – вдвоём умрём,
Только жизнь со мной промытарь –
И потухнешь ты, как фонарь.
А выходит, что всё вранье,
Что обманываю её,
Что дела её нехороши,
Что бессмертье есть у души!
И хотя она здесь со мной,
Для неё я – двор проходной,
Сквозь который душа пройдёт
От одних до других ворот.
Мне-то что, я пойду на снос,
Вот с душою как быть – вопрос.
Как помочь разорвать ей круг
Этих вечных блаженств и мук.
Что же будет с моей душой?
Вечность – срок чересчур большой!

* * *

Всем и каждому у нас одна дорожка,
Жизнь устроена как русская матрёшка.
Всё едино – правит хамство или барство,
Сверху грубая матрёшка государства.
А попробуй приоткрыть её немножко –
В ней торчит национальная матрёшка,
А внутри её лежит – как ты ни цыцкай! –
Пеленашечка матрёшки большевицкой!
Но и это – только ложная обложка,
В ней культуры нашей вложена матрешка.
Открываешь – удивляешься сверх меры:
В ней матрёшка православной нашей веры,
А потом пойдут сниматься, как одёжки,
Родовые и семейные матрёшки,
И в какой-нибудь матрёшке двадцать пятой
Я покачиваюсь, голый и мохнатый.

* * *

Тане Ф.

Зачем я утром к десяти часам
Жду почтальона – я не знаю сам.
Я писем не пишу, да и похоже,
Что мне писать никто не станет тоже.
Но хоть не жду я писем ниоткуда,
А все-таки я ожидаю чуда.
Я жду какой-то вести от кого-то,
Я жду в судьбе большого поворота.
И поступь почтальона издалёка
Я чувствую, как приближенье рока.
Когда во двор вступает письмоносец,
То продирает по спине морозец,
А в голосе его из коридора
Я слышу громы греческого хора.
Но вот богов гонец, судеб посланец,
С холщовой сумкой вестник, приосанься
И улыбаясь царственно-лучисто,
Дает мне счет от моего дантиста.

И сразу всё темнеет – небо, стены,
На всем следы мгновенной перемены.
И почтальон под темным небосклоном
Становится обычным почтальоном.

* * *

Ты сказал мне, что я под счастливой родился звездой,
Что судьба набросала на стол мне богатые яства,
Что я вытянул жребий удачный и славный... Постой –
Я родился под красно-зловещей звездой государства!
Я родился под острым присмотром
начальственных глаз,
Я родился под стук озабоченно-скучной печати.
По России катился бессмертного «яблочка» пляс,
А в такие эпохи рождаются люди некстати.
Я родился при шелесте справок, анкет, паспортов,
В громохании митингов, съездов, авралов и слётов,
Я родился под гулкий обвал мировых катастроф,
Когда сходит со сцены культура, своё отработав.
Только звёзды оставь. Разлюбил я торжественный стиль.
Кто ответит, зачем эти звёзды на небо всходили?
По вселенной куда-то плывёт серебристая пыль,
И какое ей дело до нас – человеческой пыли.
Я ещё уцелел, ещё жизнь мою праздную я
И стою на холодном ветру мирового вокзала,
А звезда, что плыла надо мной, – не твоя, не моя, –
Разве только морозный узор на стекле вырезала.
Оттого я на звёзды смотреть разучился совсем.
Пусть там что-то сверкает вверху, надо мной леденя, –
Мне бы дружеский взгляд да очаг человеческий. Чем
Ближе к небу – как Дельвиг говаривал, – тем холоднее.

* * *

Гурьбою по бульжной мостовой
Сухие листья гнались друг за другом
Да из-за веток яблони кривой
Звезда глядела на меня с испугом.
А я припоминал за пядью пядь
Всю жизнь мою и славил Божью милость,

И мне хотелось людям рассказать
О том, что на земле со мной случилось.
И жизнь мою укладывал я в стих
С паденьями, со взлётами, с грехами,
Да у меня и не было других
Причин, чтоб разговаривать стихами.

* * *

Комары толклись у водоёма,
Где-то птица крикнула в листве,
И закат прошёл, как Монтигомо,
Перья пронося на голове.
Уходя по золотым канавкам,
С темнотой ещё ведя войну,
Запустил он в небо томагавком
Мстительно блеснувшую луну.
И когда, стеной ночью заперт,
Он замёл последние следы,
Вместе с ним ушли на Дальний Запад
Краснокожей осени сады.

* * *

Я слушал стиха соловьиною медь,
Хотелось уметь этой медью греметь,
Но жизнь меня вкривь потащила и вкось.
А всё-таки жалко, что не удалось.
Зачем же хитрить напоследок с собой?
Будь счастлив своей эмигрантской судьбой,
На позднее чудо надеяться брось.
А всё-таки жалко, что не удалось.
Ну что же, плыви по вселенной, поэт,
Твой адрес теперь между звёзд и планет,
С землёю в разлуке и с музою врозь.
А всё-таки жалко, что не удалось.
Хотелось найти мне такие слова,
Которые так же шумят, как листва,
Чтоб солнце стихи пронизало насквозь.
А всё-таки жалко, что не удалось,

Что замыслы все разлетелись, как дым,
Что стих не согрел я дыханьем своим,
Что зря понадеялся я на авось.
А всё-таки жалко, что не удалось!

* * *

Сам я толком не знаю,
Что от жизни я жду.
На подножку трамвая
Я вскочил на ходу.
Да, наверное, круто
Повернув невзначай,
Где-то сбился с маршрута
Непутевый трамвай.
И вагон как попало
Скрежетал, громыхал
С одного перевала
На другой перевал.
Отовсюду нагрянув,
Обступили меня
Карусели каштанов
И домов толкотня,
Блестки звездных колючек,
Пляс осенней трухи,
Мне не выдумать лучших,
Чем вот эти стихи.
И пожалуй что в этом
Биография вся:
Оставался поэтом,
На подножке вися.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

АХ, ЭТО ВСЕ БЫЛО В НАЧАЛЕ

В 17 лет я был зачарован словами и стал совсем иным.

А в 20 я уже во-всю сочинял стихи и даже умудрялся выступать перед немалыми аудиториями, но публикацию в родном городе пришлось увидеть только 12 лет спустя. Альманах «Молодой Ленинград» принял у меня подборку из четырёх стихотворений, что считалось большой удачей, и это действительно стало для меня, если можно так выразиться, «долгожданной неожиданностью»! Составителем был Сергей Тхоржевский, человек осторожный, как многие выходцы из Гулага. Тем не менее, стихи он отобрал хорошие, а уж потом их урезала до средних рука редакторши.

Стихотворение из ранних «Со мною девочка идёт Наталья» ходило в самиздате, многим нравилось, и вот оно принято к печати. Мне самому оно уже казалось слишком молодёжно восторженным, но одна строфа всё же делала погоду, превращало его в поэзию:

*И небо — звездами и медузами,
земля — пещерами и дверями
сквозят, просвечивая донизу,
и кажутся совсем дырявыми.*

Это как раз то самое четверостишие, которое выбросила редакторша, а я так непростительно проморгал. При считывании вёрстки от радости и удивления я почти не видел своих же строк, не заметил редакторской правки и подписался не глядя. Лишь когда номер вышел, я обнаружил, что лучшие строфы были выпущены, и стихи померкли, а с ними и моё авторское ликование. Между прочим, Константин (Кока) Кузьминский, известный когда-то фрондёр, эмигрант и издатель 9-ти томов Антологии самиздата «У Голубой лагуны» впоследствии указал мне на промах и воспроизвёл наизусть эту строфу, за что и получил от меня высочайшую похвалу «рыцаря поэзии».

В то время шли слухи, что я остро соперничаю с Бродским, и многие этого не одобряли. К толпе осуждающих присоединился писатель Андрей Битов. Он задумал устроить надо мной литературную расправу, да так, чтобы застать “врага” врасплох. Но он ошибся – нашлась добрая душа, предупредила:

– Дима, у меня есть новости для вас. Первая (и это хорошая новость): мы отобрали ряд ваших стихотворений для следующего выпуска “Молодого Ленинграда”. А вторая – похуже, я даже не знаю, как вам это и рассказать. Приезжайте к нам в издательство, я вам лучше покажу. Приехал. Дело оказалось в том, что текущий выпуск альманаха был уже почти готов, из типографии пришли гранки. Там был напечатан рассказ Битова с главным персонажем по фамилии... Бобышев. Этот ничем не примечательный Бобышев (“маленький человек” – традиционный тип в отечественной литературе) служил инженеришкой в какой-то конторе, ленился, мелочно обманывая начальство, прогуливал, хотя и трусил, ходил в рабочее время в кино, пытался даже завести легкую связь со случайной девицей, но сробел и пожмотничал, ну и тэ дэ. Словом, становился Бобышев именем нарицательным для мелкотравчатости и моральной нечистоплотности. В ответ на мой взгляд добрая душа развела руками и сказала:

– Здесь я помочь не в силах. Да автор меня и не послушает. А сходите-ка вы лучше к главному редактору, попробуйте его убедить. Вы ведь теперь тоже наш автор.

В назначенное время я явился в Дом книги и вознесся лифтом на тот этаж, куда допускались лишь посвященные. Главред, нормального вида приземистый чиновник, уставился на меня с непротокольным любопытством.

– Знаю, знаю... – остановил он мое вступление. – Герой этого рассказа, конечно, неблагоприятная личность, и то, что у него ваша фамилия, может у вас вызвать досаду. Но таких случаев в литературе сколько угодно, и к нам нередко приходят письма с читательскими обидами подобного рода. Что тут поделаешь? Ведь возможно и совпадение. Автор мог просто выдумать такую фамилию, которая ему подошла для характеристики персонажа. Вот у Гоголя, например...

– Да знает он меня прекрасно, но хочет навредить... Никакого тут совпадения нет, мы с ним знакомы.

– А как вы это можете подтвердить?

Такой вопрос я предвидел и хорошо к нему подготовился. Вот, пожалуйста! Я протянул ему книгу “Большой шар” с дарственной надписью: “Дорогому Диме Бобышеву – за его стихи. Дружески – Андрей Битов”.

– Это другое дело... А не могли бы вы оставить мне эту книгу?

– Да ради Бога, мне она не нужна. И, помимо всего, я ведь тоже ваш автор. Мои стихи отобрали для следующего выпуска альманаха, это

будет мой дебют, и я хочу, чтобы читатели связывали мое имя со стихами, а не с сомнительными похождениями битовского персонажа. – Да, это другое дело. Чернить своих авторов мы не заинтересованы. Вскоре вышел альманах “Молодой Ленинград” с битовским рассказом. В фамилии героя была заменена первая буква. Пустяк, но это уже был не я.

А ведь «технически» я уже не был новичком: дебют всё-таки произошёл раньше, но не в родном городе, а в Москве в 1964 году: меня осчастливила «Юность», напечатав стихотворение «Русская речь», хотя и сильно поковерканное редактором, но зато с симпатичной фотографией. Правда, там меня покромсали без спросу, думая, что автор всё равно будет рад. Но на следующую публикацию (которая так и не состоялась) гранки прислали, я с их правкой заспорил и получил предсказуемый отказ. В отместку я их хорошо потом подурочил мистификацией, сочинив мнимую поэтессу Инну Вольтову, в реальность которой они поверили и даже пытались флиртовать с ней. Но это отдельная история, я уже описал её в мемуарах.

Почему же так долго меня мариновал местный литературный официоз, который контролировал все выходы, пропуски и допуски к читателям? Да потому, что Ленинград — это не Москва, где были и многочисленные издательства, и журналы, и более свободная обстановка. А в нашем городе, увы, продолжалась запоздалая ждановщина... Такое идеологическое упрямство исходило сверху, от Смольного, где княжили советские окаменелости, и это передавалось вниз по инстанциям. Духота и давление ещё более усиливались на местах, в том числе и в писательской организации.

Так и вижу их, троих церберов, наглядно стоящими у мраморной лестницы в Доме писателя с растопыренными в стороны руками: невзрачного злобного Бронислава Кежуна, осанистого с казацкими усами Илью Авраменко и Сергея Орлова с обожжённым до страхолюдства лицом. Не пущать!

Запомнились именно эти трое заведомых бездарей, но, конечно, помимо них были ещё тридцать три других запретителей и непускателей. Дело в том, что наше начало (моё и моих друзей-поэтов) пришлось на обманную пору послесталинской оттепели. «Нет возврата к прошлому», — пообещал Хрущёв, и мы ему поверили, а на деле он же и свернул свои реформы. Венгерское восстание 1956-го года было раздавлено танками. И тут же нашу студенческую газету «Культура» разгромила «Комсомольская правда». Те, кто был поименован в их фельетоне от 4 декабря, были занесены в некие тайные списки. В литературные кружки

нас ещё пускали, а в печать — ни в коем случае. Пришлось участвовать в самиздате, что оказалось ещё одним проступком и непослушанием в глазах начальства.

2 сентября 1960-го года в «Известиях» появился фельетон с говорящим названием «Бездельники карабкаются на Парнас». В издевательских выражениях там осуждались участники неофициального альманаха «Синтаксис». Издатель Александр Гинзбург получил за него первый тюремный срок, остальные отделались сравнительно мелкими неприятностями. Так, например, у меня на рабочем месте был проведён обыск («бездельник» работал тогда инженером).

Незаметным до поры, до времени прошло ещё худшее «прегрешение»: в 1965-м году материалы «Синтаксиса» были перепечатаны в Западной Германии журналом «Грани», а он считался наиболее антисоветским. Но до начальства это доехало не сразу. Я тоже узнал о публикации годами позже и понял, что именно она закрыла мне наглухо издание первой книги стихов. Ну, а пока суть да дело, в 1967-м году ленинградский «День поэзии» напечатал без изменений моё программное стихотворение «Возможности», хотя и там не обошлось без огорчений. Вот как я описал это в книге воспоминаний «Человекотекст»:

Моя косая-кривая известность стала сама по себе тоже какой-то прок выработать: вот напечатали стихотворение в «Юности» — хоть и обкорнав, но не очень испортив. Здесь отвергли и там отказали, а вот опять: в «День поэзии», правда всего лишь «Ленинградский», взяли стихотворение про ольху под названьем «Возможности». И ни строчки не переврали, напечатали весь текст как есть. В том же выпуске напечатали и Бродского — «На смерть Т. С. Элиота». Вот и замечательно, и — на здоровье: читайте, сравнивайте и аплодируйте тому, что вам сильней полюбили! Разделяет нас виштый в тетрадь блок писательских фотографий, — в его сторону смотрит благородное лицо Ахматовой, а моя страница открывается харей Прокофьева на обороте: разъятая морда чиновника, как раз и травившего Бродского, и теперь как бы лобызающая мой текст. Конечно, случайность брошюровки, но очень уж резвая... Хочется захлопнуть эту страницу и не открывать никогда!

Я и теперь думаю, что это мне не примстилось: такой тонкий трюк скорей всего был предделан намеренно, — предпосылки для этого были.

Интересный телефонный разговор произошёл у меня примерно тогда же. Позвонил Владимир Бахтин, фольклорист, любимец Александра Прокофьева. Бахтин как раз составлял следующий номер «Молодого Ленинграда». Ласковым бархатным голосом он посетовал на то, что у меня, по его словам, «такого яркого поэта», не появилось до сих пор хорошей, представительной публикации и предложил подготовить большую подборку для альманаха. Я не поверил своим ушам, но всё-таки сказал, что благодарю и принимаю предложение. Тогда он разъяснил, что выпуск готовится к 100-летию Ленина и что если я напишу стихотворение на юбилейную тему (но не в газетно-барабанном стиле, как он выразился, а в присущей мне манере философских раздумий), то могу к этому добавить любые стихи. Я тут же отказался. «Ну как знаете», — сказал он и повесил трубку.

Самым интересным было то, что альманах 1970-го года вышел в обычном, совершенно не юбилейном стиле, а Бахтин всё-таки поместил там два коротких отрывка из моего цикла «Мгновения». В гранках было ещё одно стихотворение — «Жизнь достигает порой...», узнаваемо адресованное Бродскому, хотя он был и не назван. Впрочем, вот оно, как было напечатано гораздо позднее в моей первой книге «Зияния», вышедшей в Париже в 1979 году:

Иосифу Бродскому

*Жизнь достигает порой
такой удивительной плотности,
что лицо разбивается в кровь
о кулак её милости, скорости, святости, подлости, кротости.*

*Попроси, и расскажут тебе
лётчик, гонщик, погонщик коней и ныряльщик —
может выломать руку в локте
многотонного воздуха ящик,
с жутким свистом мимолетающий.*

*Только ночью, себя от него отделив одеялом,
ты лежишь, семикрыл, рыжеват, бородат, космоват,
и не можешь понять, кто же ты — серафим или дьявол?
Основатель пустот?, чемпион?, идиот?, космонавт?*

В последней (и самой важной) строчке чередовались уравновешенно плюсы и минусы, негативы и позитивы. Редактор поменял два слова местами: «Основатель пустот? идиот? чемпион? космонавт?», и чередование нарушилось. Я почувствовал за этим какую-то подоплёку. В тот момент в редакции находился поэт Семён Ботвинник, и он объяснил: слова «идиот» и «космонавт» не могут стоять вместе, потому что это компрометирует советскую космонавтику. Я внутренне вскипел от возмущения и отказался принимать правку. В результате стихотворение вылетело из публикации.

И, наконец, большую представительную подборку предложила мне напечатать в «Авроре» Лидия Гладкая. Дело происходило где-то в самом начале 70-х (Гладкая помнит лишь, что это было в № 2), у меня тот выпуск не сохранился, нет его и в нашей университетской библиотеке. Журнал был молодой, местный, но напечататься там всё же считалось достижением. Во всяком случае, история с *ненапечатанием* там Бродского вошла эпизодом в его биографию. Ну а я решил тогда следить и отстаивать каждое слово в каждой строчке. И, конечно, пришлось немало поспорить с ответственным секретарём журнала А. Шарымовым. Но у того аргументы оказались весомей. Так, в моей пейзажной зарисовке была упомянута северная река Шексна, у которой водная поверхность оказалась подёрнута пылью, занесённой туда от Череповецкого комбината. Просто деталь, наблюдение, но — нельзя! Сам Горлит снимает стихотворение, так как тема загрязнения окружающей среды является секретом государственной важности. Но зато по поводу другого стихотворения я сумел переубедить Шарымова и заставил убрать уродливую правку. Сумел, заставил? Как бы не так! На словах он согласился, но обманул (конечно, ради моего же блага!), и стихи вышли с его правкой.

Я насчитал всего пять или шесть публикаций в советской печати до моего отъезда за границу. Казалось бы, что-то... Но ведь это — за двадцать с лишним лет моих попыток пробиться в литературу! А когда издательства стали заворачивать с отказами мою книгу, тут уж оставалось сделать выбор: «Служи или молчи. Не замолчу!» (это самоцитата из стихов того времени), и я его сделал в пользу Тамиздата. Следующим шагом по логике вещей стала эмиграция.

Суть дела заключалась во внутренней установке: подлаживаться под *status quo* или нет? Писать ли «паровозики», то есть стихи наподобие тех юбилейных, которыми пытался соблазнить меня Бахтин, чтоб они тянули за собой в печать целые составы честных, искренних, ярких стихов? Да я бы просто не сумел, (кстати, я так ему и сказал), не получилось бы... И грош цена была бы тем везомым вагонам с якобы честным и якобы искренним литературным товаром.

В нашей давней общности, которая образовалась вокруг Анны Ахматовой в её поздние годы (Рейн—Найман—Бродский—Бобышев), такое было немислимо: тут же стало бы стыдно — как перед ней, так и друг перед другом. Именно в этом смысле она называла нас по имени негибсаемого протопопы «аввакумовцами». Правда, в более суровые времена она сама через силу выдавила из себя хвалу тирану, чего не спустили ей шведские академики. А мы, — мы простили: это была жертва ради спасения сына. Но в послесталинскую эпоху такое делалось только ради своей карьеры, и примеров было сколько угодно.

Однако, знакомые поэты-москвичи (Красовицкий—Чертков—Хромов, а также Сапгир и Холин) подчёркивали своё неприятие официоза либо — совсем ни в какие ворота — тематикой стихов, либо вкраплениями нецензурщины, — они писали явно не для печати. Наш ахматовский кружок не исключал идею напечатания, но при этом не допускал никаких попыток подладиться под советские критерии.

Мне кажется, что в кружке Глеба Семёнова при Горном институте эти установки были более практическими, направленными на печать, на признание и вхождение в советскую литературу. «Паровозиков» они не писали, но какие-то приемлемые, проходные образы, темы, звуки в их стихах появлялись. Вот они и начали печататься раньше: и Городницкий, и Кушнер, и Горбовский, и Британишский, а впоследствии могли и сожалеть о своих незрелых публикациях с позиций уже состоявшихся поэтов. Но Городницкому сохранила его свободу — гитара, а независимым его сделала основная профессия. Кушнер соблюдал чистоту и потому выжил, предельно сузив тематику и дисциплинировав стих. А появлению Горбовского предшествовал миф о нём как о новом Есенине. Лучшие стихи лежали под спудом, но и в не самых лучших он умел сохранить свой особый почерк, что облегчило его продвижение, а заодно и работу редакторов.

Эталоном литературного поведения, платино-иридиевым образцом мне казался Владимир Британишский. И он по таинственному закону взаимности увидел во мне «единственного эллина в нашем

поколении», подарив с такой надписью свои «Поиски». В моих переездах эта драгоценная книга, увы, не сохранилась. Сам же он с его иконописной внешностью походил на галилеянина. Темы труда, трудной судьбы, социальной справедливости были главными в его поэзии. С одной стороны, такая тематика не противоречила советским канонам, но с другой стороны... Каково было написать в 1956 году, когда официально признавались лишь «отклонения от ленинских норм», стихи «Смерть поэта» (о Маяковском):

*Когда страна вступала в свой позор,
как люди входят в воду, — постепенно
(по щиколотку, по колено,
по этим пор...
по пояс, до груди, до самых глаз...),
ты вместе с нами шел,
но ты был выше нас.*

Обманутый

*своим высоким ростом
(или — своим высоким благородством?).
ты лужицей считал
гнилое море лжи...
...Твой выстрел —
словно звук захлопнутых дверей!
Хоть на пороге, но — остановиться,
не жить,
не мучаться проклятьем ясновидца!
Закрой глаза, поэт!
Захлопни их скорей!*

*Ты заслужил и жизнь и гибель сложную.
Собой ли, временем ли был обманут,
не сжился с ложью —
вымирай как мамонт!
Огромный, обреченный, честный мамонт.
Неоправимо честный.
Неуместный.*

Интересно, что и в любовных стихах он придерживался тех же жёстких звучаний, что и в гражданских... Вспоминаю такие строчки:

*Я годами шёл к любимой в гости.
Из сапог повылезали гвозди...*

Его пути и в жизни, и в литературе все вели «в гору, в гору», и никогда не были лёгкими катаньями под горку. А впрочем, умел играть он и на нежнейших регистрах, — быть может, наподобие моей ранней «Натальи»:

*Тебя,
от счастья золотую
и розовую изнутри,
в дверях открытых зацелую
за все потерянные дни.
Засуетишься, заторопишься:
любимый, но ведь все же — гость!
Как осветившаяся рощица,
вдруг станешь праздничной насквозь.*

Я был ещё студентом, а Брит, как его сокращённо звали, уже заканчивал Горный институт. Глеб Семёнов предложил мне выступить у них в литобъединении. Устным рецензентом он назначил Британишского. Я тогда читал с вызовом стихотворение «Мы»:

*Раз навсегда плюнувши
в мир стёганных одеял,
шатались мы, мудрые юноши
в нелепости бытия...*

Брит очень тепло отозвался об этих «мудрых юношах» в своём слове. Он воспринимал их как свежий голос поколения. Особенно отметил строки:

*... Не рвётся, мелькает кадрами
проклятое status quo.*

Все, конечно, понимали, что под этим подразумевается — советская власть! Для Брита, да и для всех, кто её так рано проклял, она слишком долго затянулась, и многие таланты успели перегореть, либо эмигрировать, либо уйти в переводы и самоограничения, сродни аскетизму. А для него, державшего высоко принципы честности и народной пользы, это выразилось ещё и в долголетнем служении

инженером-геофизиком в экспедициях по северному Уралу и Сибири. Я убеждён, что и в инженерии он служил не менее ревностно, чем в поэзии, а уж поэтом он был классным! Скупой на похвалы Борис Слуцкий назвал его “одним из лучших поэтов 60-х годов”. Он и был лучшим поэтом в те ранние годы и оставался бы таковым, да не зажгла его стихи дикая шутиха политического скандала, не подключился мотор стихийной раскрутки и молва не заголосила, а газеты, как это бывало у других, даже не заклеветали о нём. Не покидая поэзии, Британишский ушёл в переводы — сначала с английского, а затем, помня о происхождении матери, с польского, — и в том, и в другом достигнув убедительных успехов, как и во всём, за что он брался. Но поэзия стала лишь ветвью его творческого древа, а была центральным стволом. Он переехал в Москву, женился на поэтессе Наталье Астафьевой, тоже польских корней, и они настолько соединили свои творческие судьбы, что даже выпустили совместную книгу стихов “Двуглас”.

Сын художника, он был слишком умён и сдержан. Вкус, смирение и здравый смысл разминули его со славой. Но слава — это для слабых, для падких на неё. Для нас же — тех, ранних, тогдашних — тексты были всего важней. Вот он и восклицал потом, вспоминая:

*Ранний Рейн, ранний Бобышев! Рань
ленинградская! Ранний Голявкин!..
Не вернуть тот потерянный рай
в Ленинграде моём ненаглядном!*

То, что пришло взамен — всё имитация, фальшь, новодел... Так он уже, может быть, по-старчески брюзжал на подделку «Теперь-бурга» под «Тогда-бург»:

*Вот «серебряный век», но поддельный. Подделка под бронзу.
Вот подделка под Бродского. Под бобышевскую розу...
Вот подделка под Кушнера... Пушкина... Батюшкова...
Мандельштама...
О, «серебряный век», но мошеннического металла!*

За это неприятие новый посеребрённый век мстит ему забвением. Или хуже того — вспоминает лишь в связи с тем же прославленным Бродским. Вот что, например, пишет Лев Лосев о своём друге и

покровителе в биографической книге, с первой же страницы провозглашая того гением:

“Годы спустя Бродский говорил, что стихи Британишского были первым импульсом, побудившим его в юности взяться за перо: «Стихи назывались „Поиски“. Это такая игра слов: геологические поиски и просто поиски – смысла жизни и всего остального... И мне показалось, что на эту же самую тему можно написать лучшие». Стихотворения 1957 года, открывающие Марамзинское собрание, – «Прощай...», «Работа», «Гост», – вполне подтверждают уроки «горняцкой» поэтики, хотя и уступают образцам в поэтическом мастерстве:

*Ломись через все завалы.
Таскайся по всем болотам.
Карабкайся на перевалы.
Иди. Такова работа.”*

Тут я согласен с Лосевым: это — явные подражания, и, конечно, они тогда уступали образцам, — а образцами были обкатанные, обтёртые редакторской пемзой и прежде, чем быть изданными, прошедшие Горлит и партийную цензуру, но оставшиеся честными и чистыми тексты Британишского.

Оба они были в самом начале своих столь разошедшихся путей, — возможно, отстоя лишь двумя-тремя шагами один от другого.

Девушки, цветы, честолюбивые потуги, фантазии и первые осуществления... И я тогда же и где-то поблизости проходил с букетиком трёхлепестковых подснежников, напрасно спеша на так и не состоявшееся свидание. Те невручѐнные цветы кладу их памяти.

НЕСКОЛЬКО ПЕРВЫХ ЦВЕТОВ

*Тогда, в начале дня, в начале месяца,
я нѐс к тебе весеннее созвездье.*

*Должно быть,
и нелепо и потешно
я шѐл, как с чистой склянкою аптечной.*

*Ты мыла волосы. Ты не хотела выйти.
как будто с возрастом,
как будто можно вырасти.*

*Должно быть,
так потешно, так застенчиво
я нёс его в ладнях, словно птенчика,*

*весеннее прохладное созвездье.
Оно ночами из-под снега светится.*

*Нечаянно приснится мне. Нечаянно.
Как ты.
Ах, это всё было в начале.*

Таврическая улица, май 1958

сент. 2017
Шампейн, Иллинойс

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА

Поэт, эссеист, художник, историк литературы, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме. Родилась и жила в Одессе, работала в Литературном музее и в университетской газете. Член редколлегии одесского альманаха иудаики «Мория». Автор одиннадцати книг (стихи, эссе, статьи, графика, детская книжка) и многих журнальных публикаций, вышедших в России, Украине, Израиле, США, Германии, Италии, Австралии. Участник международных художественных выставок. В Израиле с 1992 г., живёт в Иерусалиме.

© Белла Верникова, 2023

Пришедший из забвения

Эссе

Во второй половине 1980-х годов в литературный обиход стали возвращать имена изъятых ранее писателей Серебряного века, и в библиографический словарь «Русские писатели» 1990 г. была включена статья Б.С. Бугрова о Семене Соломоновиче Юшкевиче, где сказано: «Значения Октябрьской социалистической революции Ю. не понял и в 1920 г. эмигрировал во Францию». Отвечая на советское клише «значения революции не понял и эмигрировал», в публикации в журнале «СловоWord» (№ 77, 2013) «Пили все необычайно, ели как один. К переизданию романа Семена Юшкевича “Леон Дрей”», я заметила, что как раз очень хорошо понял. О чем свидетельствуют «мемуары Ивана Бунина и Веры Муромцевой, рассказывающей, что после установления в Одессе советской власти Юшкевич агитировал Бунина участвовать в агитпросвете, т.к. просвещать людей полезно при любой власти, но к 20-му году, наблюдая происходившее, в том числе еврейские погромы при белых и красных, и не в состоянии прокормить семью, эмигрировал с семьей в Румынию, откуда затем переехал в Париж. В 1921 г. он уехал в

США, сотрудничал там с еврейской прессой, издавал свои книги, переведенные на идиш. В еврейских театрах Нью-Йорка ставились пьесы С. Юшкевича в переводе на идиш: “Miserere”, “Человек воздуха” (обе – 1925), “Мендель Спивак” (1926) и др. По возвращении в Европу в 1922 г. писатель жил сначала в Германии, после 1924 г. в Париже, где умер в 1927 г.».

Как сказано в одном из моих эссе, в силу запрета на еврейскую тематику, возникшего в СССР в 1930-е годы, когда почти все культурное наследие русских евреев считалось «буржуазно-националистическим», табуированность еврейской темы привела к тому, что слово «еврей» стало в прямом смысле непечатным в последние советские десятилетия. В моей статье в журнале «СловоWord» отмечено, что забвение писателя Семена Юшкевича связано с тем, что он был эмигрантом с табуированной в советскую эпоху тематикой – еврей, эротика, а также с его стилистикой: тенденциями натурализма и символизма, исключавшими «спокойную бесстрастность» даже в бытописательских сюжетах. Указанные стилистические особенности прозы Семена Соломоновича Юшкевича считались с позиций соцреализма маргинальными в сравнении с реалистической манерой письма, снижающими литературный уровень.

О значении и популярности в дореволюционной России и в русской литературной эмиграции прозаика и драматурга Семена Юшкевича имеется ряд свидетельств, приведенных мною в книге «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью», перечислю их в произвольном порядке: «...в петербургских сборниках товарищества “Знание” в 1903-1905 гг. вместе с Семеном Юшкевичем печатались лучшие русские писатели – А. Чехов (“Вишневый сад”), И. Бунин (“Чернозем”, “Памяти Чехова”, стихи), М. Горький (“Дачники”), А. Куприн (“Поединок”), причем повесть Юшкевича “Еврей” (где за несчастьями еврейской жизни следует кровавое безумие погрома) в кн. 2 (СПб., 1904) и “Поединок” Куприна в кн. 6 (СПб., 1905) посвящены А.М. Горькому. Еще одно свидетельство того, что более поздняя репутация писателя не соответствует его значению в культурной жизни дореволюционной России» (стр. 250).

«В некрологе, опубликованном в парижской газете видным писателем русской эмиграции Борисом Константиновичем Зайцевым, также забытым в советское время, подчеркнута органичность таланта Семена Соломоновича Юшкевича, обусловленная его одесским бэкграундом ... “Одессой, с ее живым, нервным, говорливым и бурливым народом”, и

замечательно передано ощущение литературного быта эпохи. ...
“Юшкевич был органический писатель, в этом его главная сила, он достигает наибольшего тогда, когда живописует художнически – любимых им людей Одессы, когда дает неподражаемый их язык, трепет и нервность, и неправильность этого языка, и их облики, сплошь живые”» (стр. 203).

«В сообщении Татьяны Щуровой об одесской газете “Театральные отголоски” (1910, ред. Бер Шрайбер), в двух номерах которой дан подробный разбор пьесы С. Юшкевича “Комедия брака”, приведен отзыв рецензента: “Пьеса вызвала страстные споры, делала полные сборы, то есть была «той типичной новинкой, которая заставляет о себе говорить всех и каждого”» (стр. 178).

«Преемственность одесской литературной традиции первых трех десятилетий 20 в. – от Юшкевича к Бабелю – отметил критик Абрам Лежнев в некрологе Семена Юшкевича в газете “Правда” 1927 г. Годом позже эта литературная эпитафия была перепечатана в изданном в Москве тремя томиками романе Юшкевича “Леон Дрей”, образце последней продукции частного книгоиздательства в СССР в преддверии монопольной эры Госиздата.

Абрам Лежнев: “Умер в Париже Семен Юшкевич. Нынешнему читателю, особенно из молодежи, это имя скажет не очень много. Юшкевич жил в последние годы за пределами СССР как эмигрант, и оказался вычеркнутым, выброшенным из литературной жизни Советской страны. ... А между тем, в дореволюционное время, Юшкевич был одним из видных писателей, каждое произведение которого находило широкий отклик, возбуждало много внимания и споров. Юшкевич был изобразителем еврейской городской бедноты, мещанства, одесской улицы. Он ввел в литературу, задолго до Бабеля, своеобразный жаргон Одессы (критика упрекала его в порче русского языка). В его творчестве редко слышались яркие революционные ноты, но явственно пробивалась сатирическая струя”» (стр. 134).

«Некролог Семена Юшкевича за подписью редактора “Последних новостей” Павла Милокова, еще одно подтверждение известности и популярности писателя, в советскую эпоху выброшенного из литературы и забытого на долгие десятилетия: “Семен Юшкевич – настолько известен как беллетрист, создатель особого, вполне индивидуального стиля повестей из еврейского быта, неумолимый и бесстрашный реалист ... что эти немногие строки не могут ничего прибавить к его характеристике. Пусть они свидетельствуют только о нашей общей

любви к этой открытой душе человека прежде всего, а потом уже писателя. “П.Н.” /“Последние новости”, парижская газета русской эмиграции. – Б.В./ гордятся тем, что имели Юшкевича своим сотрудником и хранят о нем верную память. П. Милуков”» (стр. 237-238).

«Помнили о Семене Юшкевиче и жившие в Москве писатели-одесситы, о чем пишет мемуарист /Михаил Ардов/: “В двадцатых годах близким приятелем Катаева был Лев Никулин, но потом они поссорились и, хотя оба жили в Лаврушинском переулке, не только не общались, но даже и не здоровались друг с другом. Я бы об этом не стал упоминать, кабы моя память не сохранила забавного двустушия, которое сочинил Лев Вениаминович. Это была эпитафия Катаеву:

Здесь лежит на Новодевичьем
Помесь Бунина с Юшкевичем”.

О приведенной псевдоэпитафии Л.Никулина см. также: Петрова Наталия (д-р филологич. наук, Пермский гос. университет). “Отче наш” – от погрома до холокоста (С. Юшкевич и В. Катаев) // IV Международная научная конференция “Одесса и еврейская цивилизация. Од., 2006”» (стр. 177-178).

«О Семене Юшкевиче как литературном наставнике вспоминает С.И.Липкин, см. в статье Алены Яворской “Встречи с Семеном Липкиным” в 5-м номере “Мории”» (стр. 179).

«В воспоминаниях Вадима Паустовского о времени знакомства его отца с Исааком Бабелем в Одессе Семен Юшкевич также присутствует. Бабель и Паустовский летом 1921 г. жили с семьями на даче на Большом Фонтане, где разработали устав клуба одесских литераторов, казначеем и почетным председателем “которого почему-то выдвигался Семен Юшкевич, уже успевший эмигрировать”, а девиз предлагался такой: “Литераторы, назад к литературе!”» (стр. 176).

Дореволюционную популярность писателя подтверждает экранизация его повести «Леон Дрей», вышедшей в 1911 г. отдельным изданием в Москве. Немой фильм по прозе Семена Юшкевича был поставлен режиссером Евгением Бауэром в 1915 г. под названием «Леон Дрей. Покоритель женских сердец» (Le conquérant du coeur des femmes. Черно-белый, немой, игровой. 60 мин. Кинокомпания А. Ханжонков и К. В главных ролях: Николай Радин, Эмма Бауэр, Борис Борисов, Наталья Лисенко. Оператор Константин Бауэр. Фильм сохранился без надписей).

В рецензии в киножурнале 1915 г. критик фиксирует литературный статус Семена Юшкевича как «талантливого бытописателя еврейской жизни», характеризует моду тех лет – увлечение проблемой пола, а в качестве достоинств фильма, как тогда говорили, отмечает юмор картины и то, что режиссеру удалось избежать грубого реализма: «Талантливый бытописатель еврейской жизни Семен Юшкевич склонен к увлечениям литературной модой. ... “Леон Дрей” тоже носит на себе отпечаток увлечения проблемами пола. ... Однако ставивший “Леона Дрея” Е.Ф. Бауэр с редким тактом, с безупречным чувством меры разрешил трудную задачу. Дав яркие, талантливо скомбинированные картины, он избежал всех тех резкостей и того грубоватого реализма, который способен оскорблять зрителя. Как яркая иллюстрация сравнительно нового социального явления и превосходное, полное юмора воспроизведение картин еврейского быта, кино-пьеса “Леон Дрей” представляет крупный интерес» (ВК. 1915. № 111/95).

Владислав Ходасевич, один из авторов сборника памяти Семена Юшкевича «Посмертные произведения» (Париж, 1927), указывая на хлестаковство Леона Дрея, обращает внимание на его общечеловеческую природу:

«Ничтожество, дрянь, пустышка, выскочка, Бог весть откуда пришедший пошляк, развязный и наглый враль ... из совершенно другой эпохи, среды, но все же является нам несомненный первообраз Леона, российский предок этого еврейского героя, впрочем – как и он сам, глубоко “интернациональный” в своей всечеловеческой или даже нечеловеческой сущности – Иван Алексеевич Хлестаков. ... причем в яркости и законченности формулировок ему порой удастся Ивана Алексеевича решительно перещеголять... Подобно Хлестакову, Леон враль по природе, по внезапно осеняющему его вдохновению».

Среди читателей предреволюционного десятилетия был в ходу язык прозы Семена Юшкевича, о чем вспоминает Надежда Тэффи в книге о поездке в 1918 г. в Киев, Одессу, Новороссийск и затем в эмиграцию, рассказывая об утвержденном А.И.Деникиным одесским губернаторе Гришине-Алмазове, который «говорил фразами одного персонажа из “Леона Дрея” Юшкевича: “Сегодня очень холодно. Подчеркиваю: очень”. “Удобно ли Вам в этой комнате? Подчеркиваю: Вам”. “Есть у вас книги для чтения? Подчеркиваю: для”».

Актер Николай Радин, исполнитель роли Леона Дрея в фильме Е. Бауэра, был известен по более ранним театральным постановкам пьес Семена Юшкевича в театре Корша. Как сообщается на одном из театральных

сайтов, «режиссер Синельников привлек в Театр Корша Николая Мариусовича Радина, ставшего одним из самых блестящих мастеров московской сцены.

Радин соединил в своем творчестве глубокий и тонкий психологизм с виртуозной техникой. Его игра отличалась исключительной грацией, блеском диалога, неповторимым обаянием. ... Синельников упорно боролся не только за качество спектаклей, но – главное – за серьезное направление репертуара. Гвоздем сезона 1906 – 1907 годов стала пьеса Е. Чирикова “Еврей”, в которой обличалась погромная, черносотенная политика царского правительства. В этот же сезон не сходили со сцены “Дети Ванюшина”, шли “В городе” С. Юшкевича, “Бог мести” Шолома Аша. ... По поводу ряда современных пьес – Л. Андреева, С. Юшкевича, Ф. Сологуба, М. Арцыбашева, шедших на сценах частных театров, в театральной прессе тех лет велись жесточайшие споры, отражавшие сложные процессы, которые происходили в ту пору в определенных слоях русского общества».

Еще несколько отзывов о постановках пьес Семена Юшкевича в дореволюционных театрах России (выборка сделана с ряда театральных сайтов):

«Театр в “Пассаже”. Лучшими из поставленных пьес были “Дети Ванюшина” С.А. Найденова, “Еврей” Е. Чирикова и “Голод” С. Юшкевича. Последние две были сыграны летом 1907 года в Териоках. ... “Голод” же вообще ставился впервые, так как репетировавшаяся в 1905 году в Театре В.Ф. Комиссаржевской драма Юшкевича была запрещена цензурой.

...В сезон 1905/06 года ... Комиссаржевская предполагала поставить “Мужиков” Е.Н. Чирикова, “Голод” С.С. Юшкевича, “Ткачей” Г. Гауптмана, “Дурных пастырей” О. Мирбо, “Заговор в Генуе” Ф. Шиллера. Все эти пьесы были запрещены цензурой. Вот выдержки из цензорских рапортов: ... “Пьеса производит потрясающее впечатление, картины голода и страданий нарисованы мастерской рукой, без грубых внешних эффектов и тем еще усугубляют сцену протеста против существующего строя, которым движет вся эта драма”, – сообщалось о “Голоде”».

...”Miserere” С. Юшкевича в Московском Художественном Театре. На сцене возникал безрадостный, отчаянный, искривленный быт, где линии жизни и смерти тесно сплетались, где любовная сцена происходила на кладбище, а во время свадьбы стилизованно-застывшие старики-евреи равнодушно взирали на праздничный обряд, чреватый близкой гибелью.

... Цензура вновь усилила свои гонения: признаются “неудобными к представлению” пьесы “К звездам” и “Савва” Л. Андреева, “Король” С. Юшкевича.

...Малый театр ... перед Южиным встают те же самые (цензурные) трудности, которые в свое время не позволили Ленскому осуществить замыслы постановок пьес Юшкевича и Чирикова.

... В провинциальных театрах шли пьесы Шекспира, Шиллера, Островского, Л. Толстого, Чехова, Горького, инсценировки романов Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, произведения Сумбатова-Южина, Потапенко, Гнедича, Шпажинского, Немировича-Данченко, Чирикова, Юшкевича, Найденова, Рышкова, Арцыбашева, Сарду, Зудермана, Ибсена, Стриндберга и многих других авторов.

...В 1908 году возник Петербургский театр М.Т. Строева. Его труппа состояла из молодых актеров, уже в течение пяти лет вместе выступавших в провинции. Театр открылся 1 октября “Королем” Юшкевича. Спектакль имел шумный успех».

Сегодня на интернет-портале Lib.Ru/Классика помещены произведения Семена Юшкевича, среди них и драма «Король».

Забывтый (и крайне несправедливо, как писал Шимон Маркиш) писатель и драматург Семен Юшкевич возвращается из забвения к современным читателям.

Журналу «Эмигрантская лира» – 10 лет. Об истории и ипостасях поэтического холдинга

Интервью главного редактора журнала «Эмигрантская лира» Александра Мельника члену редколлегии альманаха «Витражи» и вице-президенту ЛИТО «Лукоморье» Юрию Вайсману.

Юрий Вайсман. Как родилась идея «Эмигрантской лиры»?

Александр Мельник. Всё началось с острого чувства одиночества. В Бельгию я попал в начале 2000 года по студенческой визе. Учёба на третьем цикле университета Лувен-ла-Нев, докторантура, защита диссертации по космическим методам исследования Земли в льежском университете... Всё это происходило во франкоязычной среде. Общение на русском языке, особенно связанное с поэзией, проходило в основном в интернете. Живых контактов не хватало. Не скажу, что в Бельгии мало русских, но мне как-то не удавалось найти единомышленников. В 2004 году на одном из интернет-сайтов я сделал три полушутливых поэтических обзора по темам, которые позже предопределят моё будущее: эмигрантские стихи о родных географических и культурно-языковых корнях, о странах нынешнего проживания, об эмиграции и ностальгии. Результат оказался ошеломляющим. День за днём, год за годом, безо всякого моего участия, на эти мои обзоры заходили читатели! Вряд ли дело было в моей скромной персоне... Я недоумевал, но загадка объяснилась, когда я узнал, что многие читатели попадали на мои обзоры через поисковые программы, задавая в них ключевые слова типа «эмигрантская поэзия», «стихи об эмиграции», «стихи о ностальгии» и т.д. Я понял, что «эмигрантские» (в географическом понимании, а вовсе не в политическом) стихи востребованы, их ищут и хотят читать. Так первые смутные мысли о будущем поэтическом фестивале, появившиеся ещё в 2001 году, начали приобретать более ясные очертания. В феврале 2008 года в Брюсселе, в Русско-бельгийском культурном клубе, прошёл мой поэтический вечер «Парусник, сбившийся с курса». А к концу того же года идея проведения Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» для поэтов русской диаспоры и поэтической «метрополии» уже окончательно созрела. Первый такой фестиваль с успехом прошёл в сентябре 2009 года в Брюсселе. Об его высоком уровне красноречиво говорит состав жюри –

Александр Кабанов, Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков, Даниил Чкония и Олеся Николаева.

Юрий Вайсман. Детство, отрочество и юность «Эмигрантской лиры»... Каковы основные этапы жизненного пути вашего детища?

Александр Мельник. В первые годы мы проводили только поэтический фестиваль. Сначала в Брюсселе, а потом сразу в трёх городах – Брюсселе, Льеже и Париже. На этот момент прошло 13 таких фестивалей. Со временем появились и выездные поэтические вечера/фестивали в разных странах мира. В благодарность за то, что поэты приезжают ко мне, я решил в свою очередь ездить к ним. География таких мероприятий весьма внушительна – Франция (в Париже проводится заключительный поэтический вечер каждого нашего фестиваля), Германия (Кёльн), США (Нью-Йорк), Израиль (Иерусалим), Нидерланды (Амстердам), Молдавия (Кишинёв), Великобритания (Лондон), Россия (Москва, Ставрополь и Санкт-Петербург), Китай (Пекин и Харбин), Финляндия (Хельсинки), Австралия (Мельбурн и Сидней), Индия (Нью-Дели и Мумбаи), Португалия (Лиссабон), Австрия (Вена) и Бразилия (Рио-де-Жанейро). Третьим по счёту проектом стал международный интернет-конкурс «Эмигрантская лира», впервые проведённый с ноября 2012 по февраль 2013 года. Наконец, с 2012 года проводятся «Осенние встречи «Эмигрантской лиры» в Брюсселе». Участниками их в разные годы были Евгений Рейн (2012), Юрий Кублановский (2013), Бахыт Кенжеев (2014), Екатерина Горбовская (2016), Андрей Грицман (2017), Александр Радашкевич и Галина Погожева (2018), Даниил Чкония и Михаэль Шерб (2019), все члены жюри одного зум-фестиваля коронавирусного 2020 года – Вальдемар Вебер, Андрей Грицман, Яна-Мария Курмангалина, Дмитрий Легеза, Александр Мельник, Александр Радашкевич, Даниил Чкония (2020) и Дмитрий Веденяпин (2021). В 2015 году «Осенние встречи...» не состоялись. На 28 и 29 ноября 2015 г. были намечены встречи с Александром Кабановым, но из-за повышения уровня террористической опасности в Брюсселе они были перенесены на апрель 2016 года. После терактов 23 марта 2016 г. встречи с А. Кабановым были окончательно отменены, однако 29 ноября 2015 года в Льеже прошли поэтические чтения на тему «Лира за гармонию мира» (поэты против терроризма), в которых приняли участие 10 бельгийских поэтов.

Думаю, что стадии детства-отрочества-юности мы давно переросли и сейчас находимся в состоянии умудрённой опытом зрелости.

Юрий Вайсман. Вы основатель, главный редактор и издатель журнала «Эмигрантская лира», которому в марте 2023 года исполнилось 10 лет. Чем ваш журнал отличается от других литературных изданий?

Александр Мельник. Журнал «Эмигрантская лира» венчает наш поэтический мега-проект. «Эмлировское» движение давно переросло формат поэтического фестиваля и в организационном плане стало своего рода поэтическим холдингом, занимающимся проведением всего того, что я перечислил выше. Этот мега-проект включает в сферу своих интересов всю современную русскую поэзию (а не только зарубежную) и оказывает посильное влияние на развитие текущего поэтического процесса. Посильное, потому что до сих пор всё держится на голом энтузиазме кучки единомышленников. Идея издавать собственный журнал появилась у меня в конце 2012 года, а 29 марта 2013 года вышел в свет его первый номер. Одновременно и на сайте, и в бумажном формате. Это толстый журнал современной поэзии русского зарубежья. Но он не замыкается на поэзии зарубежья, мы открыты и для российских поэтов. Главный критерий для публикации в журнале – не местожительство, а поэтический уровень. Замечу, что наш журнал не только литературный (кроме поэзии, мы публикуем малую прозу), но и публицистический, освещающий разные грани современной поэтической жизни. Основные его рубрики – поэзия диаспоры (редактор Юлия Шокол), поэзия метрополии (Дмитрий Легеза), поэтические переводы (Илья Липес), малая проза (Ольга Аникина), поэтическая критика (Александр Карпенко), творческий портрет (Геннадий Кацов), география поэзии русского зарубежья (Александр Мельник), поэтическая эссеистика (Дмитрий Бобышев), интервью (Дмитрий Бурого), поэтическая жизнь русского зарубежья (Анастасия Винокурова), история культуры русского зарубежья (Яна-Мария Курмангалина), обзоры литературных журналов (Юлия Шокол) и отклики читателей (Ольга Кравцова). Каждый номер посвящён русскоязычной поэзии в какой-либо стране. Всего на этот момент вышло 40 журнальных номеров. Все они доступны как на сайте журнала (<https://emlira.com/>), так и в бумажном варианте. Любой номер можно заказать с доставкой по почте в самый отдалённый уголок земного шара.

Юрий Вайсман. Фестиваль, журнал, интернет-конкурс... А кто ваш любимый ребенок?

Александр Мельник. Каждая ипостась «Эмигрантской лиры» мне дорога по-своему. Фестиваль – это очень крупное многодневное мероприятие, которое зиждется на живом общении с десятками творческих людей. Близки к нему в коммуникативном плане и поэтические вечера в разных странах – только там на общение дополнительно накладываются яркие впечатления от посещения новых мест. В интернет-конкурсе привлекает спортивная состязательность под пристальным надзором беспристрастного авторитетного жюри. Журнал – это материализованный проект. Его можно взять с полки, перечитать понравившееся, или зайти на сайт и там ненадолго зависнуть. Никакой эмлировской ипостаси я не отдаю явного предпочтения, ибо все вместе мы составляем единую поэтическую семью.

Юрий Вайсман. Мы впервые встретились с вами на фестивале «Эмигрантская лира» в августе 2012 года. Было очень здорово! Что и как изменилось в программе фестиваля с тех пор?

Александр Мельник. В 2012 году проходил наш четвёртый по счёту фестиваль. В конкурсе «Эмигрантский вектор» тогда первое место заняла Татьяна Перцева из Финляндии, а в конкурсе «Неоставленная страна» победил Александр Хинт из Украины, номинированный в финал Борисом Херсонским. Тот фестиваль запомнился ещё и тем, что в парижском поэтическом вечере принимали участие Наталья Горбаневская и Вероника Долина. С тех пор из программы по разным причинам исчезли конкурсы поэтов-переводчиков («Свеча толмача») и критиков-эссеистов. Если в первые годы всё крутилось вокруг поэтических конкурсов, то позже мы стали уделять большее внимание чтением стихов – и в Брюсселе, и в Льеже, и в Париже. Появился также вечер разноязычной поэзии «Созвездие Лиры», привлёкший в наши ряды интересных поэтов самых разных национальностей. Кстати, фестиваль 2012 года был последним «дожурнальным». Напомню, что первый номер журнала «Эмигрантская лира» вышел в марте 2013 года.

Юрий Вайсман. Что больше всего запомнилось из вашего визита в Австралию в марте 2019 года?

Александр Мельник. В марте 2019 года мы провели большой выездной фестиваль «“Эмигрантская лира“ в Австралии». 16 марта в Мельбурне прошёл большой поэтический вечер. После моего рассказа о проекте «Эмигрантская лира» и моего же небольшого поэтического выступления свои стихи читали живущие в Австралии поэты – Залман Шмейлин (президент мельбурнского литературно-творческого объединения «Лукоморье» и координатор мельбурнской части фестиваля), Берта Михайлич, Григорий Амбург, Фаина Зильп, Инга Даугавиете, Геннадий Казакевич, Люся Куликовская, Александр Грозубинский, Юрий Вайсман, Михаил Яровой, Евгений Иванов, Валентина Человская, Валерий Сикорский, Маша Пасека, а также Григорий Оклендский (Новая Зеландия). Свои песни под гитару исполняли Григорий Амбург и Михаил Яровой. 17 марта в том же помещении состоялась презентация журнала «Эмигрантская лира». Затем прошло очень оживлённое обсуждение вопроса «Русская поэзия в Мельбурне: сложности и возможности», после чего собравшиеся по кругу читали свои стихи. 22 марта в Сиднее, на «Русском радио Австралии», в рубрике «Литературные встречи» прошла запись моей беседы с поэтессой Натальей Крофтс, а 23 марта состоялась сиднейская часть фестивальной программы. После презентации журнала «Эмигрантская лира» и моего выступления о русской поэзии за пределами России прошёл большой музыкально-поэтический вечер. Эмилия Розинава рассказала о жизни и творчестве харбинской поэтессы Норы Крук, с 1976 года жившей в Австралии. Флорида Шевелёва выступила с сообщением о творчестве поэтессы из Сиднея Марины Эпштейн. Бен Блиер рассказал о поэте Алексее Дмитриеве. Свои стихи читали Александр Мельник, Лариса Патракова, Надежда Велиева, Владимир Дубоссарский, Милада Кондратьева, редактор журнала «Австралийская лампада» Людмила Ларкина, редактор и издатель альманаха «Австралийская мозаика» Татьяна Торлина, Галина Лазарева, Ирина Позовская, Владимир Шведов, координатор сиднейской части фестиваля Анастасия Сойфер и Алла Матвеева. Свои песни под гитару пели Милада Кондратьева, Галина Лазарева и Алла Матвеева.

До сих пор я благодарен обоим координаторам этого фестиваля – Залману Шмейлину и Анастасии Сойфер, за тёплый приём и за бесценную помощь в организации этих поэтических вечеров. Что больше всего запомнилось из австралийской поездки? Опустиу описания всевозможных достопримечательностей – о них можно было

бы говорить очень долго. Одно из самых ярких впечатлений связано с потерей моего багажа. Я летел в Австралию из Брюсселя через Китай, и мой большой чемодан с личными вещами, журналами, одеждой и т.д. застрял в пекинском аэропорту. Началась бесконечная переписка с китайской авиакомпанией, длившаяся целую неделю. Чемодан доставили в Мельбурн на следующий день после того, как я оттуда перелетел в Сидней. Потом его переправили в Сидней, и я получил его накануне моего возвращения в Бельгию.

Никогда не забуду поездку в природный парк в окрестностях Мельбурна, организованную вами, дорогой Юра, и вашей женой Ингой Даугавиете (кстати, автором обстоятельной статьи о русской поэзии в Австралии, опубликованной в 22-м номере нашего журнала: <https://emlira.com/2-22-2018/inga-daugaviete/na-okraine-mira>). Очень трогательным было кормление с ладони сначала маленьких, а потом и огромных кенгуру. А бегущие ко мне со всех сторон высоченные страусы мне долго потом снились.

Запомнились очень длинные перелёты. В общей сложности дорога от льежского порога до пункта назначения в Мельбурне отняла около 40 часов. Обратный путь из Сиднея в Брюссель через Арабские Эмираты был чуть покороче (около 32-33 часов, включая дорогу до и от аэропорта).

Так получилось, что за последние три месяца того 2019 года мне довелось побывать в четырёх частях света – в Европе (где я живу плюс поездка на фестиваль в Оренбург), Азии (Пекин и город Хайкоу на южно-китайском острове Хайнань), Австралии (Мельбурн и Сидней) и Африке (марокканский Марракеш).

Австралия, страна кенгуру, страусов, бумерангов и замечательных русских «аборигенов» навсегда осталась и в моей памяти, и в моём сердце. Не случайно действие моей повести «1985, или Полевой сезон» начинается и заканчивается в Сиднее.

Юрий Вайсман. Одна из озвученных целей поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2022/2023» – поэтическое осмысление категорий добра и зла. Можете ли вы это прокомментировать?

Александр Мельник. После вторжения российских войск в Украину в феврале 2022 года не только всё российское общество, но и русскоязычные поэты, живущие за рубежом, оказались расколоты. Социологическим опросам, проводимым в условиях военных действий, я

не верю, но и без них ясно, что мы имеем два лагеря, точное процентное соотношение которых никому не известно. При этом поражает слепая вера многих людей, в том числе и поэтов, в непогрешимость официальной трактовки событий. К сожалению, очень многие люди не хотят думать головой и верят на слово телевизору. В этих условиях очень важно задуматься о том, что на самом деле является добром, а что – злом? Только так оруэлловские лозунги «Война – это мир» перестанут «цементировать массы», а оценка происходящего станет более объективной. Поэтому в этом году названием поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» и стала строчка из стихотворения Афанасия Фета «Добро и зло» – «Не бойся горького сравнения и различай добро и зло...». Более чем уверен, что в наше волчье время роль этической составляющей поэтических проектов и самой поэзии неизмеримо возросла.

Юрий Вайсман. Ещё одна из озвученных целей этого интернет-конкурса – консолидация поэтов России и русскоязычных поэтов, живущих в других странах мира. Как вы планируете это осуществить в наше непростое время, названное вами «волчьим»?

Александр Мельник. Да, это так. Начиная с самого первого нашего фестиваля, одной из главных его целей (не считая, конечно, творческих) была консолидация – и поэтов русской диаспоры с поэтами метрополии, и поэтов русского зарубежья между собой. На протяжении многих лет у нас это неплохо получалось. Мы ежегодно встречались и, несмотря на все наши различия, находили общий язык, читали друг другу стихи, а потом становились друзьями или просто хорошими знакомыми. Теперь всё изменилось. Консолидация на основе общего русского языка невозможна, если поэты диаметрально противоположно смотрят на события в Украине. Поэтому эта стратегическая цель осталась в качестве «голубой мечты», хотя мы и отдаём себе отчёт в том, что для её достижения требуется время, превышающее среднюю продолжительность человеческой жизни. В тактическом плане появились новые требования. Так, в поэтическом интернет-конкурсе «Эмигрантская лира-2022/2023» могли принимать участие лишь русскоязычные поэты, стоящие на демократических позициях и не приемлющие силовые методы решения межгосударственных проблем. Конечно, в душу каждого человека не заглянешь, но, по крайней мере, посылая стихи на конкурс, участники как бы подписывались под этим

условием. На самом деле наша супер-цель лежит вне сферы политики. Всё, что мы делаем в рамках «Эмигрантской лиры», направлено на то, чтобы сделать окружающий мир и нас самих немного лучше. Приблизить людей к Богу. Звучит пафосно, но это так. Я бы даже сказал, что вижу в этой сверхзадаче смысл своей собственной жизни.

Юрий Вайсман. *Понимаю, что сегодня очень сложно строить планы на будущее, но тем не менее – как вы видите будущее «Эмигрантской лиры» и русскоязычной поэзии в целом?*

Александр Мельник. С одной стороны, количество русскоязычных поэтов за пределами России после февраля 2022 года значительно выросло. Соответственно расширилась и наша творческая база. Это вселяет в меня осторожный оптимизм. С другой стороны, из-за санкций российским поэтам стало практически невозможно попасть на Запад. В эти дни я размышляю о программе следующего фестиваля «Эмигрантская лира», который, возможно, состоится в августе (окончательное решение ещё не принято). Ясно, что один из традиционных поэтических конкурсов – «Неоставленная страна» – из программы фестиваля придётся исключить. Его участники просто не смогут приехать в Бельгию. Большой упор будем делать на сотрудничество с иностранными поэтами – франко-, англоязычными и т.д. Будущее фестиваля во многом связано с интеграцией русской поэзии в мировую, в усилении наших взаимных контактов, в увеличении переводческой деятельности. Что касается журнала, то в нём пока ничего не изменилось – как и в самом первом номере, стихи публикуются в двух рубриках – «поэзия диаспоры» и «поэзия метрополии». Только не придирайтесь к этим названиям, они достаточно условны и относятся лишь к литературе. Что касается русскоязычной поэзии в целом, то ей, по-моему, ничего не грозит. Из насущных проблем назову три – отсутствие научно обоснованных и принятых поэтическим сообществом критериев «хорошей поэзии», беззубость поэтической критики (у нас повсеместно преобладает благожелательное рецензирование) и численное преобладание поэтов над читателями их стихов.

Юрий Вайсман. *Благодарю за беседу, дорогой Александр!*

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ **(1962-2022)**

Русский писатель; прозаик и литературный критик. Получил филологическое образование в Нижнетагильском Педагогическом Институте. Был учителем, монтером пути, рабочим чёрной и цветной металлургии. Позже работал журналистом в газетах Братска, также в разных качествах на местном телевидении. «Однако, – как писал Олег Августовский, – в силу свойств собственного характера он не смог там надолго задержаться, поскольку желание говорить то,

что думает и поступать так, как хочет, оказалась сильнее желания получать постоянную заработную плату». Долгое время жил в Братске (поэтому там его считают братским писателем), где последней специальностью его была — «сторож». В 2012 году вернулся в родной Нижний Тагил. С июля 2014 года ведёт постоянную критическую рубрику в «Литературной Газете».

Автор книг «Бахмутовские хроники», «День облачный», «Корабль уродов» и др. Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Бельские просторы» (Уфа), «Урал» (Екатеринбург), «Новый берег» (Дания), издательстве «Franc-Tireur» (США). Лауреат международной литературной премии «Silver Bullet» (США, 2009), премий журналов «Урал» и «Бельские просторы» в номинации «Литературная критика» (2012).

Дмитрий Быков назвал Кузьменкова одним из лучших прозаиков современной России:

ПОСЛЫ НЕИЗВЕСТНОЙ ДЕРЖАВЫ

Литературного экзорциста чаще всего спрашивают: кого из нынешних авторов стоит читать? Вот, отвечаю.

Странное дело, но четыре текста четырех прозаиков легко привести к одному знаменателю – строфе Галича: *«А живем мы в этом мире послами / Не имеющей названья державы...»*

Вот за это, видимо, их и люблю. Да, и вот еще что: порядок следования – чисто алфавитный, не иерархический.

СТРАННИК И ЧУЖАК

(Д. Бакин «Гонимые жизнью»; СПб., «Лимбус Пресс», 2022)

Сборник Дмитрия Бакина, напечатанный наперед в «Лимбусе», воспроизводит электронный однотомник, изданный шестью годами ранее в лейпцигском ISIA Media Verlag UG. Книга ну никак не

своевременная: думаю, число российских читателей Бакина и в лучшие-то годы не превышало статпогрешности. Наследие его невелико: полтора десятка рассказов, три главы неоконченного романа да наброски повести. Скажу больше – сам он к литераторам себя категорически не причислял: *«Какой я писатель? Писатель – тот, кого читают. Вот Пелевин – это писатель...»* Д.Б. и по сю пору безвестен. Его писательская судьба напоминает сентенцию александрийского гностика Василида:

«Странник я в этой земле и чужак среди вас...»

Параллель с гностицизмом здесь не случайна. Следы позднеантичной мистики у Бакина повсюду: и в архаических полисиндетонах (*«и сказал... и сказал»*) и в гностической символике, и в самом мироощущении. Резонно будет с него и начать.

Татьяна Касаткина однажды заметила: *«У Бакина впервые после долгого перерыва – вновь появляется вселенная... не как тупая и косная декорация, но как живая, активная, действующая (хоть и непонятная) сила».*

Да отчего же непонятная? Сказано: судите о древе по плоду его. Мир Бакина глубоко враждебен человеку. Он способен лишь отнимать: калечит, насилует, убивает, лишает самого дорогого – от денег до иллюзий. Картина станет полной, если добавить к сказанному краткую, но выразительную аттестацию эпохи из рассказа «Нельзя остаться»: *«Наступил век, в котором не будет большего греха, чем честность».* Здесь Д.Б. след в след идет за автором апокрифического Евангелия от Фомы: *«Иисус сказал: Тот, кто познал мир, нашел труп».*

Каковы бы ни были бакинские фабулы, любой его рассказ повествует, в сущности, об одном и том же: мучительной, чаще всего тщетной, попытке осознать себя и свою миссию. Бакин настойчиво, а иной раз навязчиво, педалирует инородность своих героев в земном мире – и их бесплодную вовлеченность в его суету. Зов горнего мира ощутим, но невнятен, потому протагонисты Бакина тщетно ищут себя в земном бытии: кто-то тратит себя на противостояние с ничтожным и корыстным братом, кто-то тешится пустой надеждой на погашение облигаций по займу 1962 года... Название одного из рассказов «Корень и цель» выглядит метафорой, ибо укорененность в этом мире диктует ложные ориентиры, препятствующие истинному целеполаганию.

«Вспомни, что ты – царский сын: узри, кому ты служишь в рабстве», – призывает гностический «Гимн Жемчужине». Тот же категорический императив можно найти в каждом тексте Бакина.

Все сказанное – личный опыт прочтения бакинской прозы, не более того. Но есть у меня индульгенция от Д.Б.: «*Думать надо так, как хочется думать*»...

ОПОЗДАВШИЙ

(С. Кузнечихин «Седьмая жена Есенина»; М., «Эксмо», 2017)

Красноярец Сергей Кузнечихин всюду безбожно запаздывал. Первая его прозаическая книжка вышла в 1990-м, когда автору было крепко за сорок, а проблематика рассказов, написанных в 70-е, уже уходила в небытие.

Необходимая оговорка: не все у С.К. принимаю: ранние его опусы – чаще всего подшукшинские, с избытком разных ненужностей, в которых тонет более чем добротная стилистика.

Но в 1994-м у Кузнечихина вместо привычного вывиха случился коренной перелом: в журнале «День и Ночь» вышла повесть «Санитарный вариант, или Седьмая жена Есенина». Она восходит к самиздатским миниатюрам Пятницкого и Доброхотовой: «*Гоголь переоделся Пушкиным...*» Художники из журнала «Пионер» создали механизм, а С.К. раскрутил маховик до максимальных оборотов. У Кузнечихина 26 бакинских комиссаров берут в заложники Лермонтова, чтобы тот написал поэму об исконно азербайджанском Карабахе, Герцен претендует на Сталинскую премию по литературе, Денис Давыдов консультирует Пильняка, а Демьян Бедный навещает в борделе Сонечку Мармеладову...

Как и Пятницкий с Доброхотовой, Кузнечихин пародирует окололитературную мифологию. «Седьмая жена» по самое некуда наполнена травестирированными аллюзиями на историю русской словесности.

Взять хоть дуэли российских классиков, состоявшиеся и несостоявшиеся: Толстой – Тургенев, Блок – Белый, Гумилев – Волошин. А что будет, коли поставить всех до единого дуэлянтов в две шеренги с пистолетами в руках?..

Или хрестоматийный призыв бросить Пушкина с парохода современности. Кузнечихин овеществляет метафору: футуристы совсем не символически отправляют классика в надлежашую волну. «Седьмая жена» – удовольствие для искушенного читателя, озорная игра в постмодернизм. Именно игра, поскольку все составляющие строго

дозированы: фрагментарность без ущерба для целого, ирония и пародия без агрессии, интертекст без прямых заимствований.

Вот, кстати, об интертексте. Каждую главу повести завершает поучение, «Мораль» – по-видимому, отсылка к *moralité* Генриха Манна. Сведенные воедино, кузнечихинские афоризмы становятся катехизисом литератора: *«Нельзя поэту рваться к власти, потому что, став приказчиком, он перестает быть рассказчиком».*

«Поэт обязан быть национальным, но упаси его Бог связываться с националистами».

«Случайная премия, как случайная связь, чревата самыми неожиданными последствиями».

В «Эксмо» повесть издали лишь в 2017-м, когда русский постмодернизм уже стал раритетом. Впрочем, Сергей Данилович трагедии из своих вечных опозданий не делает, не его это жанр: *«Лишь осознание собственной ненужности / Дает поэту полную свободу».*

Блажен писатель с такой истиной в багаже.

МЫТАРИ И ФАРИСЕИ

(А. Назаров «Песочный дом»; М., «Радуга», 1991)

Измерять «Песочный дом» аршином короткой рецензии – затея безнадежная: что-нибудь да упустишь. Обстоятельное исследование Абрама Куника, опубликованное четверть века назад в «Звезде», составляет без малого авторский лист.

Андрей Назаров написал мне однажды: *«Я полагал роман христианским, чего замечать никак не хотели».* Вот, пожалуй, достойный предмет для разговора, – а с неизбежными потерями придется смириться.

Шестиэтажный дом за Белорусским вокзалом прозвали Песочным: в августе 1941-го в него угодил фугас, начиненный песком вместо взрывчатки. Можно принять на веру немудрящий топоним и на том успокоиться. Думаю, однако, что мало-мальски искушенный читатель разглядит здесь аллюзию на притчу из Нагорной проповеди – о муже безрассудном, что построил свой дом на песке: *«И сниде дождь, и придоша реки, и возвеша ветры, и опрошася храмине той, и падеся, и бе разрушение ей велие».*

Есть у Назарова правило: начинать текст в точке боли, когда та становится невыносимой. Прозаик принялся за свой первый и единственный роман в 1977-м, когда казалось: жизнь рушится – разваливалась семья, чекисты то и дело вежливо приглашали

потолковать. Единственным спасением стал лист чистой бумаги, на который легли слова о точке боли – уже не личной, но общей: 16 октября 1941-го, когда столица погрузилась в хаос и панику, и незыблемый сталинский СССР вдруг зашатался, будто дом на песке.

Думаю, самой точной аналогией эпосу о военной Москве будет «Явление Христа народу». То же самое многофигурное полотно с прихотливой, математически выверенной композицией. То же самое пограничье веры и безверия, та же самая эмоциональная полифония – причастность, сомнения, отторжение. Каждый из назаровских героев точно так же решает нравственную дилемму: возводить свой дом на песке или на камне. И выбор этот обострен до предела: Христос принес назаровским героям не мир, но меч – в прямом, без метафор, смысле.

Как отличить песок от камня? Заглавная антитеза «Песочного дома» – притча о мытаре и фарисее: *«Всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется».*

Персонажи А.Н. подчеркнута одиноки, лишены помощи и подсказки извне. Единственная носительница истины, бабуся Софья Сергеевна, – София, божественная мудрость, – замкнулась в молчании. Впору еще раз вспомнить картину Иванова: Христос где-то вдалеке, почти не различим. Потому насельники Песочного дома ошупью, мучительно ищут внутреннюю опору во вздыбленном мире. Поиск тяжелый, чаще всего неудачный: *«Человек к истине близок, да неухватиста она – поманит и сгинет».*

Назаров рассуждает по-толстовски: соблазн должен войти в мир, но горе тому, через кого соблазн входит. У каждого из героев свое хождение по мукам: искушение лжеучением, деньгами, властью, мороком своей избранности, – словом, тем или иным обладанием. Тот, кто вообразит себя имеющим, – деньги ли, право ли, – обречен: *«Нет земному царству высшей цели, мертво оно, подлежит тлену и искоренится рано или поздно в цвете своего тщеславия».*

Единственная ценность, не подвластная девальвации, – внутренняя свобода. Ею в романе наделены двое: безымянный Книжник, арестованный НКВД, и мальчик Авдейка, от рождения озаренный горним светом: *«Свободный он от себя. Видно, иную волю над собой чувствует – не от нашего мира».* Дворовое прозвище Авдейки – Бабочка – вовсе не случайно. Трессидер в «Словаре символов» утверждал: *«Христос, держащий в ладони бабочку, символизирует воскресение».* Но упаси вас Господь воспринимать назаровских героев как аллегории. Это люди из плоти и крови, выписанные тщательно и достоверно – в

первую очередь за счет невероятно пластичной речи. Андрей Александрович счастливо владеет всеми изводами живаго великорусскаго и с каждым из героев говорит на его языке. Роман не раз сравнивали с фугой, где тема варьируется несколькими голосами. А тему «Песочного дома», – коли на то пошло, то и всей своей прозы, – Назаров сформулировал в эссе «За оградой»: *«Люди стояли во имя ценностей, перевесивших страх смерти».*

На сем камне...

ПОБОЧНЫЙ СЫН ЭПОХИ

(Ю. Старцева «Коль пойду в сады али в винограды»; журнал «Звезда» № 8, 2017)

Начну с цитаты – сейчас поймете, почему.

«Милостивец был всем хорош, а по-русски не умел грамоте вовсе. Щеголь лоценьый, с победительным оскалом белейших ровных зубов, миловиднее Купидона; парик в лиловой, пунсовой али золотой, по наряду смотря, пудре надушен; взор нагл и томен, с зовущим блеском голубых немецких глаз; голос вкрадчивый и приятный – у дам от его голоса, усмешки, пристального взора вдруг приключалось рассудка смятение, их вихри крутили, и дамы себя теряли».

Речь есть лишь вторая сигнальная система. И если автор исторической прозы в состоянии адекватно воссоздать речь времьян петровскихх – уж будьте благонадежны, с первой сигнальной системой у него все в порядке: она работает в режиме описанной эпохи, настроена в унисон ей. «Винограды» – более чем добротная стилизация; и не стилизация даже – вживание в осмнадцатое столетие, переживание и перевоплощение. С избыточным извитием словес, в чем греха не вижу: русское барокко Феофаном Прокоповичем не кончилось, отзвуки затейливого и краснолаголивого маньеризма слышны были вплоть до Третьяковского. От главного героя повести, пииты Егора Столетова, уцелели всего две строки: *«Коль пойду в сады али в винограды, / Не имею в сердце ни малой отрады».* Воистину: злосчастное житие виршеписца сложилось так, что хуже не придумаешь: служба у Виллима Монса, ссылка в Рогервик, возвращение ко двору, служба у цесаревны Елизаветы, ссылка в Нерчинск – и смерть на плахе в 30 лет.

Чтобы понять трагедию Столетова, понадобится тайм-аут. Варяги, кроме фасона рукавиц и системы удельного княжения, принесли на Русь миф о божественном, от Одина, происхождении поэзии и веру в магию

поэтического слова. В утилитарном мире, выстроенном по лекалам великого практика Чингисхана, поэзии места не нашлось. На ее реабилитацию понадобились столетия. *«Аще и двоестрочием слагается, / Но обаче от того же Божественнаго писания избирается»*, – настаивал в рифму справщик Савватий в царствование Михаила Феодоровича.

При государе Петре I Алексеевиче свет, казалось бы, забрезжил вновь: рождалась русская интеллигенция. Однако нужна она была для решения прикладных задач: дела горного да литейного, навигацкого да приказного, тако ж иных хитростных наук. Антиох Кантемир был в первую очередь дипломатом и лишь затем пиитом. Обаче Егорка Михайлов сын Столетов, никоторому делу, oprичь амурных токмо цидулок, не прилежный, обречен был оставаться приживалом при очередном милостивце – и вместе с ним неизбежно попадал под раздачу, обычную во времена дворцовых переворотов. Поэт в России меньше, чем поэт – так, забава вроде говорящего попугая...

Я уже говорил, что Ю.С. отменно чувствует эпоху. Барочная эстетика жива была оппозициями: жизнь – смерть, грех – добродетель и проч. Кульминация здесь вполне барочная, без полутонов: противостояние ссыльного Егора Столетова и начальника нерчинских заводов Василия Татищева, что ведет жестокий розыск по его делу. Конфликт двух типов интеллигента: служилый человек, инженер, будущий историк – и побочный сын скоропостижного петровского просвещения: *«Щегольская, увеселительная наука стихотворства потребна ли человеку разумному?.. А высоты Парнасски ведению Берг-коллегии не подлежали по причине своей мнимости»*.

Что занесем в графу «итого»? Как правоверный опоязовец не обойдусь без Шкловского. Что есть искусство? – мышление образами. Что есть образ? – способ увеличить ощущение вещи, то есть произвести максимальное впечатление. Впечатление текст производит – и далеко не самое худшее. А большего требовать грешно.

Памяти Александра Кузьменкова

Сергей Слепухин, Екатеринбург

За угрюмыми воротами заброшенного завода умер отшельник. Качнулось черное небо в серых облачных разводах, разинули рты амбразуры окон, длинная когтистая рука смерти потянулась к покойнику, истошно завывла собака... Монолит времени распался на секунды, стрелки вздрогнули и застряли «на трех часах»...

Рассказ «Группа продленного дня» написан пятнадцать лет назад. Рано или поздно наступает оскудение каждой жизни, человек падает на дно спасительного беспомыслия, и, наконец, некая сила уводит душу из забвения в небытие. Вслед за персонажем новеллы недавно ушел под цинковый свет стылых фонарей и сам автор, тоже затворник, — Александр Кузьменков.

Не забуду нашу первую встречу. Лысый полный мужчина в длинном черном кожаном пальто. Старается говорить густым громоподобным голосом, однако в его крупной, немного несуразной фигуре угадывается отнюдь не хищник, а миляга-ламантин. Мягкая, почти детская нижняя губа выдает в нем человека чувственного и легко ранимого.

К нему осталось много вопросов. Зачем несомненный талант и завидное мастерство прозаика он променял на сомнительное ремесло зоила? Посетило ли его хоть на минуту раскаяние, промелькнула ли мысль, что, возможно, ошибся в оценке, перегнул палку, незаслуженно обидел чью-то книгу и ее сочинителя? Этого ли итога творчества он ждал, когда впервые произнес: «Eхegi monumentum»?

Теперь уже не спросишь, да он и не ответит...

на смерть А. К.

Сличите смерть со сном: стерильный запах моря,
пикриновых кислот тугая желтизна,
настырные ктыри, угрозе тления вторя,
пронизывают ткань погибели и сна.

Кору утюжит зной, всеобморочный ужас,
вкус пагубы засох в калёной плёнке губ,

вот-вот твоя душа исторгнется, натужась,
в прогал небытия фаллопиевых труб.

Туда, где шайка звёзд участливо висела,
и заводной вертеп беременел тобой
немыслимо давно, а память, память тела
не оттеснили сон и смерть в беззвучный зной...

Юлия Старцева, Петербург

2022 год — воистину чёрный в нынешнем российском фатальном беге по кругу. 26 ноября в нижнетагильской больнице угасили ярчайшую звезду российской словесности — в шестьдесят лет от инфаркта скончался литературный критик и писатель Александр Кузьменков.

Народ предпочитал узнавать о новинках конвейера редакции Елены Шубиной и «Эксмо» из блестящих едких фельетонов «зоила из Нижнего Тагила», а саму «буквосодержащую продукцию» огнюдь не открывать. Ярость и зависть «критиков-хвалитиков» и месть обиженных графоманов, лауреатов премии «отрицательного отбора», преследовала А. К. Целое десятилетие он, как васнецовский «один в поле воин», противостоял организованной мафии премиального процесса. Нынче у бездарных негодяев праздник...

Критик А. К. сочетал сарказм и глубокую эрудицию, безупречное владение русским языком и чувство стиля, неизменно попадал жалом в нерв времени — и отсылал к русской литературной традиции.

Необходимо упомянуть его собственную прозу. Секрет её неуспеха у издателей очевиден: мир прозы Кузьменкова — это «страшный мир», трагическое действие всегда происходит под железным небом концентрационной вселенной, по учению гностиков; любимые герои убиты наиболее зверски, даже намёка на катарсис нет. Автор-мучитель не щадит ни себя, ни читателей.

Разумеется, в примитивных мозгах ком-мерческих издателей (а других в РФ не оста-лось) мелькнёт мыслишка-ярлык: «чернуха».

Проза давалась ему очень тяжело, повесть «Десятая годовщина», написанная в тыняновском духе, под «Кюхлю» и под «Пушкина», стоила автору здоровья, и на мои уговоры дописать явно недостающие две-три главы Кузьменков отмахивался с суеверным ужасом. Так что досужие

фантазии убожеств, будто в критику он ушёл из-за неудач в литературе, ложны. Он ушёл на «лёгкие заработки» — лёгкие для него, блестяще одарённого.

Цену себе и другим он знал хорошо. Друзей у него было немного, а поклонников сатирического дара — множество. Хвалил он крайне редко и никогда не ошибался: вкус его был безупречен, чутьё не подводило.

Человек был русский, жаль, что остался вне православия. Вспомнилось: другой мой покойный друг, филолог Владимир Нехотин, на замечание Кузьменкова: «Вот мы погрём, и вся эта пидерармерия возрадуется, и жучки, и внучки», возразил: «После смерти некоторые становятся классиками, а мёртвые классики опаснее живых».

«БОЛЬНО ТОЛЬКО,
КОГДА СМЕЮСЬ»

Редактор раздела Лев Вайсфельд

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

Родилась и училась в Ленинграде. С 94-го - в США, в штате Колорадо. Публикации стихов и прозы в журналах "Новая юность", "Интерпоэзия", "Студия", "Дружба народов", "Вестник Европы" и др.

Лень продолжать. Пусть будет одностишье

*

А ты-то почему меня не хочешь?

*

Сударыня!.. (Все. Дальше нецензурно.)

*

И я, как все, противник конформизма!

*

Любуйся мной. Правее... Вон оттуда.

*

Не спи, а то запишут добровольцем.

*

Когда умру, прошу - без ликованья...

*

IQ хорош, но мог бы быть трехзначным..

*

Разделась бы, но люди... и сугробы...

*

Стремлюсь к бессмертью и пока успешно.

*

Чего б еще разумного посеять?

*

Стихи пишу не в стол, а сразу в урну.

*

Прощай! Пиши. Смешное - публикую.

Русская сказка

Жили-были Родитель номер 1 и Родитель номер 2, и родились у них Женщина номер 1 и Женщина номер 2. Потом Родитель номер 1 выдал Родителя номер 2 за Мужика номер 2, а сам стал жить с Гимнасткой номер 1. Были у него еще Баба номер 1 и Баба номер 2, и от них родилось Неизвестно Что (без номеров). И завел он ручного Медведя номер 2, который быстро спился.

Жили они поживали все долго-долго, хотя их давно заждались Праотец номер 1 и номер 2.

Что-то тут, конечно, не то, нерусское что-то. Не Родитель номер 1 по-нашему, а дед, и не Родитель номер 2, а мать, мать, мать твою!.

МАША РУБИНА

Мария Рубина – поэтесса из Массачусетса, урожденная петербурженка, постоянный автор журналов "Чайка" и "Фонтан", создатель немногочисленных лирических и многочисленных юмористических стихотворений, миниатюр и афоризмов, в том числе беспардонно ушедших в народ.

Золушка и советские драматурги

Пьеса в двух действиях и четырёх сценах без пролога и эпи塔фии, но с эпилогом.

Действие первое.

Сцена первая.

Чисто прибранная горница в просторной избе. Пасутся куры, утки, гуси и овцы. В левом углу горницы – курень. В правом – плетень. На печи лежит чучело Емели. На стене висит фотография аккордеона. За столом сидит Зойка – молодая румяная девушка с веснушкой на носу. Одной рукой она перебирает крупу, другой строчит донос на швейной машинке, глазами читает газету "Светлый Жуть."
Входят Мачеха, Машка, Дашка и Отец.

Мачеха: Зойка, подои гуся!

Машка: Пришей к п-де рукав!

Дашка: Оторви и выбрось!

Мачеха: Пришей и пристегни!

Трое (хором): А то нам в клуб на танцы пойти не в чем!

Отец (виновато): Прости, доча, что не вступаюсь за тебя. Не было такого постановления из ЦК. Ты уж подсуетись.

Зойка суетится в избе.

Сцена вторая.

Тропинка, ведущая к сельсовету. По тропинке бредёт Зойка босиком и в одном кушаке.

Из леса выходит Председатель Совхоза Михеич, пугливо озираясь. В

руках у него повышенные надои. Увидев Зойку, Михеич останавливается и закуривает план на пятилетку.

Михеич: Здравствуй, красавица. Всё село нынче на танцах, а ты почему отрываешься от коллектива?

Зойка (*размазывая слёзы по лицу Михеича*): Ой, дядя Федя, не в чем мне на танцы-то идти. Мачеха да сёстры моё платье единственное отобрали и в нём на танцы пошли. Совсем жизнь мою заели, кулачихи несознательные.

Михеич: А ты не плачь, не плачь, красавица. Вижу – девка ты сознательная, работающая, такие нашей стране нужны. (*достает из кармана маленький свёрток*). Вот тебе лапти, сарафан да комсомольский значок. Надевай – и марш в клуб! Только запомни – после полуночи не задерживайся, а то всем селом раскулачим.

Зойка (*шустро надевая лапти и сарафан*): Ой, спасибочки, дядя Федя, уж я не задержусь, оправдаю доверие! (*бросается ему на шею*)

Михеич (*снимает Зойку с шеи*): Лети, лети, балаболка неугомонная!

Зойка (*радостно*): Лечу-у-ууу!

Убегает по тропинке.

Михеич (*усмехаясь в бороду*): Да пошутил я. Молодёжь нынче доверчивая пошла.

Уходит, светясь добротой в глазах.

Слышно, как в кустах поют колхозники.

Действие второе.

Сцена первая.

Сельский клуб. В середине зала – красный уголок. В левом углу - жёлтый уголок. В правом – зелёный уголок. У окна – чешский уголок и раскладной диван "Юлия."

У входа вертится сельский шофёр Жорка Граммофон и наигрывает "Интернационал." Колхозники водят хоровод.

Входит Зойка.

Из красного уголка появляется Тракторист Лёха – плечистый смуглявый парень в кепке. В руках он держит доярку Дусю. Завидев Зойку, роняет Дусю. Та с грохотом падает на пол и лежит.

Лёха (Дусе): Уйди, постылая. Не люблю я тебя! Никогда не любил, так - покуражиться захотелось!

Дуся: Лё-ё-ёшенка-а-а-аа! Не бросай ты меня, люблю я тебя, больше жизни люблю, ирод проклятый, глаза бы мои тебя не видели!

Лёха (*подходит к Зойке и берёт её за руку*): Полюбил я тебя. Свадьбу

сыграем, кабанчика забьём, детишки пойдут, как люди жить будем. В райцентр переедем. Я на завод токарем устроюсь, в партию вступлю. По партийной линии продвинусь. Халат тебе новый куплю, с пампушками. Директором завода стану, гореть буду на работе, потом помру. Пойдёшь за меня?

Зойка (светясь счастьем в глазах): Пойду за тебя, Лёшенька, пойду!
Прикасаются друг к другу щеками и долго стоят, глядя в советскую даль.

Часы бьют полночь. Зойка выбегает из сельсовета. Шум, топот, гам. Колхозники танцуют гопака.

Сцена вторая.

Тропинка, ведущая из сельсовета в глухой лес. По тропинке идёт Тракторист Лёха. В руке у него лапоть.

Ночь. Слышно, как шелестят травы, качаются ромашки, тренькают кузнечики, клацают колокольчики, бибикают васильки, кулдыкают кукушки, бренькают лопухи, тарабанькают одуванчики. Где-то вдалеке клекочет сова.

Из леса появляется Зойка. В руке у неё лапоть.

Лёха (топает ногой и рвёт косоворотку на груди): Эх, где только моя не пропадала! Три месяца я тебя искал, горе ты моё луковое, счастье ты моё ненаглядное, все коровники обошёл. Запала ты мне в душу.

Срывает с головы кепку и топчет её сапогом.

Зойка (светясь по-девичьи в глазах): Лёшенька, как долго я тебя ждала.

Лёха (светясь по-мужицки в глазах): В сорок лет жизнь только начинается.

Зойка и Лёха соприкасаются рукавами и стоят, глядя в советскую даль.

Из кустов доносится хоровое пение колхозников.

Чёрт-те чем занимается рассвет.

Эпилог.

Просторная хрущёвка. За столом у окна сидит Зоя Ивановна Брандспойт в халате с пампушками. Вечереет.

В комнате в кроватках мирно посапывают двадцать детишек. Самому старшему – сорок лет. Самой младшей – полтора месяца.

Зоя Ивановна (светясь грустью в глазах, глядя в окно): Скоро мой Моисейка с работы придёт. Давно мы женаты, а Алёшу – мужа своего первого, любовь свою единственную, забыть не могу. Помер-то он, как и обещался. Сгорел, касатик, на работе. Говорили ему – не лезь, Лёха, в

доменную печь – не послушался. Упрямый был, своевольный.

Зоя Ивановна встаёт, грузной старческой походкой подходит к шкафу и достаёт коробочку с прахом. Три слезы медленно скатываются с её щеки.

Зоя Ивановна: Ну да жизнь продолжается. Вот уж скоро старшенький в школу пойдёт, младшенькой надо кашку сварить, средненьких в зоопарк сводить. Скучать нам некогда.

Зоя Ивановна опять подходит к окну и пристально глядит в советскую даль.

За окном уверенно встаёт светлое будущее

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОЭЗИЯ

АНАТОЛИЙ АВРУТИН.....	4
ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ.....	10
ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ.....	18
ЮРИЙ ВАЙСМАН.....	24
НАУМ ВИНАРСКИЙ.....	26
ГЕРМАН ВЛАСОВ.....	32
ГАЛИНА ВОРОН.....	39
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ.....	44
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ.....	46
ТАТЬЯНА ДУДНИКОВА.....	48
АЛЕКСАНДР ЗАКУРЕНКО.....	53
ФАИНА ЗИЛЬП.....	59
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ.....	65
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ.....	68
ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ.....	74
ИРИНА КАРЕНИНА.....	79
ГЕНАДИЙ КАЦОВ.....	84
КАТЯ КАПОВИЧ.....	90
ЕЛЕНА КОГАН.....	96
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	101
ЯНА-МАРИНА КУРМАНГАЛИНА.....	105
АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК.....	109
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	114
ВАДИМ МЕСЯЦ.....	118
ВЛАДА МИЦУКОВА.....	124
ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ.....	130
СЕРГЕЙ ЛАЗО.....	135
ГРИГОРИЙ ОКЛЕНДСКИЙ.....	142
АЛЕКСАНДР ОРЛОВ.....	147
АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН.....	152
СЕРГЕЙ ПАГЫН.....	158
ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА.....	162
ЛЮДМИЛА ПРАСАД.....	168
МИХАИЛ СИПЕР.....	173
МАРИНА РУСОВА.....	178
СЕРГЕЙ СЛЕПУХИН.....	182
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР.....	187

АННА ТРИФАНОВА.....	193
ЕКАТЕРИНА ХИНОВКЕР.....	196
ЛЮБОВЬ ЧЕРНОВА.....	198
ДАНИИЛ ЧКОНИЯ.....	201
МИХАИЛ ШЕРБ.....	204
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	210
МАРИНА ЭПШТЕЙН.....	215

ПРОЗА

ЕФИМ ГАММЕР.....	220
СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН.....	238
ИРИНА(ЛЯЛЯ) НИСИНА.....	260
ВЛАДИМИР ПАХОМОВ.....	288
ИННА РЕЗНИЧЕНКО.....	313
ЮЛИЯ СТАРЦЕВА.....	319

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА.....	329
-----------------------	-----

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (Потерянные страницы)

ИВАН ЕЛАГИН.....	377
------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ.....	358
БЕЛЛА ВЕРНИКОВА.....	370
ЖУРНАЛУ «ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИРА» 10 ЛЕТ.....	377
АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ.....	385
ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА КУЗЬМЕНКОВА.....	392

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ...»

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК.....	396
МАША РУБИНА.....	398

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ
ЮРИЙ ВАЙСМАН
ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ
НАТАЛЬЯ КРОФТС
ВАДИМ МОЛОДЫЙ
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР